

III
Т. 415

А. Г. ТИМОФЕЕВЪ,
Приватъ-доцентъ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

РЪЧИ

СТОРОНЪ ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРОЦЕССЪ.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С.-Петербургской тюрьмы.

1897.

3118 каб. ун. архив.

1967

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Открывая въ 1896 г. курсъ по судебному краснорѣчію („Рѣчи сторонъ въ уголовномъ процессѣ“), я вмѣстѣ съ тѣмъ началъ вести практическія занятія по составленію судебныхъ рѣчей съ цѣлью дать студентамъ хотя бы нѣкоторую практическую подготовку къ ожидающей ихъ въ будущемъ дѣятельности. Весьма важнымъ условіемъ успѣшности практическихъ занятій является руководство по судебному краснорѣчію, въ которомъ можно было бы найти хотя наиболѣе общіе правила и приемы техники ораторскаго искусства, позволяющіе начинающимъ воспользоваться тѣмъ, что было выработано уже извѣстными ораторами. Опытъ такого руководства, имѣющаго въ виду намѣченную задачу, и представляетъ настоящій трудъ. Такъ какъ ораторское искусство каждаго народа имѣетъ свой самостоятельный характеръ, то, составляя руководство, я и пользовался для иллюстраціи общихъ положеній почти исключительно рѣчами русскихъ судебныхъ ораторовъ, какъ наиболѣе полезнымъ матеріаломъ, подходящимъ къ условіямъ нашего судебного краснорѣчія.

А. Тимофеевъ.

СПбГУ

ВВЕДЕНІЕ.

Судебное краснорѣчіе составляетъ отдѣлъ ораторскаго искусства, отличающійся нѣкоторыми техническими особенностями, обусловливаемыми требованіями судоговоренія; приемы составленія рѣчи и аргументаціи по существу одни и тѣ же какъ у судебного, такъ и у политическаго оратора, поэтому и, разсматривая вопросъ о судебномъ краснорѣчій, необходимо выходить изъ общихъ положеній, касающихся ораторскаго искусства, лишь приспособляя ихъ и выбирая наиболѣе удобное и цѣнное для судебного оратора.

Ораторское искусство, по общепринятому опредѣленію, есть искусство вызывать своей рѣчью въ другихъ (слушателяхъ) опредѣленное, желательное для говорящаго настроеніе или убѣжденіе, побудить ихъ къ тому или другому рѣшенію, воздѣйствовать словомъ на разумъ, чувство и волю слушателей. Теорія ораторскаго искусства указываетъ способы и приемы составленія рѣчей, наиболѣе выгодные и удобные для оратора. Значеніе этого искусства безспорно. Слово одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ человѣка, и умѣнье владѣть и пользоваться имъ необходимо для каждаго. Исторія краснорѣчія тѣсно связана съ общей исторіей цивилизаціи человѣчества, съ развитіемъ правосознанія и положеніемъ личности въ государствѣ. На Востокѣ, въ строгомъ смыслѣ слова, не существуетъ краснорѣчія: тамъ нѣтъ матеріала для свободнаго убѣжденія; восточная рѣчь изобилуетъ всевозможными стилистическими красотами и преувеличеніями, но лишена главнаго, что составляетъ сущность искусства, — силы и искренности.

Совершенно другое мы видимъ въ античномъ мірѣ, въ цвѣтущій періодъ афинской и римской республикъ. Тамъ судьба государства рѣшалась въ народныхъ собраніяхъ,

силою убѣжденія, оружіемъ котораго является свободное слово. Судоговореніе совершалось въ тѣхъ же условіяхъ, оно происходило гласно передъ выборными судьями въ присутствіи массы слушателей, одушевлявшихъ и поддерживавшихъ оратора, и положеніе его и въ Римѣ и въ Греціи было высокимъ и почетнымъ: ораторъ по выраженію Цицерона (*De oratore I, 8*) покровительствуетъ слабымъ, спасаетъ невинныхъ, поддерживаетъ порядокъ въ государствѣ.

Наше время по условіямъ жизни въ современномъ правовомъ государствѣ приближается въ этомъ смыслѣ къ древне эллинскому и римскому міру. Съ каждымъ успѣхомъ цивилизаціи, развитіемъ просвѣщенія, торжествомъ права надъ силой возрастаетъ и престижъ слова, которое становится все болѣе и болѣе могучимъ орудіемъ для проведенія въ общественную и государственную жизнь тѣхъ или другихъ началъ, для отстаиванія важнѣйшихъ, существеннѣйшихъ интересовъ общества и индивидуума. Свобода слова давно уже стала въ культурныхъ государствахъ однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ правъ гражданина; понятно поэтому и стремленіе къ занятію и упражненію въ ораторскомъ искусствѣ, ставшемъ по вѣрному замѣчанію одного изъ германскихъ писателей, Гильдебранта, теперь практическою необходимостью. „Въ наши дни, говоритъ Ажамъ, въ своей интересной работѣ (*La parole en public. Paris, 1895. стр. 173*), слово стало оборонительнымъ и наступательнымъ оружіемъ; нужно обучаться владѣть имъ, какъ шпагой“.

Но если ораторское искусство не должно быть чуждо въ настоящее время всякому человѣку, члену культурнаго общества, то тѣмъ болѣе оно необходимо для судебныхъ дѣятелей; если для судьи, только постановляющаго рѣшеніе, эта необходимость не такъ рѣзко бросается въ глаза, заслоняется другимъ требованіемъ—знанія юридической техники, то для прокурора или адвоката умѣнье говорить является условіемъ, безъ котораго ихъ дѣятельность почти теряетъ значеніе. Между тѣмъ въ настоящее время ораторская подготовка судебныхъ дѣятелей оставляетъ желать многого, недаромъ извѣстный австрійскій адвокатъ Фридманъ замѣ-

часть, что молодые защитники не должны выступать въ судѣ безъ предварительной подготовки, такъ какъ имъ не достаесть опыта, и этотъ недостатокъ долженъ быть возмѣщенъ обученіемъ: неподготовленнаго, хотя бы даже и способнаго оратора, на первыхъ шагахъ можетъ постигнуть неудача, которая повліяетъ на одѣнку и отношеніе къ молодому адвокату въ будущемъ. Кромѣ того тѣ или другіе недостатки въ произнесеніи рѣчи, существующіе, конечно, у всѣхъ, даже у даровитыхъ ораторовъ, легче всего могутъ быть исправлены и устранены сначала, такъ сказать, въ подготовительный періодъ, когда всего удобнѣе сознательная работа надъ собой, и когда эти недостатки не укоренились, не вошли въ привычку, съ которой уже трудно бороться. Наконецъ, противъ самовоспитанія въ ораторскомъ искусствѣ путемъ судебной дѣятельности, можно привести и тотъ практическій доводъ, что неподготовленный ораторъ долженъ приобрѣсти навыкъ на первыхъ вѣрренныхъ ему дѣлахъ, — они могутъ быть проиграны благодаря неумѣлости начинающаго, который такимъ образомъ будетъ приобрѣтаетъ опытность въ ущербъ вѣрреннымъ его охранѣ интересамъ. Конечно, желательно, чтобы подготовка ораторовъ покупалась не столь дорогой цѣной.

Все вышесказанное неизбѣжно приводитъ къ мысли о необходимости возможно широкаго ознакомленія съ принципами ораторскаго искусства. Противники этого мнѣнія, признавая значеніе хорошей рѣчи, отвергаютъ возможность обученія ораторскому искусству, утверждая, что умѣнье говорить — прирожденная способность, даръ боговъ, которымъ нужно пользоваться, но которому не зачѣмъ учиться. Рѣчь — естественная способность человѣка. Люди говорили рѣчи и защищали дѣла, когда объ ораторскомъ искусствѣ еще не было и помину. Это совершенно справедливо, но ничего не доказываетъ: напр. люди точно также строили и дома до возникновенія архитектуры, что, конечно, не свидѣтельствуетъ о бесполезности послѣдней. Искусство помогаетъ природнымъ дарованіямъ, развиваетъ и совершенствуетъ ихъ. „Учить говорить природа, но и правиль,

созданныхъ людьми достаточно, чтобы образовать искусство“.
(Cicero, o. c. I, 20).

Другіе, признавая теоретически важность обученія ораторскому искусству, говорятъ, что оно на практикѣ невозможно и не достигаетъ цѣли. Основанія для этого возраженія созданы исторіей. Древніе полагали, что даръ слова подлежитъ развитію, техника ораторскаго искусства стояла у нихъ высоко, величайшіе ораторы античнаго міра Демосѳенъ и Цицеронъ были усердными учениками риторовъ. Положеніе измѣнилось впослѣдствіи. Обученіе ораторскому искусству въ силу историческихъ обстоятельствъ исчезновенія свободы слова, отсутствія общественной жизни и т. п., свелось къ внѣшности, къ составленію учебниковъ реторики, которую горячій противникъ систематическаго обученія ораторскому искусству de Baets справедливо называетъ „рѣбаческой,“ (L'art de plaider. стр. 9, 13). Она вся стала сводиться къ механическому заучиванію тропъ и фигуръ и т. п. за которымъ совершенно пропадало внутреннее содержаніе рѣчи. Въ такомъ положеніи находится въ настоящее время преподаваніе краснорѣчія во многихъ странахъ. Не трудно видѣть, что такая реторика, наслѣдіе временъ упадка и невѣжества, имѣетъ мало общаго съ ораторскимъ искусствомъ. Теорія послѣдняго не должна давать неизмѣнныхъ положеній для механическаго примѣненія ихъ въ томъ или другомъ случаѣ, оно можетъ быть только собраніемъ руководящихъ правилъ, указываемыхъ опытомъ и изученіемъ характера человѣка, оно указываетъ оратору дорогу, помогаетъ разбираться въ матеріалѣ, располагать его, учитъ пользоваться природными способностями и средствами наиболѣе выгоднымъ образомъ, но не подчиняетъ его узкимъ, обязательнымъ, шаблоннымъ формамъ, учитъ составлять рѣчь вообще, не рѣчь по данному дѣлу. Оно даетъ отправную точку, основаніе, которыя ораторъ долженъ развивать и совершенствовать самостоятельно въ зависимости отъ его личныхъ дарованій. Здѣсь индивидуальность сохраняетъ вполне свое значеніе. Правила ораторской техники, какъ и другихъ искусствъ, напр. живописи или архитектуры мѣняются

по эпохамъ и народамъ. Въ этой вѣчной работѣ движенія каждое правило или пріемъ являются только моментомъ, съ которымъ связывается дальнѣйшее развитіе.

Ораторское искусство, слѣдовательно, не создаетъ, а помогаетъ и поддерживаетъ. Странно было бы утверждать, что можно сдѣлать оратора изъ косноязычнаго или не могущаго сколько нибудь связно выразить свои мысли человѣка, точно также нельзя выработать и самому лучшему учителю замѣчательнаго художника изъ человѣка, не имѣющаго абсолютно никакихъ способностей къ живописи. Но человѣкъ среднихъ способностей можетъ пріучиться говорить ясно и систематически излагать свои мысли. При одномъ и томъ же методѣ обученія одинъ можетъ выйти великимъ ораторомъ, другой посредственнымъ, точно также какъ изъ школы живописи можетъ выйти и великій художникъ и живописецъ вѣвѣсокъ. Несмотря на эти различія въ результатѣ, обученіе искусству и въ томъ и въ другомъ случаѣ необходимо, потому что безъ него нельзя написать ни порядочной вѣвѣски, ни замѣчательной картины.

Ораторъ долженъ владѣть вниманіемъ аудиторіи, для этого нужно не только умѣніе хорошо говорить, но и способность сдѣлать рѣчь содержательной и интересной, послѣднее достигается образованіемъ оратора, на которое обращали большое вниманіе еще древніе. Квинтиліанъ, напр., начинаетъ изложеніе правилъ воспитанія оратора съ младенчества. Древніе ораторы ознакомлялись по возможности со всѣми извѣстными тогда науками, особенно философій и исторій. Цицеронъ требуетъ отъ оратора обширныхъ познаній, такъ какъ иначе его рѣчь будетъ смѣшной и пустой болтовней. И въ настоящее время отъ оратора требуется значительная подготовка. Авторъ обширнаго руководства судебнаго краснорѣчія, Ортловъ считаетъ необходимымъ для оратора, кромѣ знанія юридическихъ наукъ, знакомство съ общественными науками, философій и съ изученіемъ преступности съ антропологической и статистической точки зрѣнія, такимъ образомъ очерчивается довольно широкій кругъ различныхъ знаній, но едва ли такое обра-

зованіе можно счесть достаточнымъ для оратора. Современная наука стремится къ чрезмѣрной спеціализаціи, при которой теряется общее, человѣкъ замыкается въ узкую область своей спеціальности, его умственные горизонты ограничиваются, и внѣ избранныхъ имъ болѣе или менѣе частныхъ вопросовъ онъ не можетъ работать; понятно, что при такихъ условіяхъ совершенно забывается, что разработка всякаго частнаго вопроса имѣетъ значеніе, если онъ не теряетъ связи съ общими задачами науки. „Для юриста мало чтенія спеціальныхъ книгъ; кто довольствуется спеціальностью становится своего рода маньякомъ“. (De Baets. L'art de plaider. стр. 40).

Въ современномъ уголовномъ процессѣ ораторъ не только юристъ, задача котораго заключается въ толкованіи той или другой статьи кодекса или въ подведеніи подъ нее какаго либо обстоятельства даннаго дѣла. Работа его гораздо шире и труднѣе: передъ судомъ является не одно дѣяніе, но и личность преступника, и часто безспорность событія преступленія, его фактической стороны, еще не предрѣшаетъ исхода дѣла. Защитникъ и прокуроръ, каждый съ своей точки зрѣнія, должны нерѣдко дѣлать сложныя психологическія характеристики, возсоздать предъ судьями ту или другую личность со всѣми особенностями ея характера и дѣятельности; иногда въ процессѣ оказывается необходимымъ затронуть теченіе общественной мысли, воспользоваться настроеніемъ, господствующимъ въ обществѣ въ данный моментъ, — чтобы быть въ состояніи сдѣлать все это мало знанія подлежащихъ статей закона и кассаціонныхъ рѣшеній, только посредствомъ ихъ трудно завладѣть вниманіемъ и симпатіей присяжныхъ.

Широкое общее образованіе составляетъ, слѣдовательно, залогъ успѣха какъ оратора вообще, такъ и судебного оратора въ частности. И несомнѣнно, что оно возможно на ряду съ достаточнымъ изученіемъ спеціальныхъ предметовъ, — все зависитъ отъ количества и качества затрачиваемаго на занятія труда и правильнаго отношенія къ требованіямъ, предъявляемымъ спеціализаціей. Общее образова-

ніе не есть условіе, ставимое теоретиками ораторскаго искусства, являющееся плодомъ кабинетныхъ размышленій, напротивъ оно—результатъ опыта и практики, отсюда уже перешедшее въ теорію. Приведемъ въ подтвержденіе этой мысли мнѣнія двухъ практиковъ: бельгійскаго адвоката de Baets'a и извѣстнаго русскаго судебнаго оратора А. Θ. Кони. „Нужно читать много, говоритъ de Baets, пользоваться всякимъ случаемъ, не пропускать никакой статьи“ (о. с. стр. 41—43). Еще опредѣленнѣе выдвигаетъ это положеніе А. Θ. Кони. „Широкое и глубокое образованіе, знакомство съ исторіей искусства и литературы необходимо для человѣка, посвятившаго себя служенію правосудія. Только благодаря имъ можно не опасаться обратитъ своего служенія въ ремесло.“ (А. Θ. Кони. За послѣдніе годы. Соб. 1896 г. стр. 417—418). Что такія требованія относительно образованія не являются невозможными и неисполнимыми, о томъ ясно свидѣтельствуетъ исторія ораторскаго искусства, которая говоритъ намъ, что замѣчательные ораторы были въ то же время образованными людьми въ лучшемъ смыслѣ этого слова, не узкими спеціалистами.

На ряду съ образованіемъ слѣдуетъ поставить и нравственныя качества оратора, на которыя обращалъ большое вниманіе великій ораторъ-практикъ Цицеронъ, говорящій, что нравственная жизнь и дѣйствія оратора имѣютъ немало-важное значеніе, служатъ хорошимъ средствомъ вызвать расположеніе судей или слушателей. Ораторъ, справедливо утверждаетъ Аристотель, долженъ казаться разумнымъ и добросовѣстнымъ; тогда его слова будутъ встрѣчены съ довѣріемъ. То же самое, конечно, должно сказать и о современныхъ ораторахъ, если они не хотятъ, чтобы ихъ слова были „мѣдъ звенящая и кимвалъ бряцающій.“

Цѣль рѣчи произвести впечатлѣніе, увлечь слушателей, завладѣть ихъ вниманіемъ и симпатіей. Для этого ораторское искусство устанавливаетъ правила какъ по существу, такъ и по формѣ рѣчи, но оно бессильно, если ораторъ не въ состояніи дать благодаря своимъ знаніямъ дѣйствительно интереснаго содержанія рѣчи, и если его слова не представ-

ляются для слушателей результатомъ искренняго, глубокаго убѣжденія. Должно казаться, что ораторъ самъ сжился съ тѣми чувствами и настроеніями, которыя онъ хочетъ видѣть у слушателей, должно казаться, что онъ не отдѣлимъ отъ произносимой имъ рѣчи, самостоятельная личность оратора должна по возможности ступать за тѣми мыслями, которыя онъ проводитъ. Оратору приходится обыкновенно во всякомъ дѣлѣ отстаивать, защищать, обвинять, нападать во имя высшихъ началъ человѣческаго духа и нравственности, и естественно, что фразы о долгѣ, справедливости, истинѣ, негодованіе на пороки, защита справедливости много теряютъ въ убѣдительности и силѣ, если слушатели будутъ невысокаго мнѣнія о нравственныхъ свойствахъ оратора: предположеніе объ искренности его убѣжденій неминуемо исчезнетъ, аудиторія будетъ относиться недобѣрчиво и критически къ его словамъ, а это, конечно, не можетъ не отразиться на впечатлѣніи, производимомъ рѣчью. Старые учителя краснорѣчія, напр. Квинтиліанъ, позволяли себѣ иногда входить въ подробное обсужденіе вопроса о нравственности оратора, о возможности для него, напр., безъ вреда для репутаціи дѣлать ложныя утвержденія и т. п.; установленіе такихъ правилъ нравственнаго поведенія едва ли возможно, да въ нихъ и нѣтъ нужды. Каждый самъ въ своей жизни и дѣятельности долженъ сообразоваться съ существующими принципами морали, и если онъ не въ состояніи ориентироваться въ наиболѣе рѣзкихъ случаяхъ (о которыхъ можетъ идти рѣчь съ вышеразсмотрѣнной точки зрѣнія), то ему не помогутъ правила и теоретическія разсужденія. Ораторскому искусству нѣтъ надобности заходить въ чуждыя области: достаточно установить, что ораторъ долженъ быть образованнымъ и честнымъ человѣкомъ, нравственно авторитетнымъ для аудиторіи. Эти требованія съ особой рельефностью поддерживаются законоположеніями о судебной службѣ, для которой необходимъ весьма высокій нравственный и образовательный цензъ.

Ограничиваясь приведенными выше общими замѣчаніями о предварительной работѣ оратора, я перехожу теперь къ системѣ курса и обзору литературы.

Цѣль настоящаго руководства дать правила и примѣры составленія обвинительныхъ и защитительныхъ рѣчей въ уголовномъ процессѣ. Сначала въ немъ будутъ изложены правила подготовки судебной рѣчи по содержанию и по формѣ, затѣмъ—разсмотрѣны болѣе спеціальныя вопросы о такъ называемыхъ частяхъ рѣчи и наконецъ, будутъ сдѣланы необходимые общіе выводы.

Что касается до литературы ораторскаго искусства, то она представляетъ значительное развитіе въ западной Европѣ, гдѣ реторика составляетъ предметъ преподаванія. Согласно съ характеромъ моей книги, какъ учебнаго руководства, я укажу только на сочиненія, болѣе интересныя и важныя съ учебной точки зрѣнія.

Изъ классическихъ писателей до сихъ поръ еще заслуживаютъ полнаго вниманія труды Аристотеля (Реторика) и Квинтиліана (*De institutione oratoria*. Наставленія оратору, 12 книгъ), имѣющіеся и въ русскомъ переводѣ. Но на первомъ мѣстѣ все-таки слѣдуетъ поставить труды Цицерона (*De oratore*), въ которыхъ и современные ораторы могутъ почерпнуть много цѣнныхъ практическихъ указаній. Изъ литературы XVIII в. можно упомянуть трактатъ Фенелона (*Dialogues sur l'éloquence*. 3 діалога), дающій общія правила ораторскаго искусства, основанныя на изученіи античныхъ авторовъ.

Въ XIX вѣкѣ литература болѣе спеціализируется: на ряду съ общими работами появляются спеціальныя по судебному краснорѣчію, которое въ прежнихъ сочиненіяхъ разсматривалось обыкновенно вмѣстѣ съ другими; къ этимъ спеціальнымъ работамъ я и перейду, отмѣтивъ нѣсколько хорошихъ работъ общаго характера, знакомство съ которыми полезно для судебного оратора. Къ числу ихъ относится работа Дублинскаго архіепископа *Whately*, имѣющаяся въ хорошемъ нѣмецкомъ переводѣ Гильдебранта. (*Whately's Grundlagen der Rhetorik*. Gotta, 1884), *Ajam*. *La parole en public*. Paris. 1895. *Paignon*. *Eloquence et improvisation*. Paris 1846, 2 изд. 1888. *De Baets*. *L'art de plaider*. Gand. Изъ спеціальной нѣмецкой литературы по судебному краснорѣчію должно отмѣтить: *Schall u Boger*. *Vorschule der gerichtlichen Be-*

rendsamkeit für Rechtsanwälte. Hall и Leipzig 1855. *Fryd-
mann M.* Systematisches Handbuch der Vertheidigung im
Strafverfahren. Wien. 1878 *Ortloff H.* Die gerichtliche Rede-
kunst. Bln. 1890.

Оба послѣднія сочиненія весьма обширные и полные трактаты, обращающіе вниманіе на теорію доказательствъ и особенности германскаго процессуальнаго законодательства.

Французская литература представляетъ интересъ главнымъ образомъ по собраніямъ рѣчей извѣстныхъ адвокатовъ и историческимъ работамъ по краснорѣчію. Изъ нихъ слѣдуетъ указать: *Munier Jolain.* Les époques d'éloquence judiciaire en France. *Gaudry.* Histoire du barreau de Paris. *Le Berquier.* Le barreau français moderne. Paris. *Clair et Clappier.* Barreau français ancien. Paris. *Berryer A.* Leçons et modèles d'éloquence judiciaire. Paris.

Изъ собраній рѣчей судебныхъ ораторовъ XIX в. наиболѣе цѣнными представляются рѣчи *Berryer, Chaix d'Est Ange, Dupin, Jules Favre, Lachaud.*

Въ русской литературѣ изъ работъ теоретическаго характера заслуживаетъ вниманія этюдъ *А. Левенстима.* Рѣчь государственнаго обвинителя въ уголовномъ судѣ. Спб. 1894.

Затѣмъ идутъ сборники рѣчей и собранія сочиненій: *Русскіе судебные ораторы* въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. Спб. 1895. *Ляховецкій, Л.* Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ съ приложеніемъ избранной рѣчи каждаго изъ нихъ. Спб. 1897. Оба изданія могутъ быть рекомендованы, какъ полезное пособіе для ознакомленія съ русскими судебными ораторами. *Глинскій, Б.* Русскіе судебные ораторы. Спб. 1897. *Шмаковъ, А.* Судебные ораторы во Франціи. Избранныя рѣчи. Москва. 1888. *Андреевскій, С. А.* Защитительныя рѣчи. 2 изд. Спб. 1891. *Владиміровъ, Л. Е.* Защитительныя рѣчи и публичныя лекціи. М. 1892. *Кони, А. Ѡ.* 1) Судебныя рѣчи 1868—88 Спб. 1888 и 2 изд. 2) За послѣдніе годы. Спб. 1896. *Спасовичъ, В. Д.* Сочиненія т. V, VI, VII, Спб. 1894 *Хартуларі.* Итоги прошлаго. 1866—1891. Спб. 1891.

ГЛАВА I.

Подготовка содержания и формы рѣчи.

А. Содержание рѣчи.

Первый шагъ, который долженъ сдѣлать приступающій къ составленію рѣчи, это основательное изученіе ея предмета: для судебного оратора—обстоятельствъ дѣла и всего что имѣетъ къ нему отношеніе. Важное условіе успѣха заключается во всестороннемъ знаніи, не должно упускать даже мелкихъ подробностей, такъ какъ нельзя до судебного слѣдствія и рѣчи противника предвидѣть, что приобрѣтетъ особенно значеніе, нужно имѣть въ виду всевозможныя комбинаціи и случайности. Полезныя практическія указанія по этому вопросу даетъ Цицеронъ (о. с. II 24, 27), такъ описывающій свой способъ первоначальнаго ознакомленія съ дѣломъ; „я говорю съ кліентомъ наединѣ, представляю всѣ возраженія, которыя могъ бы сдѣлать противникъ, узнаю все полезное для дѣла. Когда кліентъ уходитъ, я становлюсь поочередно на мѣсто судей, противника, кліента; безпристрастно разбираю доказательства, выдвигаю благопріятныя, опредѣляю узелъ дѣла и устанавливаю затѣмъ наилучшій способъ борьбы.“

Въ настоящее время эти правила нуждаются въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ. Конечно, личные переговоры съ кліентомъ, выясненіе имъ обстоятельствъ дѣла необходимы, такъ какъ личность подсудимаго имѣетъ значеніе какъ для прокурора, такъ и для защитника: личныя свойства, впечатлѣніе производимое имъ на судей служатъ весьма важнымъ элементомъ обвиненія или защиты. Но не слѣдуетъ забывать, что

современный процессъ отличается отъ античнаго большей сложностью, требуетъ обширнаго знакомства съ законодательствомъ, судебной практикой, постановкой экспертизы и т. д., поэтому удобнѣе въ самомъ началѣ разобраться въ матеріалѣ, тщательно обдумать его и потомъ уже во всеоружіи тщательнаго изученія переходить къ работѣ надъ рѣчью.

Относительно того, въ чемъ должна состоять эта работа въ литературѣ существуютъ различныя мнѣнія. Одно изъ нихъ наиболѣе рѣзко выраженное сводится къ тому, что подготовка рѣчи излишня, что для судебного оратора достаточно знакомства съ дѣломъ, что ему все равно приходится импровизировать, такъ какъ въ пылу борьбы нельзя примѣнить риторическія правила, неудобно смотрѣть въ записки; неудобно заучивать рѣчь наизусть, такъ какъ это обременяетъ оратора двойной работой—онъ долженъ размышлять и припоминать. Не нужно даже плана, довольно замѣтокъ по существу дѣла (de Vaets. о. с. стр. 16—32). Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, такъ какъ прежде всего оно смѣшиваетъ заучиванье рѣчи, съ ея вызубриваніемъ, что далеко не одно и то же, оно направлено скорѣе противъ пользованія шаблонными риторическими правилами, которыми такъ богаты старые учебники.

Изученіе рѣчи должно состоять не въ запоминаніи словъ и фразъ въ порядкѣ ихъ написанія, а въ усвоеніи содержанія рѣчи въ подробностяхъ, чтобы, такимъ образомъ, слушателямъ казалось, что ораторъ развиваетъ свои мысли безъ предварительной подготовки, не нуждаясь въ конспектѣ; при такомъ изученіи обремененія двойной работой не будетъ. Планъ рѣчи необходимъ уже потому, что иногда приходится въ рѣчи суммировать результаты сложнаго и запутаннаго судебного дѣла, длившагося нѣсколько дней, возстановлять картину событія, по мелкимъ разбросаннымъ уликамъ, эта часто кропотливая мозаичная работа не можетъ быть выполнена безъ тщательно обдуманной программы, каждая мелочная подробность должна стоять на мѣстѣ, да и вообще планъ служить только для возможной ясности рѣчи, спасая оратора отъ повтореній, отступленій и про-

пусковъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что если судебное состязаніе есть борьба, увлекающая противниковъ, то увлеченію должны быть извѣстны предѣлы. Ораторъ, поддающийся впечатлѣнію минуты, легко можетъ оказать услугу не свосму дѣлу, а противнику.

Значеніе импровизаціи, дѣйствительно, велико, и импровизировать долженъ умѣть каждый ораторъ, особенно судебный. На судѣ матеріаль предварительнаго слѣдствія можетъ охватить такія стороны дѣла, что составленная заранее рѣчь не въ состояніи дать удовлетворительнаго отвѣта, отстоять дѣло при измѣнившихся обстоятельствахъ, ее неминуемо нужно исправить, дополнить, сократить; наконецъ, существуютъ реплики—возраженія противнику немедленно, которыя не могутъ быть приготовлены дома. Для всего этого требуется умѣнье импровизировать—это бесспорно, но нужно выяснитъ, что именно слѣдуетъ понимать подъ импровизаціей. Нѣкоторые разумѣютъ подъ импровизаціей умѣнье говорить безъ подготовки, даже не зная хорошо предмета обсужденія или спора. Это не импровизація серьезнаго оратора, а доказательство его небрежности, легкомыслія, неуваженія къ слушателямъ или не совѣсьмъ честнаго отношенія къ принятой на себя обязанности, о такой импровизаціи не можетъ быть и разсужденія въ ораторскомъ искусствѣ. Иное дѣло умѣнье говорить безъ предварительной подготовки о хорошо извѣстномъ, обдуманномъ предметѣ, такая импровизація, составляющая необходимое качество хорошаго оратора, является, по выраженію Квинтиліана, плодомъ ученія и величайшей наградою за долговременные труды. Легко видѣть, что съ принятіемъ указаннаго опредѣленія, импровизація не можетъ быть противопоставлена подготовкѣ, какъ нѣчто несогласное съ нею, напротивъ: она можетъ быть поставлена рядомъ съ подготовкой, служить ея очень важнымъ дополненіемъ и поддержкой.

Неизбѣжный выводъ изъ сказаннаго—необходимость подготовки; этотъ выводъ, правильнѣй теоретически, вполнѣ поддерживается и практикой. Демосенъ постоянно отказывался выступать на трибунѣ, если его вызывали неожиданно.

Отступленіе отъ этого правила, диктуемаго опытомъ, невыгодно отражается на впечатлѣніи рѣчи. Передаютъ, что знаменитый адвокатъ Беррье, считающійся первымъ въ словесіи въ XIX вѣкѣ, терялъ, выступая неподготовленнымъ, всѣ свои отличительныя свойства, становился зауряднымъ адвокатомъ, то же замѣчали въ рѣчахъ Дюпена, когда онъ рисковалъ рѣчью безъ подготовки: „его слова останавливались на пути, изъ рѣчи ничего не выходило“.

Принципіальное признаніе необходимости подготовки рѣчи не рѣшаетъ еще вопроса, въ чемъ она должна заключаться? Древніе считали наилучшимъ способомъ написаніе рѣчи. „Перо лучшій учитель, замѣчаетъ по этому поводу Цицеронъ, написанная рѣчь лучше только продуманной“. Письменную подготовку рекомендуетъ и Квинтиліанъ, какъ хорошее средство для выработки слога. Этого же мнѣнія держались и до настоящаго столѣтія. Теперь когда судебному оратору приходится считаться съ условіями устнаго состязанія и въ значительной мѣрѣ пользоваться импровизаціей, такая тщательная письменная подготовка сдѣлалась излишней, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ стала даже неосуществимой. Во всякомъ случаѣ для начинающихъ она сохранила свое значеніе: и теперь письменная подготовка полезна для того, чтобы приучить ихъ внимательно относиться къ своему слову и дать возможность избѣгать остановокъ во время произнесенія рѣчи, неизбѣжныхъ при неопытности оратора, если онъ не усвоилъ вполне все, что долженъ сказать, или затрудняется порядкомъ или планомъ изложенія. Для опытныхъ ораторовъ нѣтъ надобности въ полной письменной подготовке рѣчи, въ написаніи ея отъ слова до слова; для нихъ достаточно составленія подробнаго конспекта рѣчи, въ которомъ бываетъ весьма полезно писать цѣликомъ нѣкоторыя части: общія мѣста, переходы, наиболѣе эффектные фразы и сравненія, чтобы ораторъ, сохраняя возможность излагать дѣло по своему усмотрѣнію, соответственно обстоятельствамъ, не долженъ былъ прискивать удачныя выраженія въ то время, когда всѣ его силы должны быть направлены на содержаніе дѣла. Вообще живая устная

рѣчь всегда отличается отъ написанной, это наблюдение приложимо даже къ такимъ рѣчамъ, какъ рѣчи Демосоепа и Цицерона, бывшихъ выдающимися стилистами. Современники передаютъ, что одна и та же рѣчь Мирабо, произнесенная имъ въ Национальномъ собраніи вызывала бурю восторговъ, прочитанная другими въ клубѣ производила мало впечатлѣнія. Напечатанныя рѣчи Беррье не даютъ полного представленія о его дарованіи, онѣ даже оказываются далеко не безупречными съ стилистической точки зрѣнія. Наконецъ, не должно упускать изъ виду, что подготовка должна сообразоваться съ характеромъ дарованія оратора: для нѣкоторыхъ, обладающихъ блестящей памятью, возможно обойтись совсѣмъ безъ письменной подготовки, замѣнивъ ее тщательнымъ обдумываніемъ рѣчи. Напр. Тьеръ не писалъ своихъ рѣчей, но обрабатывалъ ихъ умственно и незадолго до произнесенія публично, говорилъ передъ кѣмъ нибудь въ своемъ салонѣ, испытывая такимъ образомъ степень своей подготовленности.

Ораторъ воздѣйствуетъ на разумъ, чувство и волю слушателей. Разумъ убѣждается доказательствами и фактами, чувство, нужное оратору, создается вызовомъ того или другаго настроенія, симпатіи или антипатіи къ данному лицу или дѣлу, результатомъ воздѣйствія на разумъ и чувство является воздѣйствіе на волю, принятіе того рѣшенія или вывода, которое подсказывается говорящимъ, признается имъ правильнымъ и справедливымъ. Эти положенія вызываютъ возраженія только относительно судебныхъ ораторовъ: нѣкоторые авторы желали бы ограничить ихъ дѣятельность лишь воздѣйствіемъ на разумъ, изложеніемъ фактовъ и доказательствъ. Идеальному суду, по мнѣнію Аристотеля, нужно сообщить одни факты, оцѣнку ихъ онъ сдѣлаетъ уже самъ; въ такомъ же смыслѣ говоритъ и Орловъ, утверждающій, что чѣмъ совершеннѣе идея правосудія, тѣмъ менѣе судьи руководятся соображеніями полезности или чувствомъ; судебные ораторы передъ такимъ судомъ должны обращаться исключительно къ разуму. Идеаль судоговоренія—безпристрастіе и независимость доводовъ отъ

всякихъ внѣшнихъ побужденій. Эти разсужденія въ приложеніи къ уголовному процессу могутъ быть объяснены взглядомъ на задачу суда, какъ на разрѣшеніе вопроса о преступленіи, объ его технико-юридическомъ составѣ, не касаясь личности преступника; дѣйствительно, судьямъ тогда остается только установить факты, подвести ихъ подъ соотвѣтственныя постановленія закона, и задача ихъ исчерпана; это дѣятельность чисто логическая, равная дѣятельности математика при рѣшеніи задачи,—чувству здѣсь не можетъ быть мѣста. Но теперь дѣйствительная жизнь не представляетъ удобной почвы для осуществленія подобныхъ идеаловъ; не говоря о присяжныхъ, призванныхъ судить по совѣсти, выносящихъ свой вердиктъ не на основаніи знанія закона, а по житейскому опыту,—и короннымъ судьямъ нельзя навязывать роли механическихъ примѣнителей закона: разсмотрѣніе уголовного дѣла—не рѣшеніе логической или математической задачи, а опредѣленіе виновности и дальнѣйшей судьбы человѣка.

Судьи должны оцѣнить не одно дѣяніе, но и личность преступника, мотивы его дѣятельности, опасность ихъ для общегитія, можетъ быть, ознакомиться съ его прошлымъ, характеромъ, условіями жизни, и потомъ уже сказать послѣднее слово. Тогда только могутъ они выполнить законъ, т. е. смыслъ его, а не букву. Формула о безстрастіи, объ изученіи лишь фактовъ должны исчезнуть вмѣстѣ съ теоріей формальныхъ доказательствъ и слѣдственнымъ процессомъ.

И судебная практика какъ нельзя болѣе далека отъ идеала строгихъ юристовъ-догматиковъ, и съ ея точки зрѣнія для судебного оратора безстрастіе судей едва ли всегда пріятное явленіе. Не безъ основанія Цицеронъ, имѣвшій громадный опытъ и авторитетъ въ этомъ отношеніи, говорить, что желательно, чтобы судьи являлись въ засѣданіе заинтересованными, взволнованными дѣломъ, что ораторъ долженъ узнать ихъ настроеніе, чувства и симпатіи, чтобы особенно при защитѣ сомнительнаго дѣла знать, на что можно разсчитывать. Кромѣ того и разсудокъ представляетъ собою не такую уже недоступную твердыню истины и спра-

ведливости: и аргументація можетъ быть ошибочна, привести къ самымъ печальнымъ результатамъ; разсудокъ также возможно увлечъ, заставить сойти съ прямой дороги доводами, лишь кажущимися справедливыми (напр. софизмы). Да и вообще, какъ вѣрно замѣчаетъ Ватели, самая холодная аргументація все таки воздѣйствуетъ не только на разсудокъ, но и на чувство: чтобы заставить дѣйствовать надо указать на цѣль дѣйствія, а цѣль, къ которой стремится человѣкъ обыкновенно служитъ удовлетворенію какой либо страсти или чувства.

Такимъ образомъ воздѣйствіе на чувство не можетъ быть исключено изъ судебной рѣчи. Разсмотримъ теперь риторическіе средства и способы вызвать желательное настроеніе или чувство въ аудиторіи. Прежде всего, какъ общее правило, слѣдуетъ установить, что нельзя указывать слушателямъ прямо того чувства, которымъ они должны проникнуться. Невыгодно для оратора, напр. ставить положеніе: вы должны негодовать; аудиторія сразу увидитъ, чего отъ нея желаютъ и, естественно, по инстинкту будетъ на сторожѣ, и чтобы возбудить чувство потребуются гораздо большія основанія. Лучше поэтому довести рѣчью слушателей до того, чтобы они почувствовали негодованіе, и тогда уже прямо указать на него: на подготовленной почвѣ сопротивленія вліянію оратора почти не будетъ.

Хорошимъ средствомъ воздѣйствовать на чувства служить обыкновенно пользованіе общими мѣстами, подъ которыми понимаются разсужденія общаго характера, направленные на возбужденіе въ слушателяхъ того или другаго настроенія, напр. нападеніе на пороки, должно вызвать отвращеніе къ нему, наоборотъ восхваленіе добродѣтели—любовь къ ней, расположеніе къ добродѣтельнымъ людямъ. Сюда же относятся описаніе человѣческихъ страстей, несчастій, особенно положенія людей въ различное время и при различныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, напр. положеніе старика, юноши, женщины, иностранца и т. п. Общее мѣсто можетъ служить и для обоснованія частнаго еще шаткаго вывода путемъ объясненія его извѣстнымъ, обыденнымъ

явленіемъ. Таковы, напр. разсужденія о человѣческой дѣятельности, ся правилахъ, посредствомъ которыхъ можно установить, что преступникъ дѣйствовалъ, какъ былъ долженъ дѣйствовать всякій съ такимъ характеромъ и въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Общія мѣста составляютъ очень важное риторическое средство, удачное примѣненіе котораго особенно въ способной къ увлеченію аудиторіи, можетъ произвести сильное впечатлѣніе и затуманить фактическіе недостатки и пробѣлы. Само собой разумѣется, что для этого они должны быть умѣло составлены, произнесены въ надлежащій моментъ, гармонированы съ настроеніемъ слушателей. Обращеніе съ общими мѣстами поэтому требуетъ опытности и подготовки. Квинтиліанъ совѣтуетъ упражняться въ составленіи общихъ мѣстъ и ихъ тщательной отдѣлкѣ, начиная съ самыхъ простыхъ. Цицеронъ даже рекомендуетъ неумѣлому оратору избѣгать общихъ мѣстъ, особенно патетическихъ, чтобы не расхолодить слушателей вмѣсто того, чтобы воодушевить ихъ. Слѣдуетъ помнить, что каждое общее мѣсто, употребляемое въ рѣчи должно 1) служить заранѣе намѣченной ораторомъ цѣли, 2) соответствовать рѣчи по размѣру, чтобы не нарушалась связность изложенія и, наконецъ 3) тема общаго мѣста должна имѣть непосредственное отношеніе къ дѣлу, чтобы оно казалось органической частью цѣлаго, а не искусственной прибавкой. Теоретическое разсужденіе объ общихъ мѣстахъ не можетъ, конечно, научить ихъ составленію, для этого нужно обратиться къ работамъ ораторовъ и тамъ выбирать образцы и слѣдить за пріемами ихъ построенія. Для образца я укажу нѣсколько общихъ мѣстъ, болѣе или менѣе типичныхъ и заслуживающихъ вниманія. Привожу примѣръ изъ рѣчи А. О. Кони по дѣлу Емельянова (Судебныя рѣчи стр. 10). Въ немъ нужно было доказать, что образъ дѣйствій подсудимаго, ослабленнаго страстью, логически долженъ былъ привести къ преступленію, для этого было важно выяснить, что онъ дѣйствовалъ, какъ всякій, вполне подчинившійся страстному влеченію. Обвинитель выполнилъ свою задачу, при помощи нижеслѣдующаго об-

щаго мѣста: „Въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть 2 исхода: или разсудокъ, совѣсть и долгъ побѣдятъ страсть и подавятъ ее въ грѣшномъ тѣлѣ, и тогда счастье упрочено, прежнія отношенія возобновлены и укрѣплены, или же напротивъ, разсудокъ подчинится страсти... и страсть, увлекающая человѣка, овладѣетъ имъ совсѣмъ; тогда явится стремленіе не только нарушить, но навсегда уничтожить прежнія тягостныя отношенія. Таковъ общій исходъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, совершаемыхъ подъ вліяніемъ страсти; на срединѣ страсть никогда не останавливается, она или замираетъ... или развиваясь,... доходитъ до крайнихъ предѣловъ“. Далѣе ораторъ доказываетъ, что страсть завладѣла Емельяновымъ всецѣло, и что, слѣдовательно, онъ долженъ былъ дойти до крайнихъ предѣловъ. Это прекрасное общее мѣсто, основанное на психологическомъ анализѣ, можно назвать обыкновеннымъ, нормальнымъ, оно произносится спокойно, какъ разсужденіе, развивающее мысль оратора, такимъ общимъ мѣстамъ могутъ быть противопоставлены другія, патетическія общія мѣста, диктуемая оратору, охватившимъ его чувствомъ и произносимыя повышеннымъ тономъ, свидѣтельствующемъ о волненіи, переживаемомъ ораторомъ, какъ напр. небольшое общее мѣсто, проникнутое паѳосомъ: „Дорвойтъ не зналъ, что это не деньги, а горячія уголья, отъ прикосновенія къ которымъ сгоритъ все его счастье, рушится покой, улетитъ какъ дымъ его доброе имя и покроется оно пепломъ безчестія и позора“ (Русс. судебн. ораторы. Рѣчь К. Ф. Одарченко. стр. 492).

Выше было сказано, что чрезвычайно важно сохранить въ общемъ мѣстѣ чувство мѣры, избѣгать преувеличеній и натяжекъ, которыя могутъ только повредить самому оратору, и что умѣнне составлять общія мѣста и пользоваться ими—признакъ мастера; чтобы сдѣлать нагляднымъ это положеніе я приведу въ примѣръ общія мѣста изъ обвинительной и защитительной рѣчи по одному и тому же дѣлу о повѣренномъ желѣзнодорожнаго подрядчика, обвинявшемся въ неосторожности, послѣдствіемъ которой была смерть рабочаго. „Всматриваясь въ нее (желѣзную дорогу) говорить

обвинитель, мы видимъ, что тамъ, гдѣ теперь идетъ локомотивъ ложились костями рабочіе, пришедшіе издалека, принесшіе съ собою свою бѣдность, свой голодь и свой трудъ. Они погибли вслѣдствіе грубаго нарушенія правилъ осторожности... жизнь ихъ вмѣнялась въ ничто передъ „ускореніемъ“ работы. При мысли объ этомъ сердце... болѣзненно сжимается, въ головѣ возникаетъ настойчивая мысль, что это не должно быть терпимо, что виновные... должны быть наказаны. Намъ, можетъ быть, скажутъ, что виновна цѣлая система... Но судъ не судить систему... имѣетъ дѣло съ живыми лицами... законъ требуетъ, чтобы всякій относился къ жизни ближняго съ уваженіемъ и осторожностью“. (А. О. Кони Судебныя рѣчи. Дѣло Липоваго, стр. 459). Въ приведенномъ общемъ мѣстѣ ораторъ весьма удачно пользуется выгодами своего положенія, чтобы привлечь къ себѣ симпатію присяжныхъ: 1) онъ вызываетъ въ нихъ чувство состраданія къ рабочимъ, жизнь и здоровье которыхъ не пользуются самой необходимой охраной, 2) онъ предупреждаетъ ссылку противника на общепринятый порядокъ работъ, за который нужно винить крупныхъ заправиль, не мелкихъ довѣренныхъ, и указываетъ на то, что плохая система не избавляетъ отъ отвѣтственности служащихъ ей. Казалось бы, что для защитника наиболѣе выгодно было бы согласиться съ основными положеніями обвиненія: признать необходимость охраны жизни рабочихъ, признать необходимость строгаго контроля надъ желѣзнодорожными служащими, прикрывающимся указаніемъ на систему, и затѣмъ уже доказывать, что въ дѣйствіяхъ подсудимаго не было преступной неосторожности, что онъ былъ хорошии челоуѣкъ, заботившии о рабочихъ и, такимъ образомъ, уступивъ необходимое обвиненію, насколько возможно представить обвиняемаго въ благопріятномъ свѣтѣ; вмѣсто этого защитникъ, вставъ на общую точку зрѣнія, отвѣтилъ обвиненію въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „почему намъ хочется видѣть причину этого несчастья въ какомъ нибудь челоуѣкѣ? Это происходитъ отъ того, что мы хотимъ чувствовать, а не мыслить, не желаемъ признать, что нѣтъ

ин одного важнаго общественнаго явленія... которое не влекло бы за собою несчастія... Къ счастью человѣка... ведетъ путь несчастія! Этотъ законъ дѣйствительно ужасенъ: отъ него разить какимъ то реализмомъ;... Не одни рабочіе погибають на желѣзной дорогѣ, погибають пассажиры, кладутъ свои головы машинисты, кондукторы.... Путь желѣз-ный есть путь кровавый, устланный костями людей; но намъ остается все таки утѣшенье, что по этой кровавой полосѣ потечетъ когда нибудь истинная цивилизація“. (Владимі-ровъ. Защитительныя рѣчи. стр. 194—195).

Это общее мѣсто, естественно, должно было достигнуто впечатлѣнія какъ разъ противоположнаго тому, на которое рассчитывалъ говорящій. Названіе желѣзнодорожнаго пути „кровавымъ“, на которомъ падаютъ и пассажиры, и маши-нисты, и кондукторы могло только заставить присяжныхъ бояться ѣздить по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ и воз-можно строже отнестись къ обвиняемому, чтобы хоть нѣ-сколько побудить желѣзнодорожныхъ служащихъ къ осто-рожности. Преувеличеніе, доведенное до крайности, послу-жило, вслѣдствіе этого на пользу противника. Должно всегда имѣть въ виду, что въ общихъ мѣстахъ важны не фразы, а содержаніе по существу, что они составляютъ не риторическое украшеніе рѣчи, а часто ея содержаніе, и должны быть продуманы и взвѣшены, прежде чѣмъ сказаны. Вообще пышныя фразы, не заключающія въ себѣ зерна вѣрной мысли и наблюденія надъ жизнью, служатъ един-ственно доказательствомъ неумѣлости ихъ автора, не принося никакой пользы дѣлу.

Комическій элементъ въ рѣчи, возбужденіе смѣха или вообще веселаго настроенія въ слушателяхъ составляетъ весьма важное риторическое средство, къ которому постоянно прибѣгаютъ ораторы. Оттѣнки комизма могутъ быть самые различные, отъ безобиднаго юмора до язвительной насмѣшки надъ личностью противника. Всѣми ими приходится пользо-ваться и всѣ они бывають полезны, если употреблены съ надлежащимъ тактомъ и въ надлежащихъ обстоятельствахъ. При пользованіи этимъ оружіемъ должно быть особенно

внимательнымъ, такъ какъ здѣсь очень легко перейти долж-
ные предѣлы, впасть въ преувеличенія и вмѣсто того,
чтобы выставить въ смѣшномъ видѣ противника, стать
смѣшнымъ самому. Если во время и удачно примененныя
остроты и юморъ убиваютъ нерѣдко аргументацію против-
ника, лишаютъ его расположенія судей, то, наоборотъ, не-
удачные каламбуры, натянутыя остроты, стремленіе шутить
въ такихъ вещахъ, на серьезное отношеніе къ которымъ
каждый благоразумный человѣкъ въ правѣ рассчитывать,
все это наноситъ неисправимый ущербъ самому оратору,
рисую его передъ слушателями легкомысленнымъ, несерьез-
нымъ человѣкомъ, здѣсь ораторъ самъ бьетъ себя собствен-
нымъ оружіемъ. Рѣчь, чрезмѣрно пересыпанная дешевымъ
остроуміемъ, можетъ имѣть успѣхъ лишь въ мало развитой
умственно аудиторіи; этимъ и объясняется отчасти то обиліе
юмористики, которое иногда неприятно поражаетъ въ рѣчахъ
Цицерона: онъ говорилъ на форумѣ, и тамъ его рѣчь пра-
вилась и забавляла. Въ настоящее время подражаніе антич-
нымъ ораторамъ въ этомъ направленіи не можетъ быть
признано желательнымъ ни съ теоретической точки зрѣнія,
такъ какъ оно легко можетъ свести рѣчь до гаерства, ни
съ практической, такъ какъ современные суды и присяж-
ные представляютъ несравненно болѣе серьезную аудиторію,
чѣмъ римскій форумъ. Теперь, напр., совершенно невоз-
можно передразниваніе противника, его манеры говорить,
или жестовъ, допускаемое въ римскомъ судоговореніи.

Юморъ — добродушно насмѣшливое изложеніе предмета,
употребляется съ цѣлью развлечь вниманіе, оживить ауди-
торію послѣ долгаго утомительнаго судебного слѣдствія ¹⁾.

1) У Цицерона встрѣчаются цѣлыя юмористическія картины, служившія ему
для завладѣнія симпатіей и вниманіемъ судей; въ рѣчи за Клуенція, гдѣ его
положеніе было весьма затруднительно, онъ такимъ образомъ излагаетъ разсмо-
трѣніе дѣла Фабриція, грозившее ему весьма большими опасностями: „адвокатъ
Фабриція Ценазій, начинаетъ отвѣтъ длиннымъ вступленіемъ: его слушаютъ
сначала со вниманіемъ; Опіаникъ ободряется, Фабрицій доволенъ: они не
видятъ, что удивленіе судей обусловливается не краснорѣчіемъ оратора, а его
безстыдствомъ.... онъ не столько защищалъ, сколько проигрывалъ дѣло. Этотъ

Напр. В. Д. Спасовичъ въ замѣчательной рѣчи по дѣлу объ убійствѣ Нины Андреевской, желая удалить отъ дѣла посторонній, не имѣющій значенія на его взглядъ, матеріаль, такъ изображаетъ легенды, слагавшіяся по этому дѣлу въ Тифлисѣ: „Ходитъ слухъ, что какая то баба въ фаэтонѣ на Курѣ колотила двухъ господъ. Карапетъ Агаровъ, генеральша Минквицъ и сторожъ ея дома Г. Эліазаровъ, семья Принцевъ и маіоръ Алихановъ видѣли собственный скачущій во весь опоръ фаэтонъ или фаэтоны съ болѣе или менѣе многочисленными сѣдоками, мужчинами и женщинами, скачущіе отъ кружка къ Михайловскому мосту. Одинъ или 2 или болѣе фаэтоновъ—это вопросъ; по крайней мѣрѣ вѣрно, что фаэтонъ, гдѣ по словамъ семьи Минквицъ сидѣла женщина въ черномъ между мужчинами съ распростертыми руками, могъ быть тотъ же фаэтонъ, которому Алихановъ готовился обрѣзать шашкой ремни, и въ которомъ у ногъ мужчинъ что то лежало въ мѣшкѣ. Къ довершенію путаницы по утру на одномъ изъ спусковъ къ Курѣ Иванъ Вартановъ, духанщикъ, былъ разбуженъ какою то веселою компаніею, которая чуть не выбила окна, крича: „Ослиный сынъ, дай водки!“ бросила ему цѣлковый, и не дожидаясь сдачи, уѣхала“. (Спасовичъ. Сочиненія т. V. стр. 273).

Пронія— „замаскированная правда“, оборотъ рѣчи, въ которомъ внѣшнее построеніе фразы противоположно тому выводу, который слѣдуетъ сдѣлать. Напр. на первый взглядъ кажущееся восхваленіе по существу равно рѣзкому порицанію „нѣтъ сомнѣнія, что ни Мадебадзе, ни его *многочисленная* мать Тинія, которая по ея словамъ на 8 лѣтъ моложе своего сына, не выдумали этого дѣла“. (Рус. Судебн. ора-

великій ораторъ, думая, что говорить удивительныя вещи, внутренно аплодировалъ себѣ, найдя слѣдующія выраженія: „Взгляните, судьи на судьбу чело-вѣка, взгляните на различныя случайности, которымъ подвержены люди; взгляните на старость несчастнаго Фабриція; взгляните“... повторяя съ увлеченіемъ свое „взгляните“... онъ рѣшился самъ взглянуть, и увидѣлъ, что Фабриція болѣе не было: онъ, считая свое дѣло проиграннымъ, незамѣтно ушелъ изъ суда. Судьи покатались со смѣху (Pro Cluentio. XX, XXI).

торы. Рѣчь. П. Я. Александрова, стр. 413). Въ прони, въ насмѣшкѣ надъ личностью, судебный ораторъ долженъ быть чрезвычайно сдержанъ, съ одной стороны потому, что личныя свойства еще ничего не доказываютъ, а съ другой— потому, что каждое увлеченіе даетъ возможность противнику отплатить еще болѣе вѣскимъ ударомъ, на который вызвавшій его теряетъ право жаловаться. Во время преній по дѣлу братьевъ Поповыхъ, обвиняемыхъ въ поддѣлкѣ чужихъ этикетокъ и товаровъ, прокуроръ въ своей рѣчи сравнилъ ихъ магазинъ съ лабораторіей современнаго Фауста, заключившаго союзъ съ Мефистофелемъ. Въ словахъ прокурора не было въ сущности ничего кромѣ желанія блеснуть эффектнымъ сравненіемъ, но защитникъ воспользовался случаемъ и въ своей рѣчи вернулся къ этому сравненію: „итакъ А. и И. Поповы—Фаустъ и Мефистофель... они покушались на честь и невинность фирмы „К. и С. Поповыхъ“, представителя которыхъ г-на А. правильно будетъ поэтому, продолживъ сравненіе, уподобить Гетевской Маргаритѣ. Но вотъ тутъ то и начинается недоразумѣніе... Эта Маргарита, претендующая на то, что она обольщена, по меньшей мѣрѣ, невинности своей не доказала“. (Дѣло бр. Поповыхъ. Рѣчь Н. П. Карабчевскаго, стр. 110). Защитникъ былъ остановленъ предсѣдателемъ, но тѣмъ не менѣе слова были сказаны, и извѣстное впечатлѣніе произведено. Конечно, несдержанность или неловкость одной стороны не оправдываетъ излишествъ другой: она можетъ удовольствоваться указаніемъ на увлеченіе противника и выставить въ выгодномъ свѣтѣ свою сдержанность. Такой способъ дѣйствія несомнѣнно наиболѣе соотвѣтствуетъ достоинству судебного засѣданія и отступленія отъ него, какъ въ разобранномъ случаѣ, могутъ быть извинены лишь впечатлительностью оратора, влияніемъ на него минуты, горячностью и страстностью борьбы.

Воздѣйствіе на чувство слушателей можетъ быть достигнуто и опредѣленнымъ отношеніемъ оратора къ лицамъ, участвующимъ въ процессѣ, къ подсудимымъ, свидѣтелямъ, экспертамъ, представителямъ интересовъ противниковъ и,

наконецъ, судьямъ. Нападеніе на противника или его представителя старое испытанное средство, къ которому съ успѣхомъ прибѣгали еще древніе ораторы; такое нападеніе дискредитируетъ противника въ глазахъ судей, показывая, что онъ не заслуживаетъ вниманія, довѣрія и снисхожденія. Въ этомъ отношеніи особенно въ Греціи и въ Римѣ допускались весьма широко передержки и преувеличенія, и ораторы весьма мало стѣснялись въ выраженіяхъ, напр. Цицеронъ такъ обращается къ Ватинію, враждебному для него свидѣтелю, правда не пользовавшемуся хорошей репутаціей: „Если бы я хотѣлъ воздать должное низости твоей души... я исполнилъ бы желаніе судей, не обращаясь со словомъ къ безчестному человѣку... Ты пришелъ сюда ожесточенный противъ всѣхъ... Въ самомъ дѣлѣ, я видѣлъ, что ты, какъ змѣя, готовъ броситься изъ твоего логовища съ выскочившими глазами, раскрытымъ ртомъ, натянувшимися жилами“. Прибѣгаютъ къ этому приему и современные, особенно французскіе и англійскіе ораторы; наиболѣе сильные русскіе судебные ораторы пользуются нападеніемъ съ большой умѣренностью, избѣгая личностей, какъ бы вводящихъ въ судебное состязаніе счеты между сторонами.

Хорошій примѣръ такого сдержаннаго нападенія представляетъ квалифікація одного эксперта въ рѣчи В. Д. Спасовича по упомянутому уже дѣлу Нины Андреевской, показаніе котораго переходило за предѣлы экспертизы и создавало огромныя затрудненія защитѣ. Другіе ораторы употребили противъ этого эксперта цѣлую массу болѣе или менѣе неместныхъ эпитетовъ и язвительнаго остроумія. В. Д. Спасовичъ ограничился слѣдующими словами: „это письмо обнаруживаетъ, что... онъ счелъ совмѣстимой обязанности доктора съ ролью добровольца—розыщика, несчастный человѣкъ, а не докторъ!... Къ чести русской медицины я надѣюсь, что мало найдется людей, которые рѣшились бы на такое явное забвеніе обязанностей своего званія и искусства“. (Спасовичъ, Сочиненія, т. VI, стр. 260).

Хотя судебное состязаніе и требуетъ иногда довольно рѣзкой, несмотря на всю сдержанность, оцѣнки того или

другого участвующаго, такая оцѣнка, выражающаяся въ формѣ нападенія, должна всегда ограничиваться необходимымъ для дѣла, не переходя въ заглядываніе безъ надобности въ интимную жизнь человѣка. Да и практически невыгодно всегда во что бы то ни стало представлять своего кліента—въ розовомъ, противника—въ черномъ цвѣтѣ. Судебная рѣчь должна быть живымъ искреннимъ словомъ, а не мелодраматическимъ произведеніемъ, въ которомъ фигурируютъ злодѣй и угнетенная невинность.

Замѣтное преувеличеніе, наложеніе слишкомъ густыхъ красокъ подрываютъ довѣріе къ правдивости оратора и уменьшаютъ впечатлѣніе рѣчи, опытный противникъ не упуститъ случая воспользоваться этимъ промахомъ, если на него не обратятъ достаточно вниманія сами судьи. Справедливое отношеніе къ противнику придаетъ особый вѣсъ словамъ, какъ бы ручается за безпристрастное и спокойное отношеніе къ дѣлу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обвинитель бываетъ долженъ даже отстаивать снисходительное отношеніе къ подсудимымъ, или вовсе отказываться отъ обвиненія. По дѣлу объ убійствѣ Ф. Штрамъ А. Θ. Кони такъ отнесся къ матери обвиняемаго, несомнѣнно виновной въ укрывательствѣ: „трепещущія безсильныя руки матери вынуждены были скрывать слѣды преступленія сына потому, что сердце матери по праву, данному ему природой, укрывало самого преступника. Поэтому Вы, г.г. присяжные поступите не только милостиво, но и справедливо, если скажете, что она заслуживаетъ снисхожденія“. (А. Θ. Кони. Судебныя рѣчи. стр. 176).

Нечего говорить, что вѣжливость обязательна и между представителями интересовъ сторонъ. Никогда не должно допускать рѣзкихъ замѣчаній, обвиненія противника въ извращеніи истины, намѣренномъ преувеличеніи и т. п. Обвинитель и защитникъ въ уголовномъ процессѣ стремятся оба къ выясненію истины, къ надлежащему освѣщенію дѣла передъ судьями, оба они служатъ правосудію, и слѣдовательно ихъ взаимныя отношенія должны основываться на полномъ уваженіи и корректности. Если бы въ дѣйстви-

тельности одна сторона отклонялась от этих принциповъ, другая должна постараться вернуть противника на надлежащую дорогу, но не слѣдовать за нимъ, ее, разумѣется, обязанъ поддержать въ этомъ отношеніи предсѣдатель. Рѣчи А. О. Кони и В. Д. Спасовича представляютъ много примѣровъ джентльменскаго отношенія къ противнику, которымъ слѣдовало бы подражать всеѣмъ судебнымъ дѣятелямъ.

Если силы противниковъ очень не равны, то на практикѣ встрѣчаются иногда указанія на преимущество противника и просьбы о поддержкѣ, этимъ намекается слушателямъ, что противникъ вооруженъ не только истиной, но и искусствомъ. Подобный приемъ не заслуживаетъ одобренія. Въ судебномъ состязаніи, какъ на поединкѣ, стороны считаются равными по силамъ. Единственно на что они могутъ претендовать — это поставленіе ихъ въ одинаковыя условія, дальнѣйшія требованія нельзя считать основательными. Если прокуроръ или защитникъ чувствуетъ себя слабымъ, онъ не долженъ выступать въ данномъ дѣлѣ, а разъ рѣшился на это, не можетъ жаловаться на перевѣсъ дарованій противника.

Стороны въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаются прямо къ судьямъ, стараясь вызвать въ послѣднихъ то или другое чувство. Обращеніе это вполне понятно, такъ какъ въ рукахъ судей рѣшеніе дѣла, пріобрѣсти ихъ расположеніе и благосклонность чрезвычайно важно. Обращеніе можетъ заключаться въ похвалѣ судьямъ, въ указаніи ихъ высокой миссии и значенія. Такое обращеніе достигаетъ двухъ цѣлей, во-первыхъ похвала (напр., когда имъ говорятъ „Ваша судебская мудрость и опытность“), указаніе на авторитетъ и познанія, можетъ быть пріятно судьямъ и расположить ихъ въ извѣстной мѣрѣ къ оратору, во-вторыхъ, напоминаніе объ обязанностяхъ можетъ побудить ихъ внимательнѣе отнестись къ дѣлу. Особенное значеніе обращеніе имѣетъ на судѣ присяжныхъ, можетъ быть, первый разъ выступающихъ въ роли судей и не представляющихъ себѣ еще вполне ясно своихъ правъ и обязанностей. Во всякомъ случаѣ обращающійся къ короннымъ судьямъ долженъ стараться обойтись

безъ излишнихъ увѣщаній, которыя могутъ возбудить неудовольствіе: судьи сами знаютъ свои обязанности. Преувеличенная лесть и заискиваніе тоже самое, напрасно унижая оратора, заставляютъ сомнѣваться въ силѣ его доводовъ и доказательствъ.

Довольно распространенный приемъ составляетъ просьба о снисхожденіи; у греческихъ и римскихъ ораторовъ она была почти обязательной. Ее можно признать цѣлесообразной только въ томъ случаѣ, если есть шансы рассчитывать на успѣхъ, т. е. въ дѣлѣ существуютъ обстоятельства, могущія оправдать эту просьбу, напр.: молодость, неопытность, несчастное положеніе обвиняемаго, его прежняя жизнь и т. д. Прибѣгать къ просьбѣ главнымъ образомъ, слѣдуетъ тогда, когда сторона нуждается въ снисхожденіи, т. е. исходъ дѣла сомнителенъ. Въ другихъ случаяхъ просьба о снисхожденіи съ успѣхомъ замѣняется просьбой о справедливомъ и человѣчномъ разсмотрѣніи дѣла.

Бываетъ иногда, что настроеніе аудиторіи, судей и публики неблагоприятно для оратора. Какое нибудь громкое преступленіе въ главнѣйшихъ, можетъ быть, даже невѣрно изложенныхъ чертахъ извѣстными присутствующимъ, мнѣніе о замѣшанныхъ въ немъ лицахъ уже болѣе или менѣе успѣло сложиться до судебного засѣданія, могло быть даже отчасти укрѣплено на судебномъ слѣдствіи. Чувство антипатіи невольно переносится, и на представителя не пользующагося расположеніемъ участника судебной драмы, и его выслушиваютъ съ неудовольствіемъ и предубѣжденіемъ. Въ подобномъ положеніи оратору, если онъ не увѣренъ въ правотѣ своего кліента, въ ошибокѣ общественнаго мнѣнія, удобнѣе всего ограничиться приведеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ и даже сдѣлать оговорку о своемъ несочувствіи образу дѣйствій обвиняемаго, отвращеніи къ совершенному имъ дѣянію. Въ противномъ случаѣ единственный исходъ бравоировать настроеніемъ слушателей и попытаться измѣнить его въ свою пользу, для этого прежде всего нужно заставить себя слушать, обратить вниманіе судей на то, что говорящій исполняетъ свой долгъ, что онъ высказываетъ свое убѣжденіе и

имѣть право быть выслушаннымъ. Такъ напр., Ше д'Эсть Анжъ въ извѣстномъ дѣлѣ Ла Ронсьера, гдѣ вся аудиторія была противъ обвиняемаго, обратился къ судьямъ со слѣдующими словами: „Твердо вѣря, что Ла Ронсьеру краснѣть не за что, я не желаю обращаться въ бѣгство. Пускай же сочувствіе публики обратится на защиту васъ (противниковъ), пусть ропотъ въ этомъ залѣ еще разъ встрѣтитъ слова, которыя предписываетъ мнѣ долгъ и честь, я не хочу и не смѣю молчать“. (Французскіе судебные ораторы, стр. 109).

Разнообразіе судебной практики создаетъ иногда особая затрудненія для оратора, ставитъ его въ кажущееся противорѣчіе съ высказанными имъ убѣжденіями, что можетъ подорвать кредитъ оратора у слушателей. Указаніе на самопротиворѣчіе заставляетъ скептически относиться къ утвержденіямъ оратора и невольно вызываетъ мысль о побудительной причинѣ рѣчи—*causa-movens*—гонораръ или другихъ не высокихъ мотивахъ. Поэтому, когда судебный ораторъ предвидитъ возможность нападокъ подобнаго рода, онъ долженъ идти на встрѣчу противнику, предупредить ударъ, выяснивъ судьямъ занятое имъ положеніе и причины противорѣчій. Такимъ образомъ, напр., Н. П. Карабчевскій, ведшій дѣло въ защиту правъ фирмы Елисеѣвыхъ противъ поддѣлки, счелъ нужнымъ объяснить свой образъ дѣйствій, когда черезъ нѣкоторое время принялъ на себя защиту бр. Поповыхъ, обвиняемыхъ какъ разъ въ томъ же преступленіи, т. е. поддѣлкѣ, громимой Н. П. Карабчевскимъ, какъ представителемъ фирмы Елисеѣвыхъ, по дѣлу которыхъ онъ и добился обвинительнаго приговора. Ораторъ указалъ въ своей рѣчи, что въ дѣлѣ Елисеѣвыхъ былъ безспорный составъ мошенничества, а въ дѣлѣ Поповыхъ только подраженіе этикеткамъ для рекламы, противъ которой можно бороться помимо уголовного суда. Такія объясненія, если и не вполне удовлетворяютъ строгихъ критиковъ, то все таки спасаютъ болѣе или менѣе отъ обвиненія въ непослѣдовательности и безпринципности и сохраняютъ за ораторомъ возможность сослаться на свое убѣжденіе.

Бываютъ случаи, что въ рѣчь необходимо включить по тѣмъ или другимъ соображеніямъ матеріаль, не затронутый на судебномъ слѣдствіи (на который, слѣдовательно, стороны не могутъ сослаться) или по недосмотру или потому, что онъ не имѣлъ прямого отношенія къ дѣлу, а между тѣмъ ораторъ считаетъ его пригоднымъ для того, чтобы повліять на чувство судей. Тогда возможно воспользоваться такъ называемымъ притворнымъ умолчаніемъ, т. е. построить рѣчь такимъ образомъ, чтобы не говорить прямо объ интересующемъ предметѣ, сказать между строкъ то, что нужно для дѣла. Обыкновенный способъ для этого употребленіе очень извѣстнаго оборота рѣчи, которымъ неопытные ораторы часто злоупотребляютъ безо всякой надобности: я не буду говорить о томъ-то и о томъ-то, перечисляя такимъ образомъ предметы, о которыхъ ораторъ не будетъ говорить, онъ можетъ успѣть сказать все необходимое. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ тогъ же самый результатъ достигается введеніемъ нужнаго положенія напр., въ сравненіе и т. п. Такъ, защищая дѣло капитана Баранова, К. Ф. Хартулари, считавшей полезнымъ упомянуть о его военныхъ подвигахъ, которые не имѣли прямой связи съ дѣломъ, въ началѣ рѣчи сравнилъ обвиненіе съ турецкимъ мониторомъ, защиту съ пароходомъ „Вестой“, который подъ командой Баранова побѣдилъ грозный броненосецъ, и тѣмъ напомнилъ судьямъ о заслугахъ подсудимаго.

Б. Форма рѣчи.

Изученіе предмета рѣчи—первое условіе успѣха; еще Сократъ замѣчалъ, что хорошо говорить можно лишь объ извѣстныхъ говорящему вещахъ, это несомнѣнно, но несомнѣнно также и то, что и объ извѣстныхъ вещахъ можно говорить очень дурно. Одно содержаніе рѣчи далеко не всегда обезпечиваетъ оратору достиженіе намѣченной имъ цѣли: рѣчь можетъ только тогда произвести впечатлѣніе, если она воспринята, понята слушателями. Ораторъ, который весьма замѣчательныя мысли вздумалъ бы говорить такъ тихо или въ такихъ

запутанныхъ выраженійхъ, что аудиторія оказалась бы не въ состояніи слѣдить за нимъ, потерялъ бы напрасно трудъ и время. Наоборотъ, при небогатомъ сравнительно содержаніи, изящество и ясность изложенія обезпечиваютъ оратору вниманіе и симпатію слушателей. Хорошій ораторъ поэтому долженъ одинаково владѣть какъ содержаніемъ, такъ и формой рѣчи. Исключительное предпочтеніе одного элемента въ ущербъ другому свидѣтельствуетъ о болѣзненномъ развитіи ораторскаго искусства въ данную эпоху. Такъ напр. господство формы, преобладающее значеніе различныхъ орнаментовъ, причудливыхъ оборотовъ и образовъ совпадаетъ съ упадкомъ истиннаго искусства, служитъ яснымъ доказательствомъ, что говорить нельзя или не о чемъ, и что мѣсто живаго слова заняла безсодержательная, праздная болтовня; въ такомъ положеніи находилось греческое и римское краснорѣчіе въ періодъ упадка свободной политической жизни античнаго міра. Исключительный культъ формы погружаетъ оратора въ мелочи и заставляетъ забывать о важномъ; объ этомъ говорилъ еще Квинтиліанъ, въ эпоху котораго поворотъ къ худшему уже совершился, утверждая, что „если всю жизнь корпѣть только надъ тѣмъ, чтобы слова были точны, ясны и красиво расположены, весь плодъ ученія будетъ потерянъ.“ Далѣе онъ справедливо указываетъ, что при хорошей подготовкѣ ораторъ не затруднится въ выраженіяхъ: слова послѣдуютъ за мыслями сами собою, какъ тѣнь за тѣломъ.

Первоначальная подготовка слога не выдѣляется изъ общей. Во введеніи говорилось о необходимости для оратора широкаго общаго образованія; въ него входитъ основательное знакомство съ литературой. Внимательное чтеніе великихъ произведеній писателей, ораторовъ, философовъ неминуемо отражается на слогѣ читающаго. Его запасъ словъ и выраженій безсознательно пополняется, онъ привыкаетъ говорить образно, не чувствуя недостатка въ оборотахъ рѣчи, слогъ его постепенно становится литературнымъ. Много можетъ помочь въ этомъ смыслѣ привычка къ письменному изложенію, если въ немъ обращается вниманіе на обработку слога. Весьма полезно также заучиваніе наизусть лучшихъ

мѣсть поэтическихъ произведеній, развивающее изящный вкусъ и память и дающее возможность разнообразить рѣчь подходящими къ дѣлу цитатами.

Каждый ораторъ долженъ стремиться къ тому, чтобы его слогъ 1) былъ правиленъ въ грамматическомъ смыслѣ и 2) чтобы въ немъ не было излишнихъ варваризмовъ и иностранныхъ словъ, дѣлающихъ иногда рѣчь специалиста недоступной для простыхъ смертныхъ. Этотъ недостатокъ, неприятный въ лекторѣ, крайнѣ вреденъ для судебного оратора, для котораго существенно, чтобы его рѣчь была понята судьями и присяжными; этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе не простителенъ, что всякій независимо отъ степени дарованій, можетъ совершенно свободно не пользоваться малопонятными словами, замѣнивъ ихъ, гдѣ можно, соотвѣтственными выраженіями на родномъ языкѣ. Какъ примѣръ такого злоупотребленія иностранными словами я могу привести одно мѣсто изъ рѣчи І. Н. Холевы по дѣлу Максименко: „Діагностика влагалитцной бленнореи, говоритъ французскій ученый Мартино, представляетъ затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, какой бы вагинитъ ни былъ — произвольный, травматическій, конституціональный, діатезическій..... — болѣзненные симптомы и поврежденія будутъ одни и тѣ же: боль, краснота, серозно-гнойная, бѣлая, желтая, желтовато-зеленая течь, грануляція, эрозіи отъ мацерации эпителия слизистой оболочки.“ (Рус. Суд. ораторы, стр. 267). Принимая во вниманіе, что это мѣсто назначалось не для специалистовъ-медиковъ, а для присяжныхъ, можно смѣло сказать, что оно имѣло немного значенія, что пожалуй безразлично, когда рѣчь идетъ о второстепенныхъ подробностяхъ дѣла, но можетъ принести весьма большой вредъ, если ораторъ позволитъ себѣ говорить такимъ слогомъ о существенныхъ обстоятельствахъ. Судебнымъ ораторамъ слѣдуетъ быть осторожными не только въ употребленіи вообще чуждыхъ родному языку выраженій, но и специальныхъ юридическихъ терминовъ. Въ наслѣдство отъ прошлаго юриспруденція получила много различныхъ оборотовъ и терминовъ, преимущественно заимствованныхъ изъ римскаго права, которыми особенно любили щеголять

адвокаты и судьи въ прошломъ столѣтїи: у нихъ знаніе терминовъ считалось признакомъ глубокой учености. Благодаря этому возникаетъ вопросъ объ особомъ „судебномъ языкѣ“, существованіе котораго Ортловъ считаетъ необходимымъ въ наше время. Съ этимъ едва ли должно согласиться: въ существованіи особаго „судебнаго языка“ нѣтъ никакой надобности, тѣмъ болѣе въ уголовныхъ судахъ, гдѣ участвуетъ въ рѣшеніи дѣла народный элементъ, присяжные или шеффены. Конечно, въ судоговореніи могутъ сохраниться нѣкоторые термины и условныя выраженія, но они легко сводятся къ небольшому числу, такъ что говорить объ „языкѣ“ совершенно излишне. Самъ Ортловъ признаетъ, что теперь и законодательство и судебная практика, въ согласіи съ желаніями общества, стремятся изгнать лишнія особенности и сдѣлать судоговореніе всею понятнымъ и доступнымъ. Въ юриспруденціи все можно изложить ясно и популярно. Законы пишутся для всѣхъ, и законъ, который нельзя понять безъ длинныхъ комментариевъ, не удовлетворяетъ своему назначенію. То же самое можно сказать и о судоговореніи. 3) Слогъ долженъ быть ясенъ. Ясность слога, т. е. умѣнье излагать свои мысли вполне понятно—для оратора безусловно необходимое качество. Неясно написанную страницу въ книгѣ можно перечестъ, если въ этомъ есть надобность, и путемъ внимательнаго изученія добиться, наконецъ, смысла; въ устной рѣчи такого выхода нѣтъ, и при туманности и неясности оратора слушателямъ остается одно—перестать слушать или по крайней мѣрѣ относиться къ сказанному небрежно, такъ какъ нельзя требовать отъ аудиторїи на долгое время необыкновеннаго напряженія вниманія. Эта привычка *parler latin en francais*, какъ мѣтко выражается Фенелонъ о подобныхъ ораторахъ, въ изложеніи которыхъ можно уловить лишь отдѣльныя слова и мысли, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ, отъ котораго должно во что бы то ни стало избавиться внимательной подготовкой рѣчи и выработкой слога, если ораторъ хочетъ, чтобы рѣчь его имѣла какое нибудь значеніе. Ясности слога въ равной мѣрѣ вредятъ какъ расплывчатость

и чрезмѣрные длинноты, напрасно утомляющія сколько нибудь подготовленнаго слушателя, наводящія на него уныніе и подь конецъ убивающія всякую охоту слушать, такъ и чрезмѣрная краткость, при которой теряется нить рѣчи; образы и мысли слѣдуютъ такъ быстро другъ за другомъ, что слушатель не успѣваетъ усвоивать говоримое, долженъ усиленно напрягать для этого свое вниманіе, которое, само собой разумѣется, утомляется весьма скоро; неподготовленный слушатель лишается всякой возможности вынести что либо изъ подобной рѣчи. Избѣгать длиннотъ не значитъ обходиться вовсе безъ повтореній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они необходимы для выясненія сложной темы, для ориентированія въ длинной рѣчи, трактующей о различныхъ предметахъ. Но все таки нужно стараться избѣгать однообразія и въ повтореніяхъ, особенно если приходится ихъ дѣлать на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, для этого слѣдуетъ пользоваться разными оборотами рѣчи, перестановкой словъ, чтобы такимъ образомъ фраза, сохраняя прежнее содержаніе, носила значительно измѣненную форму. Неясность слога можетъ быть допустима лишь умышленно, т. е. въ силу важныхъ практическихъ соображеній, тогда оратору остается говорить объ одномъ и томъ же въ неопредѣленныхъ, но различныхъ выраженіяхъ, чтобы слушатели не могли сразу разгадать употребляемаго маневра. Неясность слога неизбежна, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится уклоняться отъ прямого отвѣта на категорически поставленный вопросъ, не отвѣтить на который нельзя, и оратору отстается лишь одинъ путь отвѣчать уклончиво и неясно. Въ случаевъ умышленной неясности, всякая туманность, запутанность слога бываетъ вредной для самого оратора.

Основные качества слога: правильность, чистота и ясность обусловливаютъ такъ называемую дѣловую рѣчь; ею лучше всего и ограничиться тѣмъ судебнымъ ораторамъ, которые не отличаются дарованіями, затрудняются въ словѣ, не обладаютъ способностью къ легкому и красивому изложенію: рѣчь ихъ всегда окажетъ дѣйствіе искренностью и отсутствіемъ претензій, не соответствующихъ ораторскимъ

средствамъ. Для полноты же и силы впечатлѣнія рѣчи нужна также и обработанность слога—изящное и пріятное для слуха построеніе фразъ,—періодическая рѣчь, которой съ такимъ успѣхомъ пользуются всѣ ораторы, начиная съ греческихъ логографовъ.

Обработанность слога, его красота не требуютъ громкихъ фразъ, массы сравненій, цитатъ и т. п.; истинная красота слога заключается въ умѣренности украшеній, въ гармоніи ихъ съ содержаніемъ и объемомъ рѣчи. Рѣчь должна казаться простой и естественной. Она тѣмъ лучше составлена, чѣмъ меньше замѣтенъ трудъ, потраченный ораторомъ на ея составленіе, и искусственность употребленныхъ имъ пріемовъ. Идеаль въ этомъ смыслѣ—въ приближеніи къ природѣ, къ обыкновенной рѣчи человѣка, говорящаго по убѣжденію объ извѣстныхъ и интересныхъ ему предметахъ; бросающаяся въ глаза дѣланность рѣчи, пышныя фразы и персходы, употребленные съ явнымъ намѣреніемъ блеснуть и поразить, заставляютъ обращать вниманіе на искусство оратора, а не слѣдить за рѣчью, и расхолаживаютъ слушателя, который начинаетъ видѣть передъ собой не убѣжденного оратора, а болѣе или менѣе опытнаго актера.

„Нужно, чтобы рѣчь правилась, но не пресыщала, говорить Цицеронъ, трудно объяснить почему вещи, производящія наиболѣе сильное впечатлѣніе скоро надоедаютъ. Нѣжные тоны пріятны, но всѣ будутъ протестовать, если музыкантъ не остановится во время.“ Простота выражений лучшее украшеніе рѣчи; поэтическія фразы, метафоры и т. п., все это годится въ нѣкоторыхъ частяхъ рѣчи, должно оправдываться особымъ настроеніемъ аудиторіи, торжественностью минуты, обстановкой, при которой произносится рѣчь.

Обще распространеннымъ средствомъ украшенія рѣчи обыкновенно служатъ примѣры, сравненія, литературныя цитаты, подходящія къ случаю маленькія рассказы (анекдоты, басни) и т. п., наглядно иллюстрирующія мысль оратора. Аристотель даже различаетъ примѣры изъ дѣйствительной жизни и судебной практики и выдуманные ad hoc. Всѣ перечисленные способы украшеній имѣютъ въ виду сдѣлать слу-

шателю понятнымъ какой либо трудный, сомнительный выводъ, сопоставивъ его съ общеизвѣстнымъ и обычнымъ; въ то же время они развлекаютъ слушателей, дѣлаютъ перерывъ въ строгой аргументаціи, позволяютъ отдохнуть аудиторіи.

Современные ораторы также, какъ и древніе, очень широко пользуются сравненіями и примѣрами, такъ въ рѣчи по дѣлу Сушкинскаго Тульскаго банка С. А. Андреевскій примѣнилъ къ положенію директора басню о котѣ и поварѣ и иллюстрировалъ ею основную мысль рѣчи. (Андреевскій. Защитительныя рѣчи. стр. 254). Э. Н. Плевако точно также въ дѣлѣ А. О. Мордвинъ-Щодро и кн. Оболенскаго путемъ примѣра, взятаго изъ житейской практики доказывалъ отсутствіе въ дѣйствіяхъ обвиняемаго преступнаго умысла. (Отчетъ о дѣлѣ. М. 1895 стр. 33). Особенно богаты удачными сравненіями, примѣрами и сопоставленіями рѣчи В. Д. Спасовича; напр. по дѣлу Овсянникова ораторъ, оцѣнивая доказательства, говоритъ: „всѣ эти приведенныя мною обстоятельства совершенно схожи съ тѣмъ, какъ еслибы гдѣ нибудь на листѣ бумаги увидѣли черточки и замѣтили, что изъ черточекъ складываются буквы, изъ буквъ цѣлое слово. Стали бы предполагать, что это слово начерчено ребенкомъ, который не умѣетъ читать и писать? Нѣтъ, оно написано кѣмъ нибудь знающимъ грамоту, а то, что написано на этомъ листѣ я вамъ передаю, слово было: *поджогъ*“ (Сочиненія, т. VI стр. 23). Приведенные примѣры указываютъ на важность наглядныхъ иллюстрацій, которыми ораторы выясняютъ не только детали, но и основныя мысли рѣчи, такъ сказать, дѣлаютъ для всѣхъ понятнымъ ея построеніе.

Выразительность и сила слога обуславливаютъ степень впечатлѣнія; онѣ зависятъ отъ размѣщенія словъ, отъ употребленія наиболѣе точныхъ и подходящихъ къ даннымъ обстоятельствамъ оборотовъ рѣчи. У хорошаго оратора не должно быть лишннихъ или несоотвѣтственныхъ характеру рѣчи выраженій, это качество слога можетъ быть приобрѣтено только навыкомъ, упражненіемъ и внимательнымъ наблюденіемъ за собой и за впечатлѣніемъ, производимымъ рѣчью. Иногда сила слога состоитъ въ краткости. Умѣнье говорить

много словъ, какъ основательно замѣчаетъ Ватели, не всегда свидѣтельствуешь объ ораторскихъ способностяхъ. Ораторъ долженъ владѣть своимъ словомъ, а не наоборотъ, въ противномъ случаѣ легко можетъ случиться, что въ потокѣ словъ окажется очень мало содержанія. Ораторамъ, склоннымъ къ многоглаголанію безъ надобности, не слѣдуетъ забывать знаменитое изрѣченіе Козьмы Пруткова: „заткни фонтанъ, дай отдохнуть и фонтану.“

Произнесеніе рѣчи наизусть составляетъ основное требованіе ораторскаго искусства. Ничто не производитъ такого впечатлѣнія, какъ живое искреннее слово, а рѣчь, произносимая ораторомъ наизусть, можетъ дать въ этомъ смыслѣ полнѣйшую иллюзію, заставить слушателей забыть объ искусствѣ и подготовкѣ. Для того, чтобы возможно болѣе приблизиться къ идеалу, ораторъ долженъ всѣми силами избѣгать чтенія въ рѣчи. Однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ чтеніе представляется необходимымъ, напр. при длинныхъ цитатахъ, выдержкахъ изъ документовъ, съ содержаніемъ которыхъ надо ознакомить слушателей, также и тогда, если слабая память оратора не позволяетъ надѣяться на точное воспроизведеніе фактическаго матеріала, или есть опасность того, что противная сторона можетъ обвинить его въ неточной передачѣ. Во всякомъ случаѣ, чтеніе должно ограничиваться только фактами и цитатами, всѣ объясненія по поводу прочитаннаго и собственные выводы и мысли оратора должны передаваться устно.

Произнесеніе рѣчи наизусть имѣетъ огромное преимущество передъ чтеніемъ, но сказанное само собой разумѣется относится лишь къ хорошему или, по крайней мѣрѣ, удовлетворительному произнесенію рѣчи. Плохое произнесеніе ничѣмъ отъ плохого чтенія по результатамъ не отличается. Нужно умѣть говорить какъ и читать; здѣсь, конечно, какъ и во всемъ, многое зависитъ отъ природныхъ дарованій: хорошій голосъ, изящная жестикуляція—все это можетъ быть доставлено обученіемъ лишь въ извѣстной степени. Такъ голосъ можетъ развиваться упражненіемъ, получить благодаря ему большую силу и гибкость; отсутствіе

красиваго тембра голоса можетъ быть, если не восполнено, то вознаграждено ясностью и изяществомъ дикціи; послѣднее пріобрѣтается посредствомъ занятой декламаціей и чтеніемъ въ слухъ съ соблюденіемъ оттѣнковъ и интонаціи. Цицеронъ до послѣдняго дня своей жизни занимался декламаціей. Правила этой подготовки выходятъ уже за предѣлы ораторскаго искусства, ихъ можно найти въ учебникахъ выразительнаго чтенія или декламаціи. Считаю нужнымъ замѣтить только, что условія произнесенія рѣчи и сценической декламаціи совершенно различны: послѣдней возсоздается извѣстный типъ, ораторъ же долженъ оставаться всегда самимъ собою, поэтому подчеркиваніе и преувеличенная выразительность въ произнесеніи можетъ быть умѣстна на сценѣ, но не для оратора: рѣчь его для того, чтобы сохранить необходимое достоинство и серьезность, должна быть простой и въ то же время полной жизни и одушевленія.

Оратору необходимо умѣнье пользоваться голосомъ. По степени напряженія его различаются еще со временъ древнихъ риторовъ три основныхъ тона: высокій, средній и низкій, охватывающіе всѣ оттѣнки отъ крика, крайне повышеннаго тона, до шопота. Говорить слѣдуетъ всегда въ среднемъ ровномъ тонѣ, т. е. въ такомъ, который соотвѣтствуетъ размѣрамъ аудиторіи и въ то же время не утомляетъ голоса. Высокій и низкій тоны служатъ лишь дополненіемъ къ среднему и употребляются обыкновенно въ исключительныхъ случаяхъ, въ патетическихъ частяхъ рѣчи. Важнѣйшее въ этомъ смыслѣ—ясное и выразительное произнесеніе рѣчи; громкое произнесеніе не всегда удовлетворяетъ этимъ условіямъ: еще Цицеронъ замѣчаетъ, что ошибаются ораторы, которые кричатъ во все горло, не измѣняя голоса, и думаютъ, что пользуются успѣхомъ, если имъ удастся много наговорить. То же самое говоритъ и de Baets о современныхъ адвокатахъ,—эта форсировка голоса составляетъ безспорно существенный недостатокъ. Не говоря уже о томъ, что крайнее напряженіе голоса, доходящее до крикливости, непріятно дѣйствуетъ на слухъ, лишаетъ рѣчь разнообразія оттѣнковъ, необходимыхъ для выдѣленія мыс-

лей и частей рѣчи,—оно невыгодно и для самаго говорящаго, такъ какъ не только лишаетъ его возможности прибѣгнуть къ повышенію тона, если это понадобится, но и быстро утомляетъ голосъ, заставляетъ оратора постепенно и совершенно несоотвѣтственно понижать тонъ, дѣлаетъ рѣчь невнятной и вялой. Опытные ораторы начинаютъ говорить сравнительно тихо, не тратя напрасно голосовыхъ средствъ, тѣмъ болѣе, что наиболѣе существенное въ рѣчи рѣдко находится въ вступленіи, и вначалѣ аудиторія по большой части слушаетъ внимательно. Хорошій совѣтъ въ этомъ отношеніи даетъ de Vaets, указывая, что начинать рѣчь слѣдуетъ также спокойно какъ доказывать геометрическую теорему, и уже послѣ по мѣрѣ того, какъ будетъ развертываться рѣчь и захватывать оратора и слушателя, придать ей жизнь и движеніе „не притворнымъ волненіемъ, а изложеніемъ обстоятельствъ, способныхъ взволновать другихъ“. Ровность тона, простота и естественность произнесенія, отсутствіе театральной преувеличенности не должны, разумѣется, приводить къ монотонности и однообразію рѣчи. Въ жизни, въ обыкновенномъ разговорѣ каждый человѣкъ почти всегда находитъ соотвѣтствующіе оттѣнки для выраженія той или другой мысли, печальнаго или веселаго настроенія, то же долженъ сдѣлать и ораторъ. Измѣненія въ интонаціи необходимы съ каждой переменъ мысли, съ переходомъ отъ одной части къ другой, чтобы слушатели шли въ развитіи представленій, доводовъ и соображеній рука объ руку съ ораторомъ.

Выше было сказано о приспособленіи голоса и выразительности произнесенія къ содержанію рѣчи: „нельзя говорить патетически о ничтожныхъ предметахъ, или веселымъ тономъ о печальномъ“, говорилось еще въ учебникѣ Квинтиліана. Не надо упускать изъ виду, что манера произнесенія рѣчи зависитъ не отъ одного содержанія рѣчи, но и отъ настроенія аудиторіи. Когда приходится говорить передъ враждебно настроенными или равнодушными къ предмету рѣчи слушателями, не слѣдуетъ уступать сразу своему увлеченію, тѣмъ болѣе вызывать его искусственно, иначе ораторъ, по

выраженію Аристотеля, будетъ казаться больнымъ между здоровыми и не добьется ни сочувствія, ни вниманія. Простое искреннее, сдержанное произнесеніе рѣчи—единственно раціональное средство преодолѣть апатію или враждебность.

Вообще для того, чтобы увлеченіе, паэосъ произвели должное впечатлѣніе нужно, чтобы изображенное чувство дѣйствительно овладѣло ораторомъ. „Невозможно, говорить по этому поводу Цицеронъ, чтобы негодованіе, ненависть или страхъ захватили слушателей, чтобы они проливали слезы, были растроганы, если ораторъ не проникнуть глубоко передаваемымъ имъ чувствомъ.“ Поддѣлка паэоса требуетъ очень большого искусства, да и при немъ обмануть можно неопытныхъ цѣнителей; поэтому если ораторъ дѣйствительно не переживаетъ того или другого чувства, онъ не долженъ маскировать свое спокойное состояніе повышеннымъ тономъ или жестикуляціей, а стараться воздѣйствовать на аудиторію силою приводимыхъ имъ доказательствъ и разсужденій. Требованіе соответствія настроенія оратора съ тономъ рѣчи не представляетъ чего либо трудно осуществимаго. Ораторъ, какъ всякій человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, проникнутый убѣжденіемъ въ правильности своихъ соображеній, сжившійся съ отстаиваемымъ имъ дѣломъ и идеей, очень легко можетъ увлечься, найти наиболѣе подходящую форму для проявленія своего чувства; къ этому прибавляется еще обстановка, въ которой произносится рѣчь, ея публичность, всегда дѣйствующая на оратора, увеличивающая его нервность и воспримчивость; по вѣрному психологическому наблюденію Цицерона оратору нѣтъ никакой надобности представляться растроганнымъ: произнося патетическое мѣсто онъ волнуется болѣе, чѣмъ любой изъ слушателей.

Значительнымъ препятствіемъ хорошему произнесенію рѣчи является отсутствіе увѣренности оратора въ своихъ силахъ или навыка, и вытекающее отсюда смущеніе передъ слушателями, которое иногда заставляетъ забывать не только заранѣе подготовленные выраженія, но даже и факты, и убиваетъ красоту и стройность изложенія. Конечно, всякій

ораторъ, выступая съ публичною рѣчью, чувствуетъ въ началѣ нѣкоторое смущеніе и нервность. Цицеронъ въ своихъ діалогахъ сознается, что онъ самъ въ годы высшаго развитія своего таланта, никогда не начиналъ рѣчи вполне спокойно. Ватели, останавливаясь на этомъ общеизвѣстномъ явленіи, указываетъ, что смущеніе не всегда зависитъ отъ признанія авторитета слушателей и боязни ихъ критической оцѣнки: ораторъ можетъ быть даже убѣжденъ, что онъ гораздо сильнѣе каждаго отдѣльнаго слушателя и въ то же время теряться передъ массой. Объясняется это тѣмъ, что человѣкъ относится симпатически къ впечатлѣніямъ и чувствамъ раздѣляемымъ другими, — послѣднее обстоятельство дѣйствуетъ всегда усиливающимъ образомъ, т. е. повышаетъ чувствительность оратора. Толпа создаетъ особую импонирующую силу, въ ней цѣлый рядъ скрещивающихся вліяній, которыя какъ въ фокусѣ сходятся въ ораторѣ, разъ на него обращено общее вниманіе. Если ораторъ становится при такихъ условіяхъ болѣе впечатлительнымъ, то и каждый слушатель поддается окружающему его настроенію, подчиняется воздѣйствію другихъ, дѣйствуетъ, подчиняясь не только собственному чувству, но и согласно съ чувствами другихъ присутствующихъ.

Напряженность каждаго чувства въ толпѣ благодаря этому чрезвычайно увеличивается; то, что не произвело бы особеннаго впечатлѣнія на отдѣльнаго слушателя, можетъ вызвать сильное возбужденіе въ толпѣ. Легкая возбудимость массы и даетъ возможность опытному оратору скоро овладѣть ею, заставить чувствовать и думать, такъ какъ это ему нужно, — здѣсь получается какъ бы взаимное подстрекательство и возбужденіе. Наоборотъ, неопытный и неумѣлый ораторъ, не оцѣнившій настроенія и духа аудиторіи, вызываетъ противъ себя оппозицію, несравненно сильнѣйшую, чѣмъ въ разговорѣ съ 2—3 лицами; неудовольствіе, нерасположеніе къ нему становятся столь значительными, что рѣчь его теряетъ почти всякое значеніе. Понятно, что ораторъ, всходя на кафедру, никогда не можетъ быть вполне увѣренъ въ томъ, что встрѣтитъ сочувствіе и вниманіе. Кромѣ

того напряженіе его нервовъ достигаетъ, въ большинствѣ случаевъ, апогея передъ началомъ рѣчи, когда ему приходится перейти отъ предварительной домашней подготовки къ публичному слову, когда провѣрка и обдумываніе стали почти невозможными и нужно довѣриться безусловно своимъ силамъ и искусству. Но когда рѣчь начата, положеніе выясняется, и ораторъ чувствуетъ, что говорить какъ надо и то, что надо, то спокойствіе и самообладаніе постепенно возвращаются. Такимъ образомъ, извѣстная степень неувѣренности и нервности неизбѣжны въ началѣ рѣчи, но излишнее смущеніе и растерянность составляютъ уже безусловно нежелательное явленіе, устранить которое можно послѣдовательно приучая себя къ публичной рѣчи. Чѣмъ большей подготовкой обладаетъ ораторъ, тѣмъ лучше. Очень полезно для этого читать вслухъ сначала въ тѣсномъ кружкѣ по книгѣ, потомъ наизусть, и по мѣрѣ успѣха переходить къ чтенію, а потомъ декламации и говоренію въ болѣе широкихъ кругахъ.

Жесты (тѣлодвиженія, *eloquentia corporis* древнихъ) и мимика (выраженіе лица и взглядъ) способствуютъ изящному произнесенію рѣчи, если ораторъ пользуется имъ съ должнымъ тактомъ безъ преувеличеній. Древніе обращали большое вниманіе на тѣлодвиженія, учились ему у актеровъ; въ наше время, ~~когда~~ отъ оратора требуется спокойное и серьезное слово, при которомъ совершенно неумѣстна преувеличенная театральная жестикуляція. Теперь можно слѣдовать правилу, указываемому Фенелономъ: пользоваться жестами лишь въ тѣхъ мѣстахъ рѣчи, которыя произносятся съ нѣкоторою страстностью и возбужденіемъ. Во время объективнаго, спокойнаго изложенія ораторъ долженъ держаться просто, довольствуясь одними словами для выраженія своей мысли, не прибѣгая къ помощи тѣлодвиженій, подражая объективному, естественному пересказу въ разговорѣ. „Злоупотребленіе жестомъ, замѣчаетъ Ажамъ, невыносимо въ ораторѣ.“ Основное правило—естественное положеніе тѣла, чуждое напряженности. Ортловъ совѣтуетъ опираться одной рукой на

столъ или спинку стула, чтобы избѣжать непріятнаго раскачиванія. Ораторъ, говоря, долженъ смотрѣть на слушателей. Когда приходится читать какіе нибудь документы, лучше всего брать ихъ въ руки, а не наклоняться къ столу или каедрѣ. Слѣдуетъ по возможности избѣгать движеній всѣмъ корпусомъ, перемѣны мѣста, раскачиванья и т. п. Въ помощь слову главнымъ образомъ должны служить движенія рукъ, разумѣется не переходяція въ бесполезное и некрасивое размахиванье. Выраженіе лица должно соответствовать содержанію рѣчи: нельзя улыбаться передавая какія либо печальныя событія.

Учебники краспорѣчія, особенно старыя входятъ въ подробное разсмотрѣніе жестикуляціи и мимики, устанавливають различныя, мелочныя правила, я думаю, что въ руководствѣ возможно сдѣлать лишь наиболѣе общія указанія, и потому никакихъ подробностей приводить не буду. Практическія упражненія, самонаблюденіе, замѣчанія другихъ, примѣры выдающихся ораторовъ, составляютъ наилучшее средство достигнуть въ этомъ отношеніи желательнаго успѣха.

ГЛАВА II.

Вступленіе.

Детальное разсмотрѣніе рѣчи можетъ быть лучше всего достигнуто разчлененіемъ ея на части или отдѣлы. Къ этому средству издавна уже прибѣгали всѣ учебники краснорѣчія, и еще въ древности успѣли сложиться различные приемы дѣленія рѣчи на части, наиболѣе удачные изъ нихъ были даны Аристотелемъ и Цицерономъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду придерживаться Аристотелевскаго дѣленія на 5 частей: вступленіе, программа рѣчи (*expositio*), изложеніе, доказательства и заключеніе. Принимая указанное дѣленіе я вполнѣ признаю возможность другихъ разчлененій рѣчи, напр., не на 5, а на 3 части, но считаю принятую мною систему болѣе подходящей для подробнаго изученія.

Конечно, положенія о частяхъ рѣчи не могутъ имѣть ничего обязательнаго: въ каждомъ данномъ случаѣ въ рѣчи можетъ и не оказаться одной или даже нѣсколькихъ частей: все зависитъ отъ обстоятельствъ и характера дѣла и рѣшается усмотрѣніемъ и тактомъ оратора; какъ было замѣчено въ первой главѣ, правила ораторскаго искусства не связываютъ и не ограничиваютъ способностей и силъ оратора, а только помогаютъ возможно цѣлесообразному пользованію ими. Подготавливая рѣчь обязательно обдумать, какъ составить ея содержаніе, чтобы оно вполнѣ соотвѣтствовало цѣлямъ и задачамъ оратора, и потомъ уже перейти къ обработкѣ признанныхъ нужными частей рѣчи, не стѣсняясь ни указаннымъ въ учебникахъ числомъ, ни послѣдовательностью частей рѣчи, сообразуясь главнымъ образомъ, съ практическими условіями даннаго случая.

Вступленіе—начальная часть рѣчи, служащая для того, чтобы ввести слушателей въ предметъ рѣчи, подготовить ихъ къ дальнѣйшему изложенію. Аристотель очень удачно сравнилъ вступленіе съ прологомъ въ трагедіи, имѣвшимъ важное значеніе у древнихъ авторовъ. По мнѣнію Цицерона и Квинтиліана вступленіе должно внушить судьямъ благопріятное мнѣніе о дѣлѣ, расположить ихъ въ пользу оратора и возбудить ихъ вниманіе. Вступленіе, какъ указывали еще древніе, должно быть тщательно подготовлено, къ импровизаціи вступленія возможно прибѣгать лишь въ особыхъ случаяхъ, когда судебное слѣдствіе и рѣчь противника существенно измѣняютъ положеніе, занятое ораторомъ, выдвинуть противъ него новыя, ускользнувшія раньше стороны дѣла. Особенно выгодное впечатлѣніе производитъ иногда пользованіе во вступленіи какимъ либо неудачнымъ приемомъ или непродуманнымъ словомъ противника, которому, такимъ образомъ, наносится первый ударъ въ самомъ началѣ, и въ то же время ораторъ придаетъ вступленію характеръ неподготовленнаго заранѣе, а импровизированнаго, вытекающаго непосредственно изъ обстоятельствъ судебного состязанія. Разумѣется, введеніе въ начало рѣчи подобнаго возраженія или нападенія изъ рѣчи противника не уничтожаетъ заранѣе приготовленнаго вступленія, оно лишь дополняетъ его, придаетъ наибольшій интересъ, тѣснѣе связываетъ съ разсматриваемыхъ дѣломъ. Напр., одинъ изъ защитниковъ по дѣлу объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ началъ свою рѣчь съ возраженія на вступленіе обвинительной рѣчи: „Г.г. присяжные засѣдатели! сказалъ онъ, „Гусевское дѣло возмутило общественную совѣсть; возмущенная общественная совѣсть требуетъ удовлетворенія“—таковы были слова, которыми начато было обвиненіе, и я позволю себѣ начать мою защиту съ тѣхъ же самыхъ словъ;.... Въ настоящемъ дѣлѣ удовлетвореніе общественной совѣсти можетъ произойти не только вслѣдствіе обвиненія подсудимыхъ, но и вслѣдствіе ихъ оправданія, если они не виновны“. (Русск. суд. орат. стр. 22, рѣчь прис. пов. Ордина).

Внимательная подготовка вступленія необходима потому,

что нервность и смущение сказываются въ ораторѣ весьма сильно въ началѣ рѣчи: нужна большая опытность и искусство, чтобы безъ затрудненій найти подходящія, точныя и красивыя выраженія для начала рѣчи, а между тѣмъ въ это время вниманіе слушателей бываетъ обыкновенно очень интенсивнымъ, и чрезвычайно важно обратить это вниманіе въ свою пользу, сохранить его и на продолженіе рѣчи. Древніе рекомендовали для облегченія труда ораторовъ готовить вступленія заблаговременно по опредѣленнымъ шаблонамъ и затѣмъ примѣнять ихъ по мѣрѣ надобности, такъ напр., послѣ Демосѣна осталось свыше 50 запасныхъ вступленій, которыя онъ не успѣлъ пустить въ дѣло. Но такой способъ составленія представляется крайне неудобнымъ: вступленіе должно быть въ тѣсной, органической связи со всѣмъ послѣдующимъ, а при пользованіи шаблономъ вступленіе легко можетъ оказаться несоответственной, искусственной приставкой къ остальной рѣчи. Да въ немъ и нѣтъ практической потребности: каждое дѣло даетъ достаточно матеріала для нѣсколькихъ общихъ положеній, которыя могутъ понадобиться въ началѣ рѣчи. Такъ какъ вступленіе должно вытекать изъ предмета рѣчи, казаться неотдѣлимымъ отъ нея, то и составлять его удобнѣе, согласно совѣтамъ новыхъ писателей Фридмана, Ватели и Ортова, послѣ составленія плана рѣчи, когда ораторъ уже получилъ возможность уяснить себѣ, на какую сторону дѣла ему нужно обратить больше вниманія и какой характеръ слѣдуетъ придать началу рѣчи—вступленію.

Вступленіе не всегда необходимо, ему придавали большое значеніе въ древности, когда въ процессѣ судебное слѣдствіе связывалось съ рѣчами сторонъ и, начиная рѣчь, приходилось имѣть дѣло съ судьями, еще недостаточно ознакомившимися съ дѣломъ. Въ наше время чтеніе обвинительнаго акта и разсмотрѣніе доказательствъ дѣлаютъ извѣстными судьямъ всѣ обстоятельства, относящіяся къ данному преступленію, поэтому не всегда и представляется цѣлесообразнымъ затрачивать свои силы и утомлять вниманіе судей особымъ вступленіемъ. Если дѣло ясно и не

сложно, не возбуждаетъ никакихъ вопросовъ, то ораторъ имѣетъ полное право начать прямо съ оцѣнки доказательствъ и затѣмъ перейти къ выводу. Полезнымъ вступленіе остается въ большихъ рѣчахъ, произносимыхъ по важнымъ и запутаннымъ дѣламъ, потому что долго продолжавшееся, охватившее массу разныхъ обстоятельствъ судебное слѣдствіе, могло утомить судей, и затемнить дѣло многочисленными второстепенными подробностями, въ которыхъ не легко разобраться. Понятно, что въ такихъ случаяхъ выгоднѣе не переходить сразу къ оцѣнкѣ лицъ и событій, а остановиться сначала на общихъ соображеніяхъ, разъяснить, если можно такъ выразиться, дорогу, указать на самое существенное, что и выполняется во вступленіи.

Что касается внѣшней формы вступленія, то оно должно быть по общему правилу составлено и произнесено спокойно безъ громкихъ фразъ и патетическаго тона; попытки вызвать уже во вступленіи то или другое чувство или страсть рискованы въ виду того, что почва для возбужденія ихъ должна быть сначала подготовлена, чего, конечно, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможно достигнуть до вступленія, т. е. еще до начала рѣчи, во время судебного слѣдствія. Исключение изъ этого правила, подходящій случай для патетическаго вступленія иногда встрѣчается въ репликахъ, при непосредственныхъ возраженіяхъ противнику послѣ главной рѣчи; тогда аудиторія достаточно возбуждена предшествовавшими преніями, и самая рѣчь не бываетъ длинной, вслѣдствіе чего повышенный тонъ безъ затрудненія можетъ быть выдержанъ въ продолженіе всей рѣчи. Хорошіе примѣры патетическихъ репликъ можно найти въ упомянутомъ уже дѣлѣ Ла Ронсьера (См. А. Шмаковъ, Суд. ораторы во Франціи, стр. 113 и слѣд.). Въ рѣдкихъ случаяхъ, однако, патетическое вступленіе допустимо и въ главной рѣчи. Такъ прис. пов. В. М. Пржевальскій началъ свою рѣчь въ защиту Б. Мельницкаго слѣдующими патетическими словами: „Когда я прочиталъ на страницахъ слѣдственнаго производства.... печальную исторію семьи Мельницкихъ, когда я выслушалъ на судѣ рассказъ о злополучной ихъ судьбѣ,—мнѣ припом-

нились тѣ скорбныя слова, которыя великій творецъ Божественной комедіи влагаетъ въ уста безвременно погибшей Франчески ди Римини.... она говоритъ: „нѣтъ болѣе великаго страданія, какъ вспоминать среди несчастія о минувшихъ счастливыхъ дняхъ“. (Рус. суд. ораторы, стр. 471). Въ этихъ словахъ уже чувствуется риторическая приподнятость, вызывающая и соотвѣтственный тонъ при передачѣ; оправдывается это отступленіе отъ правилъ въ данномъ случаѣ тѣмъ, что вся рѣчь защитника отъ перваго до послѣдняго слова имѣла цѣлю пробудить въ присяжныхъ состраданіе и милосердіе къ подсудимому, такъ какъ наличность преступленія была безспорной и опровергать фактическую сторону обвиненія не представлялось возможнымъ. При другихъ обстоятельствахъ, въ дѣлѣ, не дающемъ столь благодарнаго психологическаго матеріала, подобное вступленіе могло бы и не вызвать сочувствія присяжныхъ, а, напротивъ, заставило бы ихъ заподозрить защиту въ желаніи произвести впечатлѣніе громкими словами. На этомъ дѣлѣ оправдывается извѣстное положеніе, что исключеніе подтверждаетъ общее правило.

Содержаніе вступленія можетъ быть очень разнообразнымъ въ зависимости отъ свойства дѣла, отъ характера и положенія участвующихъ въ немъ лицъ и, наконецъ, отъ обстановки, при которой оно разсматривается. Перечислить всѣ видоизмѣненія содержанія вступленія невозможно, поэтому я укажу лишь наиболѣе употребительные приемы; изъ нихъ заслуживаютъ вниманія и чаще всего встрѣчаются въ рѣчахъ слѣдующіе: 1) Вступленіе заключается въ развитіи какой либо общей мысли, афоризма, приводимаго или въ собственномъ изложеніи оратора или въ формѣ цитаты. Напр. во вступленіи въ рѣчи по дѣлу братьевъ Келешей защитникъ выдвинулъ принятый имъ методъ защиты подсудимыхъ. „Каждое обвиненіе, сказалъ онъ, можно сравнить съ узломъ, завязаннымъ вокругъ подсудимаго. Но есть узлы не расторгимые и есть узлы съ фокусомъ. Если защита стремится распутать правдивое обвиненіе, то вы всегда видите, какія она испытываетъ неловкости..... Иное дѣло, если

узелъ съ фокусомъ. Тогда стоитъ только поймать секретный.... кончикъ или петельку, потянуть за нихъ,—всѣ пути разматываются сами собою, человекъ изъ нихъ выходитъ совершенно свободнымъ“. (С. А. Андреевскій. Защитительныя рѣчи стр. 81).

Пользуясь вступленіемъ для развитія какой либо общей мысли или положенія, ораторъ не долженъ упускать изъ виду необходимости сохранить непосредственную связь между вступленіемъ и рѣчью, чтобы мысль, развиваемая во вступленіи, казалось естественно вытекающей, обусловливаемой остальнымъ содержаніемъ рѣчи. Въ силу этого употребленіе въ началѣ рѣчи безсодержательныхъ, но блестящихъ фразъ и не идущихъ къ дѣлу разсужденій ради красоты слога, въ надеждѣ повліять на чувство слушателей, — приемъ вполне ошибочный. Ораторъ сразу становится на ложную почву, подрываетъ довѣріе къ искренности своей рѣчи и представляется слушателямъ фразеромъ, щеголяющимъ словами тамъ, гдѣ отъ него ожидаютъ серьезнаго разсмотрѣнія дѣла. „Все, что не относится къ дѣлу, говорили еще древніе риторы, можетъ имѣть успѣхъ лишь у плохо подготовленныхъ слушателей“.

2. Темой вступленія берется часто выясненіе важности и значенія разсматриваемаго дѣла съ цѣлью заинтересовать имъ судей, сдѣлать ихъ внимательными къ послѣдующему изложенію. Еще Аристотель писалъ по этому поводу, что „слушатели внимательно относятся ко всему великому и къ тому, что ихъ лично касается, ко всему удивительному и пріятному...., поэтому и слѣдуетъ внушать имъ, что рѣчь идетъ о подобныхъ предметахъ“. Въ этомъ смыслѣ бываетъ особенно выгодно выдвинуть передъ коронными судьями юридическое значеніе дѣла, указать на контроверзы, существующія по связаннымъ съ нимъ вопросамъ, въ литературѣ и судебной практикѣ; на судѣ присяжныхъ полезно указывать на социальное значеніе дѣла, на бытовую обстановку, въ которой оно произошло, на отношеніе его къ интересамъ каждаго гражданина. Примѣры подобнаго вступленія попадаютъ почти въ каждомъ дѣлѣ; я приведу одинъ изъ нихъ

изъ рѣчи пр. пов. Н. І. Холевы по дѣлу Максименко: „Уголовное дѣло, о которомъ вы призваны сказать ваше авторитетное рѣшающее слово, на этотъ разъ, вѣроятно, послѣднее, безспорно представляется рѣдкимъ, исключительнымъ и выдающимся въ судебныхъ лѣтописяхъ послѣдняго десятилѣтія. Помимо свойства самаго преступленія и бытовой обстановки событія, особенности этого дѣла въ его процессуальной сторонѣ“ (Рус. Суд. ораторы, стр. 233).

3. Иногда, особенно послѣ долгаго и запутаннаго судебного слѣдствія, когда предстоитъ большая рѣчь, нуждающаяся въ соотвѣтственномъ, затрогивающемъ различные вопросы вступленіи, въ немъ вполне допустимо обращеніе къ судьямъ, указывающее на смыслъ и цѣль ихъ дѣятельности, имѣющее въ виду расположить ихъ къ оратору, побудить сохранить и впредь проявленное ими стараніе добросовѣстно разобраться въ слѣдственномъ матеріалѣ. Характеръ этого обращенія былъ уже разобранъ выше, поэтому теперь я ограничусь приведеніемъ примѣра подобнаго вступленія. Начиная защитительную рѣчь по извѣстному дѣлу объ убійствѣ Сарры Модебадзе, пр. пов. П. Я. Александровъ выразилъ свое отношеніе къ судьямъ, участвовавшимъ въ разсмотрѣніи дѣла, въ такой формѣ: „Отрадны были для меня эти дни, проведенные съ вами здѣсь..... они останутся навсегда отрадными воспоминаніями въ моей жизни. Я видѣлъ трудъ внимательный, неустанный трудъ, который каждый изъ васъ приложилъ къ разсмотрѣнію, къ изученію, къ оцѣнкѣ cadaго изъ предъявленныхъ вамъ судебныхъ доказательствъ. Я понялъ, г.г., ту тяжелую отвѣтственность, которую вы должны нести въ глубинѣ вашей совѣсти, творя судъ и правду“..... (Рус. Суд. ораторы стр. 350).

Самое важное во вступленіяхъ подобнаго рода сохраненіе чувства мѣры и собственнаго достоинства. Оратору необходимо, обращаясь къ судьямъ, хорошо оцѣнить положеніе, чтобы не сказать необдуманно что либо такое, отъ чего пришлось бы отказаться впоследствии. Иначе позднѣйшее противорѣчіе въ словахъ и дѣйствіяхъ оратора поставило бы его самого въ крайне неловкое положеніе. Особенно

опасны преждевременныя и преувеличенныя похвалы въ расчетѣ на опредѣленное рѣшеніе, когда ораторъ не имѣетъ достаточно вѣскихъ основаній быть увѣреннымъ въ характерѣ этого рѣшенія. Тогда обращеніе къ судьямъ принимаетъ видъ неумѣстной лести, не имѣющей никакого значенія для дѣла и дискредитирующей самого оратора. Примѣръ, подтверждающій сказанное, представляетъ обвинительная рѣчь по дѣлу Ольги Палемъ. „Г.г. присяжные засѣдатели, такъ началъ свою рѣчь товарищъ прокурора, настоящее дѣло въ смыслѣ безпристрастія и полноты предварительнаго слѣдствія повторилось..... здѣсь на судѣ и даетъ такую полную бытовую картину отношеній подсудимой О. Палемъ къ покойнику Довнару, что ваша память и напряженное вниманіе будутъ вашими лучшими пособниками при разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимой. Если я что либо упущу изъ виду или невѣрно объясню, то вы въ количествѣ 12 человекъ, разрѣшающихъ дѣло, каждый внесете, какъ вносить пчелы въ улей, свою долю выводовъ, и эта ваша общая работа выразится въ томъ приговорѣ, которымъ общество будетъ удовлетворено и скажетъ: да, это правда! Судъ присяжныхъ есть такое учрежденіе подобнаго которому ни въ практикѣ, ни въ теоріи ничего нѣтъ“. (Отчетъ по дѣлу, стр. 20). Это вступленіе нельзя назвать удачнымъ, если принять во вниманіе, что дѣло О. Палемъ кассировалось по протесту прокуратуры, представитель которой заранѣе признала правоту приговора присяжныхъ, и что основаніемъ для кассациі послужилъ именно слѣдственный матеріалъ, о полнотѣ и безпристрастіи котораго распространялся обвинитель.

4. Если оратору приходится считаться съ предубѣжденіями или враждебнымъ настроеніемъ аудиторіи, то начать борьбу съ ними всего лучше во вступленіи, чтобы по возможности выяснить и опредѣлить положеніе. (См. Главу I, стр. 32). Точно также въ тѣхъ случаяхъ, когда защитнику приходится выступать по дѣлу, которое можно назвать заранѣе безнадежнымъ, въ которомъ, въ сущности, нечего оспаривать и даже почти нечего приводить въ качествѣ смягчающихъ обстоятельствъ, слѣдуетъ во вступленіи ука-

зять соображенія, побудившія защитника принять на себя трудную обязанность отстаивать заранѣе проигранное дѣло, чтобы не возбудить противъ себя подозрѣнія въ легкомысліи или въ желаніи ввести судъ въ заблужденіе. Можетъ быть лучшее средство спасти, что можно въ подобныхъ обстоятельствахъ—это лойальное признаніе существующаго. Такъ напр. С. А. Андреевскій, выступая по дѣлу Зайцева, возмутительное преступленіе котораго (корыстное убійство, совершенное въ крайне неблагоприятной для защиты обстановкѣ), было безспорно доказаннымъ, такъ опредѣлили свое отношеніе къ принятымъ на себя обязанностямъ: „есть, г.г. присяжные засѣдатели, нѣчто горькое и безутѣшное въ положеніи человѣка, для котораго не только не существуетъ никакой надежды на оправданіе, но и почти нѣтъ надежды на снисхожденіе..... Сдѣлано дѣло грубое, жестокое, возмутительное; виновный не оправдывается, вашъ взглядъ готовъ..... Но я полагаю, что судъ поручилъ мнѣ защиту не для того, чтобы я оставался безмолвнымъ.... Когда совершается какое либо преступленіе, то предполагается, что всѣ и каждый заинтересованы въ наказаніи виновнаго. Отъ имени общества, отъ имени всѣхъ прокуроръ возбуждаетъ преслѣдованіе.... Здѣсь его устами говорятъ *всѣ* противъ *одного*..... Какой же бы это былъ судъ, еслибы за этого *одного* не поднимался ничей голосъ?.... Наша роль (защиты) трудная, но необходимая. Общественное возмездіе, прежде чѣмъ покарать, должно одуматься.... выслушать противъ себя всевозможныя возраженія“ (Андреевскій, Защитит. рѣчи стр. 5—6). Въ приведенномъ вступленіи ораторъ выбираетъ единственный возможный путь для защиты: не пытаюсь отрицать установленные судомъ факты (никакихъ шансовъ на успѣхъ и не было), онъ старается вызвать состраданіе судей къ подсудимому, безропотно ожидающему своей участи, и добиться терпимаго и болѣе благоприятнаго отношенія къ защитнику, какъ исполнителю тяжелаго, въ данномъ случаѣ, но священнаго долга служенія правосудію и общественнымъ интересамъ.

5. Предметомъ вступленія можетъ служить также положеніе противника, особо выгодныя для него обстоятельства

и преимущества, напр. его общественное положеніе, поддержка, оказанная ему административными органами, личными связями или, наконецъ, общественнымъ мнѣніемъ, печатью и т. п. Вообще, если положеніе противника въ процессѣ оказывается сильнымъ, выбить его съ позиціи опроверженіемъ фактическихъ обстоятельствъ невозможно, то не зачѣмъ затягивать напрасно борьбу, идти противъ очевидности, слѣдуетъ уступить ему все, что не допускаетъ возраженій, т. е. все необходимое и подчеркнуть свой образъ дѣйствій, какъ доказательство своего безпристрастія и вполне объективнаго отношенія къ дѣлу, затѣмъ, отмѣтивъ невыгодныя для противника обстоятельства, напр. его страстность, увлеченіе, злоупотребленіе выгодами его положенія, сосредоточить силы на полезныхъ для себя пунктахъ, чтобы выиграть возможное. Если, наоборотъ, положеніе противника слабо, на это должно быть указано безъ излишнихъ подчеркиваній своихъ преимуществъ, чтобы чрезмѣрной страстностью нападенія не поколебать въ большей или меньшей степени своего вполне прочнаго и надежнаго положенія.

Во вступленіи же можетъ быть указано на образъ дѣйствій участвующихъ въ процессѣ или заинтересованныхъ въ немъ лицъ, отмѣнено нарушеніе ими какихъ либо нравственныхъ или гражданскихъ обязанностей, напр. веденіе дѣла противъ близкихъ родственниковъ, вызванное желаніемъ наживы и т. п. На ряду съ положеніемъ противника употребляется и описаніе положенія собственнаго кліента, возбужденіе къ нему расположенія судей разговоромъ объ его личныхъ свойствахъ, перенесенныхъ имъ страданійхъ, преслѣдованійхъ и о несчастныхъ обстоятельствахъ, приведшихъ его на скамью подсудимыхъ. „Никогда я не встрѣчалъ“, началъ, напр., свою рѣчь защитникъ Маріи-Бьеръ (обвинявшейся въ покушеніи на убійство) „женщины болѣе несчастной, чѣмъ моя кліентка! Прямая въ своихъ идеалахъ, благородная въ страстяхъ, она любила добро. И вотъ она здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, неутѣшная, падшая, ни на что не имѣющая надежды въ этомъ мірѣ!“ (Франц. суд. ораторы. Рѣчь Лашо, стр. 415). Во вступленіи допустима только са-

мая сжатая характеристика въ общихъ чертахъ, такъ какъ обыкновенно подробное описаніе участвующихъ и ихъ дѣйствій оставляется до изложенія, т. е. до центральной части рѣчи, въ которую вступленіе только вводитъ слушателя.

Когда въ дѣлѣ приходится разбирать сразу виновность нѣсколькихъ лицъ бываетъ выгодно выдѣлить обстоятельства, касающіяся каждаго изъ нихъ, чтобы, такимъ образомъ, установивъ возможно точно степень виновности отдѣльныхъ участниковъ, избѣжать перенесенія на всѣхъ доказательствъ, оправдывающихъ или обвиняющихъ одного или нѣсколькихъ. Начиная рѣчь по дѣлу Максименко, О. Н. Плевако сказалъ: „чтобы правильнѣе разобраться и безошибочнѣе рѣшить дѣло; я совѣтую раздѣлить ваше вниманіе поровну между подсудимыми, обдумавъ доказательства виновности отдѣльно для каждаго подсудимаго такъ, какъ будто судьба другаго не предстоитъ сегодня вашему вниманію. Этотъ приѣмъ спасетъ отъ вредной для дѣла и особенно вредной для подсудимыхъ перепутанности уликъ. Извѣстна человѣческая слабость къ быстрымъ обобщеніямъ: мы охотно спѣшимъ впечатлѣніе, полученное отъ одного рода явленій, перенести на сосѣднія, сходныя съ ними... Улики, обрисовывающія одного подсудимаго мы переносимъ на остальныхъ. Онъ сдѣлалъ то-то, а она сдѣлала то-то, откуда заключается, что они сдѣлали и то и другое вмѣстѣ“. (Рус. суд. ораторы, стр. 294).

6. Во вступленіи бываетъ умѣстно описать вкратцѣ главнѣйшія обстоятельства событія преступленія, если центръ тяжести его въ бытовой обстановкѣ, и на нее надлежитъ главнымъ образомъ направить вниманіе судей. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ набрасывать нѣсколькими штрихами общую картину преступленія, не останавливаясь на деталяхъ, выдвигая только обстоятельства болѣе всего пригодныя для того, чтобы заинтересовать или растрогать слушателей, причемъ эта картина не должна дѣлать излишнимъ подробное изложеніе обстоятельствъ событія преступленія на своемъ мѣстѣ. Примѣръ подобнаго вступленія представляетъ рѣчь В. Д. Спасовича по дѣлу фонъ Зона: „Фразы, слова не въ состояніи ничего ни прибавить ни убавить къ тому сильному

впечатлѣнію, которое оставилъ на васъ самый фактъ, голый, дикій, вопіющій. Въ центрѣ столицы, въ двухъ шагахъ отъ гауптвахты на Сѣнной, устраивается разбойничій притонъ, свиваетъ себѣ гнѣздо шайка злодѣевъ... одни изъ нихъ заманиваютъ, другіе сидятъ въ засадѣ, ожидая добычи, и, наконецъ, совершается дѣло кровавое надъ старикомъ, который, забывъ стыдъ и достоинство своихъ сѣдыхъ волосъ, далъ завлечь себя въ эту несчастную берлогу". (Спасовичъ, Сочиненія, т. V стр. 122).

Нѣтъ надобности ограничиваться во вступленіи какой либо одной темой. Обстоятельства дѣла могутъ быть такъ разнообразны, что ораторъ долженъ будетъ остановиться во вступленіи, напр., на положеніи своего кліента и его противника, прибѣгнуть къ обращенію къ судьямъ, указать на интересъ и важность дѣла. Единственнымъ мѣриломъ здѣсь можетъ быть признана пропорціональность вступленія, соотвѣтствіе его по размѣру съ другими частями рѣчи. Если послѣдняя достаточно велика и распадается на нѣсколько болѣе или менѣе самостоятельныхъ раздѣловъ, то возможно, кромѣ общаго вступленія, употребленіе особыхъ вступленій, вводящихъ слушателей въ какую либо самостоятельную, достаточно важную и обширную часть рѣчи.

Ко вступленію логически примыкаетъ и разсмотрѣніе, такъ называемыхъ, предварительныхъ вопросовъ, т. е. такихъ обстоятельствъ, выясненіе которыхъ имѣетъ общее значеніе, не связано спеціально съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ фактомъ, относящимся къ дѣлу, и которые, слѣдовательно, должны быть разсмотрѣны особо. Вопросы эти могутъ быть или юридическіе, напр. разборъ аналогичныхъ съ даннымъ случаемъ судебныхъ рѣшеній, или спеціально созданныя особенностями разсматриваемаго дѣла. Сюда можно отнести и возраженія противнику, если онъ вноситъ въ свою рѣчь матеріалъ, не относящійся прямо къ дѣлу, напрасно затрудняющій и затемняющій судебное состязаніе, чтобы, такимъ образомъ, устранить все лишнее, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію слѣдственнаго матеріала по существу, и тогда уже идти дальше, не отвлекаясь въ сторону, твердо дер-

жась намѣченнаго и обдуманнаго плана. Планъ этотъ, обусловливающей постройкѣ рѣчи, въ значительной степени облегчаетъ ея пониманіе. Поэтому древніе риторы и сдѣлали изъ краткаго плана, программы рѣчи, самостоятельную часть, которой придавали весьма важное значеніе.

Программа рѣчи (expositio) представляетъ собою выясненіе намѣреній оратора, краткое указаніе пути, которымъ онъ пойдетъ въ развитіи защиты или обвиненія. Обыкновенно она помѣщается передъ изложеніемъ, какъ бы закончивая подготовительную часть рѣчи, вступленіе, и составляетъ его естественное дополненіе, но помѣщеніе программы во всякомъ случаѣ вопросъ удобства, и рѣшается практическими соображеніями; нерѣдко поэтому она ставится въ рѣчи передъ доказательствами. Въ большихъ рѣчахъ, распадающихся на нѣсколько отдѣловъ, каждому изъ нихъ можетъ предшествовать программа, независимо отъ общей, указывающей на систему построенія всей рѣчи. Необходима программа рѣчи только тогда, когда рѣчь достаточно обширна, и судьямъ трудно ориентироваться въ излагаемомъ безъ руководящихъ объясненій, такъ что ораторъ можетъ опасаться, что его намѣренія не будутъ поняты сразу, что судьи не придадутъ значенія тѣмъ отдѣламъ рѣчи, на которые онъ желаетъ обратить ихъ особое вниманіе. Въ другихъ случаяхъ, если предметъ рѣчи и ходъ мыслей оратора вполне ясны и объемъ рѣчи не великъ, нѣтъ надобности останавливаться отдѣльно на опредѣленіи ея программы.

Въ программѣ можетъ быть указана лишь основная мысль рѣчи безъ другихъ подробностей, это будетъ ея самая простая форма. Въ примѣръ такой формы можно привести программу изъ рѣчи В. Д. Спасовича по дѣлу Чихачева. „Если бы я позабылъ... что главная суть дѣла—его психологическая сторона, то мнѣ напомнилъ эту истину мой талантливый противникъ, который... перенесъ дѣло почти цѣликомъ на психологическую почву такъ, что мнѣ необходимо идти по его слѣдамъ и разбирать тѣ же психологическіе факты... (Сочиненія, V т. стр. 303).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ программѣ намѣчается

каждый отдѣлъ рѣчи и ея части. Эта форма имѣетъ весьма большое примѣненіе на практикѣ и даетъ уже ближайшія указанія о составѣ рѣчи. „Предметъ дѣла, о которомъ идетъ рѣчь—подлогъ завѣщанія. Первый вопросъ, возникающій при изслѣдованіи дѣла: подложно ли само завѣщаніе, второй вопросъ—какимъ образомъ создано подложное завѣщаніе? и третій—кто виновенъ въ этомъ преступленіи? Согласно съ этимъ я и раздроблю свое обвиненіе на три части“. (А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи, стр. 204. Дѣло Мясниковыхъ). Самое важное въ программѣ ясная и точная постановка пунктовъ и вопросовъ, такъ чтобы ихъ могли запомнить слушатели. Поэтому по возможности стараются не употреблять въ программѣ длинныхъ фразъ, неясныхъ и двусмысленныхъ выраженій, равно какъ и избѣгать скопленія большого числа пунктовъ и подраздѣленій, которое не можетъ быть удержано памятью слушателей, лучше въ такомъ случаѣ въ каждой части рѣчи вводить самостоятельную программу. Если программа рѣчи составлена удовлетворительно, она значительно облегчаетъ какъ работу оратора, такъ и трудъ судей, которымъ приходится иногда въ теченіе цѣлыхъ часовъ слѣдить за развитіемъ и послѣдовательностью мыслей и доказательствъ защитника или обвинителя. Удовлетворительность выполненія несомнѣнно зависитъ отъ тщательности подготовки; въ этомъ смыслѣ А. Л. Левенстимъ дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе, что программа рѣчи „требуетъ особаго вниманія во время подготовительной работы, ибо здѣсь исходная точка судебныхъ преній. Если съ самаго начала направленіе невѣрное, то, конечно, достигнуть цѣли невозможно“. (Рѣчь государственнаго обвинителя, стр. 98). Прямой выводъ изъ сказаннаго, что программа принадлежитъ къ частямъ рѣчи, наименѣе допускающимъ импровизацію. Противъ этого возражаютъ, ссылаясь на то, что достаточно изученія дѣла, результатомъ котораго въ нужный моментъ явится и программа рѣчи; ораторъ сразу почувствуетъ въ чемъ заключается узелъ дѣла и укажетъ на него судьямъ. Безспорно, что внимательное изученіе дѣла указываетъ путь, котораго долженъ держаться ораторъ, опредѣляетъ и про-

грамму рѣчи, но во всякомъ случаѣ важно не только знать порядокъ своей рѣчи, но и умѣть въ ясныхъ, краткихъ и точныхъ словахъ указать его другимъ, а это не каждый въ состояніи сдѣлать безъ подготовки и обдумыванія, да и не слѣдуетъ полагаться въ такой мѣрѣ, безо всякой надобности, на свое искусство и силы; не всегда даже талантливые ораторы могутъ одинаково пользоваться своими дарованіями: многое зависитъ и отъ состоянія здоровья, настроенія, окружающей обстановки, поэтому всегда лучше приготовить, что возможно раньше, чтобы не создавать себѣ напрасныхъ осложненій въ рѣшительную минуту. Предварительная, старательная выработка программы не равносильна, конечно, признанію ея не подлежащей измѣненію. Легко можетъ случиться, какъ объ этомъ уже нѣсколько разъ говорилось, что программу придется видоизмѣнить во время состязанія подъ вліяніемъ рѣчи противника или матеріала, даннаго судебнымъ слѣдствіемъ; одни изъ вопросовъ, представлявшихся прежде существенными, могутъ совершенно отпасть или почти утратить свое значеніе, ихъ не будетъ надобности и затрогивать въ рѣчи, другіе, наоборотъ, изъ второстепенныхъ могутъ выдвинуться на первый планъ и миновать ихъ не будетъ выгоднымъ; но всѣ измѣненія, обусловливаемые потребностью минуты, легче произвести, когда ораторъ уже все обдумалъ, и ходъ рѣчи и всѣ ея подробности для него вполне ясны: онъ будетъ въ состояніи, не уничтожая приготовленнаго, лишь дополнить и укрѣпить его, опустивъ излишнее и прибавивъ оказавшееся нужнымъ.

Въ руководствѣ нельзя входить въ ближайшее опредѣленіе, какъ это дѣлалось въ старыхъ учебникахъ, того, что нужно включать въ программу, и какъ ее составлять въ различныхъ случаяхъ: матеріалъ, даваемый жизнью настолько разнообразенъ, что не допускаетъ возможности предвидѣть раньше комбинаціи, которыя могутъ понадобится на практикѣ. Допустимы только нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся содержанія программы, выведенныя эмпирически. Здѣсь не мѣшаетъ отмѣтить разницу въ положеніи прокурора и защитника. Прокуроръ говоритъ первый, поэтому измѣненіе

программы его рѣчи зависитъ только отъ судебного слѣдствія, защитникъ же болѣе стѣсненъ въ этомъ отношеніи: рѣчь прокурора въ извѣстной степени отражается и на его рѣчи, онъ долженъ считаться съ системой нападенія противника, сообразовать съ ней порядокъ своихъ возраженій. Однако, защитникъ, считаясь съ необходимостью возраженія, отнюдь не долженъ отказываться отъ составленной имъ самостоятельно программы рѣчи и возражать обвинителю по плану, принятому послѣднимъ, т. е., предположительно, всего менѣе выгоднымъ для защиты. Не даромъ еще Демосоевъ, отвѣчая на обвиненія Эсихина, прежде всего настаивалъ на томъ, чтобы ему было позволено идти въ защитѣ самостоятельно, не слѣдуя плану противника, какъ требовалъ послѣдній. Слѣдовать плану противника безъ риска можно, если его рѣчь и доказательства на столько слабы, что при всякой системѣ возраженія побѣда несомнѣнна. При такихъ обстоятельствахъ бываетъ не лишне подчеркнуть этотъ приемъ, чтобы выставить въ выгодномъ свѣтѣ свою силу и безпристрастіе. „Я замѣтилъ, судьи, говорить, напр. Цицеронъ въ рѣчи за Клуэнція, I, что вся рѣчь обвинителя раздѣлена на двѣ части.... я намѣренъ принять то же раздѣленіе въ защитѣ,—я послѣдую плану, указанному обвинителемъ, чтобы показать всѣмъ, что я не желаю ничего скрывать, ни о чемъ умалчивать“. Нужно замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ Цицеронъ по разнымъ личнымъ соображеніямъ особенно нуждался въ томъ, чтобы судьи повѣрили его искренности и правотѣ, отстаиваемаго имъ дѣла. Примѣры принятія плана противника можно найти и въ современныхъ процессахъ, напр. въ рѣчи по дѣлу Висновской Ө. Н. Плевако указалъ, что послѣдуетъ плану обвинителя, введя лишь въ рѣчь факты, о которыхъ умолчалъ послѣдній, и которые могутъ оправдать снисхожденіе къ подсудимому. (Рус. суд. ораторы, стр. 163).

Въ программѣ должны быть намѣчены какъ юридическія особенности дѣянія, соображенія, относящіяся къ вмѣняемости, умыслу и т. д., такъ и бытовые обстоятельства и условія, если они представляютъ характерныя черты собы-

тія. Напр.: „Въ такихъ дѣлахъ.... необходимо взглядѣться въ житейскую обстановку участвующихъ... лицъ.... Прежде чѣмъ приступить къ разбору уликъ, слѣдуетъ постараться вывести изъ оцѣнки этихъ (житейскихъ) отношеній возможность или невозможность совершенія.... дѣяній.... которыя подали поводъ къ возникновенію вопроса о преступленіи. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ прежде всего обращаюсь къ бытовой сторонѣ даннаго дѣла“ (А. О. Кони. Судебныя рѣчи, стр. 46). При невозможности оспаривать совершеніе преступленія, слѣдуетъ выяснитъ уже въ программѣ, если это не сдѣлано во вступленіи, что аргументація оратора будетъ сосредоточена на смягчающихъ или увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, на вопросѣ о снисхожденіи къ виновному. Когда противъ подсудимаго направлено нѣсколько обвиненій, одни изъ которыхъ не могутъ быть отвергнуты, другія представляются сомнительными, третьи совсѣмъ слабыми, защитнику слѣдуетъ указать, что онъ возражаетъ не противъ безспорныхъ, а сомнительныхъ и слабыхъ обвиненій, прокуроръ, въ свою очередь, долженъ выдѣлить наиболѣе сильныя обвиненія, чтобы не дать возможности противнику, опровергнувъ слабыя, перенести это опроверженіе на неотдѣленныя отъ нихъ, несомнѣнно доказанныя обвиненія. Напр. В. Д. Спасовичъ по дѣлу Пальма такъ формулировалъ свою программу: „Я вполнѣ признаю фактъ растраты чужихъ денегъ, но я полагаю, что можно опровергнуть другое обвиненіе—въ подлогѣ. Это будетъ составлять первую часть моей рѣчи. Затѣмъ, во второй, по вопросу о растратѣ, я, не касаясь юридической стороны дѣла, буду ходатайствовать только о снисхожденіи къ подсудимому и полагаю, что вы найдете весьма много причинъ, располагающихъ къ этому снисхожденію“ (Сочиненія, т. V. стр. 249).

ГЛАВА III.

Изложение.

Вступление и программа рѣчи готовятъ слушателя къ пониманію ея предмета, даютъ ему возможность сознательно слѣдить за ходомъ мысли и аргументаціи оратора. Слѣдующая часть, изложение, служащая для передачи самаго событія преступленія со всѣми связанными съ нимъ обстоятельствами, трактуетъ уже предметъ рѣчи по существу. Къ изложенію прежде всего относится пересказъ, хронологическій или систематическій, дѣйствій или фактовъ, образующихъ составъ событія преступленія. Этотъ пересказъ далеко не всегда необходимъ въ современномъ процессѣ: обвинительный актъ и судебное слѣдствіе въ подробностяхъ описываютъ судей съ событіемъ преступленія. Поэтому полезно вводить въ рѣчь описаніе самаго событія, если обстоятельства его допускаютъ двойственное толкованіе, если они невѣрно и неточно изложены или односторонне освѣщены въ обвинительномъ актѣ или рѣчи противника, и ораторъ чувствуетъ необходимость возстановить картину преступленія въ надлежащемъ свѣтѣ. Точно также возстановленіе картины преступленія нужно въ тѣхъ случаяхъ, когда ее приходится составлять изъ мелкихъ штриховъ, изъ многочисленныхъ неясныхъ и сомнительныхъ показаній, дополняя фактическіе пробѣлы косвенными соображеніями и выводами.

Къ изложенію же удобнѣе всего отнести характеристики лицъ, участвующихъ въ процессѣ, и изслѣдованіе побудительныхъ причинъ, мотивовъ преступленія; послѣдніе два отдѣла изложения представляются особо важными, безъ нихъ не обходится ни одна судебная обвинительная или защити-

тельная рѣчь. Нормальное мѣсто изложенія послѣ вступленія и программы до доказательствъ, но этотъ порядокъ весьма часто нарушается: практическія требованія заставляютъ оратора помѣщать изложеніе послѣ доказательствъ или между ними, или, наконецъ, разбивать его на части, вставляемые въ доказательства по мѣрѣ развитія послѣднихъ, или раздѣлять изложеніе между нѣсколькими самостоятельными отдѣлами рѣчи.

Характеристика участвующихъ въ процессѣ лицъ, подсудимаго, свидѣтелей, экспертовъ и др., имѣетъ въ настоящее время, при оцѣнкѣ доказательствъ по внутреннему убѣжденію судей и существованіи суда присяжныхъ, выдающее значеніе. Характеристика должна представить личность со всеми ея отличительными свойствами и особенностями не только на основаніи ея образа дѣйствій въ данномъ дѣлѣ, но и вообще по всемъ свѣдѣніямъ о прошлой жизни, имѣющимся въ распоряженіи суда. Образъ дѣйствій чловѣка зависитъ и объясняется его характеромъ, темпераментомъ, воспитаніемъ и житейскою обстановкой. Поэтому характеристика можетъ оказать значительную поддержку какъ обвиненію, такъ и защитѣ. Напр., если будетъ доказано, что обвиняемый въ корыстномъ убійствѣ былъ уже извѣстенъ за лицо, склонное къ насильственному похищенію собственности, сдѣлавшее себѣ промыселъ изъ имущественныхъ преступленій, то представитель обвиненія окажется въ выгодномъ положеніи: его доказательства и утвержденія встрѣтятъ больше довѣрія у судей, на недочетъ въ нихъ не будетъ обращено слишкомъ щепетильнаго вниманія. Наоборотъ, если въ томъ же преступленіи будетъ обвиняться чловѣкъ, извѣстный безупречнымъ образомъ жизни и отсутствіемъ корыстныхъ вожелѣній, болѣе благопріятнымъ будетъ положеніе защиты: она можетъ воспользоваться всякимъ небольшимъ пробѣломъ въ доказательствахъ, опираясь на невѣроятность совершенія подсудимымъ приписываемаго ему дѣянія, обусловливаемую именно его личными качествами. Для обвиненія во второмъ случаѣ потребуется болѣе усилій, чѣмъ въ первомъ. Личныя свойства подсудимаго не утрачи-

вають значенія и при доказанности совершенія имъ преступленія, и здѣсь еще защитѣ остается обширное поле дѣйствій для пользованія характеристикой, какъ основаніемъ для снисхожденія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и полного оправданія, именно, когда самое событіе преступления представляется не столько результатомъ испорченности виновнаго, его противообщественныхъ наклонностей, сколько послѣдствіемъ несчастно сложившихся обстоятельствъ, неопытности, минутнаго увлеченія, безумной вспышки страсти или гнѣва, извиняемыхъ исключительнымъ положеніемъ, въ которое былъ поставленъ виновный. Это оправданіе, конечно, представляется не допустимымъ съ формальной точки зрѣнія, требующей наказанія за преступленіе, совершенное вмѣняемымъ человѣкомъ, но оно вполне понятно съ общечеловѣческой точки зрѣнія, не признающей за наказаніемъ значенія самодовлѣющей величины, но лишь мѣру цѣлесообразности, примѣняемую для охраны общества къ опаснымъ для него лицамъ, необходимость которой исчезаетъ вмѣстѣ съ отсутствіемъ этой опасности.

Пользованіе фактами, обрисовывающими личность участвующаго въ процессѣ, выполненіе характеристики въ смыслѣ ея художественности и вѣрности даетъ широкій просторъ таланту и психологическому чутью оратора, его умѣнью разгадывать характеръ человѣка и передавать свои наблюденія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ нужнымъ выдвинуть какую либо одну сторону характера, на нее и обращается главное вниманіе, тогда характеристика ставится большею частью въ началѣ изложенія, и ею освѣщается каждое дѣйствіе подсудимаго, представляющее процессуальный интересъ. Напр. прис. пов. ^{Дозначивши} Одарченко въ процессѣ дѣтей Мельничкихъ такъ описалъ главную особенность личности своего кліента—его безхарактерность: „Молчаливый, скрытный по природѣ, лишенный всякой инициативы, слабый волею... мягкосердый и любящій Борисъ былъ какъ нельзя болѣе пригоденъ для той роли, которую ему назначилъ отецъ въ дѣлѣ задуманнаго преступленія.... Это, какъ говаривалъ еще Петръ Великій одинъ изъ тѣхъ, который будетъ вѣчнымъ

труженикомъ, а мастеромъ никогда не будетъ. Нужна... чужая энергія, чтобы вывести его изъ обычной спячки.... Онъ можетъ быть человѣкомъ добра и человѣкомъ зла, смотря по тому въ чьи руки попадетъ". (Рус. суд. ораторы, стр. 476). Затѣмъ ораторъ и доказываетъ въ изложеніи, что, совершая преступленіе, Борисъ Мельницкій былъ лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ своего отца, сумѣвшаго вполне завладѣть слабохарактернымъ юношей. Правдивость изображенія требуетъ, чтобы въ характеристикѣ ораторъ, пользуясь выгодными для него свойствами лица, не закрывалъ глазъ на дурныя стороны, но откровенно считался съ ними. Поэтому, если вообще то или другое лицо не даетъ матеріала для хорошей характеристики, нужной оратору, послѣдній не долженъ его идеализировать, выступая на путь рискованныхъ и мало вѣроятныхъ утверждений. Онъ можетъ признать существующее положеніе, т. е. что его клиентъ не представляется человѣкомъ высокой нравственности, безупречнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, но онъ долженъ въ то же время, не подчеркивая дурныхъ и несимпатичныхъ сторонъ его характера, просто признать ихъ существованіе и немедленно перейти, если позволяютъ обстоятельства, къ указанію хорошихъ наклонностей и поступковъ; при этомъ не лишнимъ бываетъ отмѣтить, что несимпатичныя свойства даннаго лица не имѣютъ отношенія къ дѣлу, нисколько не мѣняютъ и не колеблютъ положеній оратора, что дурной характеръ или образъ жизни еще не доказательство преступления. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ возможно смягчить обрисовку противника, сгладить значеніе указанныхъ имъ недостатковъ: жизнь не всегда согласуется съ требованіями строгой морали, на многое, заслуживающее порицанія, общество смотритъ снисходительно. Такъ, если противникъ будетъ утверждать, что данное лицо кутила и пьяница, то его можно назвать въ возраженіи „веселымъ малымъ“, указать на распространенность такъ называемыхъ „увлеченій молодости“ и т. п. Если на взглядъ противника характеръ даннаго лица представляется невыносимымъ, нетерпимымъ въ обществѣ по злостности и сварливости, можно

смягчить это опредѣленіе указаніемъ на нервность и болѣзненную раздражительность субъекта. Далѣе подобныхъ возраженій идти невыгодно, такъ какъ это значило бы опровергать противника безъ надежды на успѣхъ.

Вышенриведенныя правила не всегда соблюдаются, отъ чего врядъ ли выигрываетъ судебное краснорѣчіе. Напр. по дѣлу Иванова, человѣка крайне сомнительной репутаціи, обвинявшагося въ убійствѣ своей невѣсты, его защитникъ пытался опровергнуть характеристику обвинителя слѣдующими соображеніями: „Обвиненію, сказалъ онъ, повидимому, чрезвычайно нравится идея представить Иванова ни болѣе ни менѣе какъ узкимъ матеріалистомъ, плотоугодникомъ „человѣкомъ—звѣремъ“. Приводятся случаи, что онъ пьянствовалъ, картежничалъ, посѣщалъ публичныя заведенія и даже, въ сношеніяхъ своихъ съ женщинами, не брезгалъ пользоваться отъ нихъ деньгами. Этотъ послѣдній намекъ вызвалъ цѣлый взрывъ негодованія со стороны Иванова“. Нормально, дальше слѣдовало бы ожидать смягченія этой характеристики, основанной на несомнѣнныхъ фактахъ, указаній на воспитаніе, окружающую среду, особыя обстоятельства и т. п., словомъ соображеній, могущихъ вызвать сочувствіе къ подсудимому и объяснить образъ его жизни, его повышенную болѣзненную чувствительность. Ораторъ далеко перешелъ за эти предѣлы: отвергнувъ обвиненіе въ корыстолюбіи, онъ продолжалъ: „За деньгами гоняются и деньги добываютъ всякими путями тѣ любители наслажденій, которые умѣютъ всѣмъ наслаждаться безъ горечи и безъ раздумья. А Ивановъ не такой: его какой то червякъ гложетъ. Правда онъ человѣкъ безпутный, но пьянствовалъ онъ, чтобы заглушить грустныя мысли, игралъ въ карты, чтобы взволноваться рискомъ, а публичныя дома посѣщалъ... чтобы проповѣдывать идеалы добра падшимъ женщинамъ, которыхъ онъ называлъ своими сестрами“. (Андреевскій, Защитительныя рѣчи, стр. 325). Натянутость и слабость послѣднихъ доводовъ не требуетъ даже поясненій, и впечатлѣніе, производимое ими, трудно признать благопріятнымъ для защиты. Когда образъ жизни и дѣйствія лица даютъ матеріалъ для хорошей ха-

раактеристики, имъ, конечно пользуется та изъ сторонъ, въ интересахъ которой выставить это лицо въ самомъ симпатичномъ видѣ. Противнику, которому невыгодно согласиться съ такой характеристикой приходится дѣйствовать очень осторожно: ему нѣтъ надобности прямо идти противъ установленныхъ фактовъ, что только болѣе ухудшило бы его положеніе, такъ какъ его могли бы всегда обвинить въ желаніи очернить, оклеветать невиннаго человѣка и указать на отсутствіе въ немъ необходимаго для судебного оратора спокойствія и безпристрастія. Лучше въ такихъ обстоятельствахъ уступить противнику, не повторяя его восхваленій, и въ общихъ чертахъ признать за лицомъ несомнѣнно принадлежащія ему качества, затѣмъ уже перейти къ недостаткамъ, которые, какъ извѣстно, имѣются въ большемъ или меньшемъ числѣ у всякаго, даже самаго хорошаго человѣка, и тутъ уже направить характеристику въ нужную для оратора сторону. Такъ поступилъ А. О. Кони въ дѣлѣ Чихачева, гдѣ ему пришлось обвинять безусловно порядочнаго человѣка, но отличавшагося крайней несдержанностью и вспыльчивостью: „Подсудимый былъ земскій дѣятель, энергическій, трудолюбивый, пользовавшійся довѣріемъ и поэтому выбираемый на отвѣтственныя должности. Это былъ вообще человѣкъ, въ честности котораго никто не сомнѣвался.... Но одной честности и трудолюбія мало, чтобы внушить къ себѣ симпатію. И мы знаемъ, что подсудимый симпатіи къ себѣ не внушалъ.... Его не любили за его „злой языкъ“. Письма.... представляютъ многія подтвержденія этимъ сторонамъ его характера. Для него весь уѣздъ населенъ „идіотами“ или „сволочью“. (Судебныя рѣчи, стр. 236). Такимъ образомъ ораторъ вполне послѣдовательно и естественно перешелъ отъ признанія хорошихъ сторонъ къ нападенію.

Дѣло объ убійствѣ Чихачева представляетъ вообще поучительный примѣръ для составленія характеристикъ. Обвиненіе и защита были въ немъ почти въ одинаково трудномъ положеніи. Если прокуроръ долженъ былъ сохранять большую осторожность въ нападеніи на подсудимаго, то совершенно то же затрудненіе испытывалъ защитникъ по отно-

шенію къ убитому, котораго обвинитель имѣлъ право изобразить въ слѣдующихъ довольно благопріятныхъ чертахъ: „Это былъ человѣкъ слабый, безъ воли и энергіи, любитель красоты, поклонникъ искусства и женщинъ. Это былъ, судя по общимъ отзывамъ, человѣкъ безусловно добрый и мягкій, снисходительный и робкій, деликатный и далеко не храбрый. Это былъ, очевидно, одинъ изъ тѣхъ людей, которые по слабости воли умѣютъ всего желать и ничего не умѣютъ хотѣть. Можно ли допустить, что такой человѣкъ, не скрывая того, что онъ женатъ, сталъ обдуманно и разсчитанно оболъщать дѣвушку..... врываться въ ея спальню, чтобы восторжествовать дикимъ порывомъ физическаго насилія“? (Судебныя рѣчи стр. 329). Защитнику между тѣмъ необходимо было возражать противъ этой характеристики, которая могла по обстоятельствамъ дѣла дурно отразиться на интересахъ его кліентовъ. В. Д. Спасовичъ безукоризненно справился со своей задачей. Указавъ на затруднительность для него хулить мертваго и на возможность упрека подсудимымъ въ желаніи очернить убитаго ими человѣка, онъ продолжалъ: „но эта задача съ виду трудная упрощается тѣмъ, что Чихачева всѣ хвалятъ и что сами Н—ны (подсудимые) отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ, добромъ, но только безхарактерномъ..... Жизнь общественная Чихачева вполнѣ безупречна. Всегда сочувствующій всякимъ начинаніямъ, всегда щедрый Чихачевъ былъ весьма полезный дѣятель.... мягкій, податливый, идущій всегда по теченію и не заходящій никому поперекъ дороги. Что касается до его отношеній къ женскому полу, то я долженъ сказать, что онъ былъ то, что называется *любитель*.... хотя нельзя сказать чтобы счастливый“ . (Спасовичъ, В. Д. т. V, стр. 306). Въ этой характеристикѣ защитникъ дѣйствуетъ крайне осмотрительно: онъ уступаетъ обвиненію, повидимому, во всѣхъ пунктахъ, сохраняя за собой единственный—отношеніе Чихачева къ женщинамъ, гдѣ по его мнѣнію въ организаціи убитаго былъ „отшибленный уголъ“, что только и было нужно отстоять въ видахъ защиты.

Стремленіе выставить на первый планъ свойства лич-

ности, могущія содѣйствовать успѣху защиты или обвиненія, приводитъ къ необходимости не только преувеличивать, придавать не совсѣмъ соотвѣтственное значеніе симпатичнымъ чертамъ или поступкамъ лица, но и намѣренно давать имъ болѣе низкую оцѣнку. Иногда въ интересахъ обвиненія представить человѣка сильнымъ, опытнымъ, образованнымъ, щедро одареннымъ природою; эти качества при извѣстной комбинаціи обстоятельствъ, могутъ усугубить его виновность, а слѣдовательно и отвѣтственность, поэтому всегда нужно быть внимательнымъ къ похваламъ противника и помнить, что они едва ли дѣлаются безъ расчета, противъ нихъ приходится по временамъ возражать столь же старательно, какъ и противъ преувеличенныхъ порицаній. Нужно въ такихъ случаяхъ показать, что противникъ ошибся или увлекся и не понялъ человѣка, съ которымъ имѣлъ дѣло, что напр. образованіе его поверхностно, что умственные способности далеко не блестящи, что его характеръ совершенно не сложенъ, что онъ вовсе не способенъ къ активной дѣятельности и т. п. Благодаря этому исчезаетъ возможность признать лицо, о которомъ идетъ рѣчь могущимъ играть сколько нибудь выдающуюся роль, вызывается къ нему снисхожденіе и въ то же время отмѣчается неумѣлость или пристрастность противника. Внѣшній ущербъ, наносимый самолюбію отстаиваемаго лица, сторицей искупается охраной его самыхъ существенныхъ интересовъ. Типичный примѣръ такой характеристики мы находимъ въ рѣчи г. Плевако, защищавшаго Бартенева (убійство Висновской). „Бартеневъ, замѣтилъ защитникъ, какъ вы сами видите не изъ тѣхъ, которымъ суждены побѣды надъ представительницами прекраснаго пола. Маленькій, съ обыкновенной некрасивой внѣшностью, съ несмѣлыми манерами—что онъ ей? Другое дѣло она: красивая, блестящая артистка. Его къ ней повлечетъ, ее къ нему, едва ли..... Висновская, какъ опытный вождь, вербующій армію, записываетъ его въ ряды своей партіи и только поэтому открываетъ ему двери своего дома.... а онъ бываетъ все чаще и чаще.... робко теряется при ея взглядахъ, теряетъ и тотъ умъ, что ему данъ“. (Рус. суд. ораторы, стр.

169). Оцѣнивая приведенную характеристику, нужно принять во вниманіе, что прокуроръ придавалъ большое значеніе личности Бартенева, указывая на него, какъ на чело-вѣка, съ котораго можно много требовать, такъ какъ ему было „много дано происхожденіемъ и общественнымъ положеніемъ“, понятна поэтому необходимость со стороны защиты разрушить возможность признанія тѣхъ преимуществъ, на которыя ссылался обвинитель.

Неизбѣжное условіе характеристики—разсмотрѣніе лич-ныхъ качествъ чело-вѣка, его образа жизни, домашней обста-новки и общественной дѣятельности, вызываетъ вопросъ объ ея законныхъ предѣлахъ, т. е. о тѣхъ границахъ, въ ко-торыхъ дозвоительно въ цѣляхъ правосудія проникать въ частную жизнь чело-вѣка и выставлять передъ всѣми ея не-приглядныя или глубоко интимныя стороны. Могутъ встрѣ-титься случаи, когда для чело-вѣка обвинительный приговоръ можетъ быть легче, чѣмъ опозореніе или оскорбленіе его священнѣйшихъ чувствъ оглашеніемъ на судѣ тѣхъ или дру-гихъ обстоятельствъ его жизни. Практика въ этомъ отно-шеніи чрезвычайно различна: во французскихъ и англійскихъ судахъ сторонамъ предоставляется большая свобода въ рас-капываніи чужой души и секретныхъ уголковъ домашняго очага. Французскіе ораторы нерѣдко воспроизводятъ всю жизнь интересующаго ихъ чело-вѣка съ самаго младенчества, причемъ въ случаѣ надобности не жалѣютъ рѣзкихъ выра-женій и густыхъ красокъ. Очевидно, что такой приѣмъ не заслуживаетъ одобренія: обремененіе дѣла не идущими къ нему, хотя бы и пикантными подробностями, легко можетъ запутать присяжныхъ, заслонить для нихъ дѣйствительно существенное и важное въ дѣлѣ и натолкнуть на невѣрное рѣшеніе. Средства устранить эти недостатки не могутъ быть указаны теоретически подробнымъ развитіемъ опредѣленія обстоятельствъ, относящихся къ дѣлу; мнѣ кажется, что наиболѣе вѣрный путь здѣсь совмѣстная работа судей и сторонъ, установленіе нѣкоторыхъ обычныхъ нормъ допусти-мага и желательнаго, разумное отношеніе къ требованіямъ дѣйствительности, тактичность и вѣжливость къ участвующимъ

щимъ въ процессѣ, о которыхъ упоминалось уже въ первой главѣ. Въ настоящее время судебныя рѣчи русскихъ ораторовъ не всегда представляются удовлетворительными съ этой точки зрѣнія. Нужно замѣтить, что вообще приемы полемики въ Россіи далеки отъ идеала: въ ней сущность спора нерѣдко теряется за нападками на личность спорящаго, за дешевымъ остроуміемъ надъ отдѣльными словами и мыслями противника; выраженія употребляются очень рѣзкіе, намеки на отсутствіе умственныхъ способностей, невѣжество и проч. разсыпаются щедрой рукой безо всякой надобности. Эти приемы отражаются и на судебныхъ рѣчахъ, въ которыхъ замѣчается отчасти также нежелательное подражаніе французскимъ образцамъ, что вызываетъ основательный протестъ среди самихъ судебныхъ дѣятелей, напр. Н. І. Холева справедливо замѣчаетъ въ рѣчи по дѣлу Максименко, что „къ сожалѣнію, съ нѣкоторыхъ поръ въ наши судебныя нравы внѣдрилась пагубная и зловредная манера подъ видомъ изучения личности „характеристики подсудимыхъ“ такъ чернить обвиняемыхъ, что нерѣдко эти пресловутыя „характеристики“ оказываются нестерпимо обиднѣе и тяжелѣе самаго обвиненія. (Рус. суд. ораторы, стр. 255). Но сила дурного примѣра настолько заразительна, что ораторъ, высказавшій столь справедливыя мысли, самъ не удержался отъ соблазна и въ той же рѣчи по дѣлу Максименко такъ характеризовалъ одного свидѣтеля: „но главнымъ свидѣтелемъ диффаматоромъ является г. Левицкій,..... мелкій полицейскій чиновникъ, покинувшій свою службу вслѣдствіе какого то непріятнаго „недоразумѣнія“, безпробудный пьяница и весьма плохой семьянинъ“. Далѣе онъ называетъ его: „полицейскимъ чиновникомъ, вольнопрактикующимъ.... альфонсизмомъ“. (Рус. суд. ораторы стр. 258 и 259). Часть этихъ выраженій несомнѣнно могла бы быть устранена безъ всякаго ущерба для дѣла. Приведенный примѣръ показываетъ какъ важно обращать вниманіе на каждое рѣзкое выраженіе, съ которымъ обращаются къ противнику. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать отраднымъ симптомомъ, что и на практикѣ этотъ недостатокъ въ рѣчахъ обращаетъ на себя

должное вниманіе, что даетъ надежду на искорененіе его въ будущемъ изъ русскихъ судебныхъ правовъ.

Выясненіе *мотивовъ*, основаній, побуждающихъ человѣка совершить какое либо дѣйствіе или воздержаться отъ него, и *цѣли* необходимы для пониманія совершеннаго преступленія и опредѣленія виновности преступника. Въ обыкновенной жизни дѣятельность каждаго человѣка, какъ бы онъ ни былъ ограниченъ въ умственномъ или нравственномъ отношеніи, всегда направлена на достиженіе намѣченной цѣли; имъ руководитъ мелькающая передъ глазами перспектива добиться желаемого, удовлетворить важныя на его взглядъ потребности или чувствованія, каково бы ни было ихъ достоинство и допустимость съ посторонней точки зрѣнія. Преступленіе ничѣмъ не отличается въ этомъ смыслѣ отъ обычныхъ дѣйствій человѣка: совершеніе его является средствомъ для достиженія цѣли, выбираемымъ подъ давленіемъ мотивовъ. Такъ какъ, согласно со сказаннымъ, совершеніе человѣческихъ дѣйствій можетъ быть всегда выведено изъ какаго либо первоначальнаго желанія и побужденія, то совершеніе дѣйствія, не оправдываемаго никакими соображеніями, безцѣльнаго и безмотивнаго, заставляетъ предполагать, что человѣкъ уклонился отъ общепринятыхъ правилъ поведенія, заставляетъ сомнѣваться въ его нормальности и подозрѣвать болѣзненное состояніе.

Преступленіе само по себѣ уже есть исключительное средство осуществленія цѣли, къ которому прибѣгаютъ немногіе, и которое противорѣчитъ чувствамъ и привычкамъ огромнаго большинства. Понятно поэтому, что если безцѣльное и безмотивное дѣйствіе вообще вызываетъ сомнѣніе въ намѣренности и сознательности его совершенія, то тѣмъ болѣе должно вызвать сомнѣній безцѣльное и безмотивное совершеніе исключительнаго дѣянія—преступленія: здѣсь могутъ еще съ большимъ основаніемъ явиться предположенія въ пользу ненормальнаго состоянія совершителя или его невиновности. Отсюда слѣдуетъ необходимость всегда точно устанавливать мотивы и цѣль преступленія. Нельзя упускать изъ виду также, что при выясненіи мотивовъ и цѣли пре-

ступленія предъявляются болѣе строгія требованія, чѣмъ для обоснованія какого нибудь дѣйствія человѣка, не выходящаго изъ круга повседневной жизни. Въ послѣднемъ случаѣ можно удовольствоваться приблизительно вѣроятнымъ объясненіемъ, для преступленія же должны быть точно опредѣлены исключительныя побужденія, заставившія человѣка выбрать противообщественный и необычный путь ихъ удовлетворенія. Изученіе мотивовъ и цѣли преступленія тѣснѣйшимъ образомъ связано съ характеристикой. Существованіе извѣстнаго побужденія, напр. корысти, мести, можно предположить только въ человѣкѣ, обладающемъ даннымъ качествомъ, т. е. въ соотвѣтствіи съ приведеннымъ примѣромъ, въ человѣкѣ корыстолюбивомъ, злобомъ. Трудно было бы обвинять лицо, дѣйствительно проникнутое принципомъ нелюбостыжанія или христіанскаго всепрощенія въ похищеніи съ цѣлью обогащенія или убійствѣ изъ мести! Не лишнее также доказать и преобладающее или наоборотъ ничтожное значеніе разсматриваемой черты въ характерѣ человѣка. Средства для осуществленія цѣли безконечно разнообразны, напр. цѣль — приобрести богатство можетъ быть достигнута и упорнымъ трудомъ, и игрой въ карты и выигрышемъ въ лотерею и т. п. Каждый, стремящійся къ цѣли обогащенія, выбираетъ средство, подчиняясь наиболѣе сильно дѣйствующимъ на него мотивамъ, а выясненіе, какіе мотивы могутъ имѣть самое сильное вліяніе на данное лицо, зависитъ отъ знанія его наклонностей и привычекъ, даваемого характеристикой.

Мотивы совершенія преступленія важны, смотря по ихъ свойству, для обвиненія или защиты, какъ средство усилить или уменьшить виновность преступника или поддержать и опровергнуть вообще какое либо показаніе участвующаго въ процессѣ. Сравнительно благородный, извинительный мотивъ: страсть, вспышка гнѣва, оправдываемыя въ извѣстной мѣрѣ обстоятельствами, даютъ благодарный матеріалъ защитнику, наоборотъ — корысть, низкая злоба, зависть усиливаютъ обвиненіе. И уголовное законодательство во многихъ случаяхъ измѣняетъ отвѣтственность сообразно съ мотивомъ, напр. въ нашемъ уложеніи смягчается наказаніе за похи-

щеніе имущества изъ нужды „по крайности и неимѣнію средствъ къ пропитанію“ (ст. 1663) и т. д. Всегда важно поэтому указать на мотивы дѣятельности виновнаго или его противниковъ, напр. гражданскаго истца, положеніе котораго часто является скользкимъ, дозволяющимъ сомнѣваться въ чистотѣ его мотивовъ, въ этомъ отношеніи не требуется даже достовѣрности, достаточно допустимости невыгоднаго для чести лица мотива. Противникъ можетъ, не нападая прямо, выразить свое обоснованное сомнѣніе по этому поводу и поколебать довѣріе судей къ одному изъ представителей обвиненія. Къ этому приему прибѣгнулъ, напр. Н. П. Карабчевскій, въ дѣлѣ Имшинецкаго, сказавъ о гражданскомъ истцѣ, отцѣ покойной жены подсудимаго, слѣдующее: „Изъ уваженія къ слову „человѣкъ“, къ звуку „отецъ“ я хочу вѣрить, что мотивы, руководившіе имъ были не исключительно корыстнаго свойства (желаніе заставить Имшинецкаго отказаться отъ завѣщаннаго ему покойной имущества), я готовъ допустить, что онъ желаетъ лишь отомстить смерть безвременно погибшей дочери“.... (Рус. суд. ораторы, стр. 96), и послѣ этого сомнительнаго допущенія ораторъ доканчиваетъ дискредитированіе личности истца указаніемъ на средства, употребленныя имъ для поддержанія иска.

Изложеніе обстоятельствъ дѣла составляетъ трудную и требующую большаго вниманія работу. Излагать необходимо такъ, чтобы всѣ моменты событія прошли передъ судьями, именно, какъ, по мнѣнію оратора, они совершались въ дѣйствительности: всѣ детали должны быть поставлены на надлежащее мѣсто, второстепенное не должно заслонять существеннаго, вниманіе оратора должно раздѣляться между отдѣльными фактами пропорціально ихъ значенію для дѣла. При этомъ пересказъ долженъ быть вполне простъ и ясенъ, чтобы его могли безъ труда усвоить, и въ столь объективной формѣ, чтобы казалось, что ораторъ лишь передаетъ обстоятельства, рассказываетъ, какъ лѣтописецъ, происшедшее. Это не можетъ мѣшать оратору составить изложеніе въ выгодномъ для себя освѣщеніи, незамѣтно искуснымъ расположеніемъ и сопоставленіемъ матеріала привести судей

къ желательному для него выводу, но только подобныя намѣренія не должны быть видны слушателямъ, иначе они могутъ ослабить довѣріе къ вѣрности излагаемаго, и старанія оратора пропадутъ даромъ.

Изложеніе должно быть интереснымъ и содержательнымъ пересказомъ, характеръ котораго можетъ быть чрезвычайно измѣнчивымъ, смотря по ходу дѣла. Въ немъ могутъ передаваться какъ самыя обычныя факты, такъ и въ высшей степени патетическія картины, сообразно съ этимъ и произнесеніе можетъ нуждаться въ самыхъ различныхъ тонахъ, отъ болѣе спокойнаго до самаго патетическаго. Здѣсь нѣтъ надобности быть сдержаннымъ въ такой мѣрѣ какъ во вступленіи: въ изложеніи предметъ трактуется уже по существу, и нужно пользоваться всякимъ случаемъ воздѣйствовать на судей. Если упустить предвѣдѣнную возможность къ этому, то пробѣль уже трудно поправить послѣ, напр. въ заключеніи: одно напоминаніе о какомъ либо фактѣ способномъ взволновать человѣка не достигнетъ результата, если онъ не достигнетъ самимъ изложеніемъ этого обстоятельства. Изложеніе можетъ начаться не только съ обстоятельствъ, непосредственно примыкающихъ къ событію, но со всякаго факта, хотя бы и далекаго отъ него по времени, но имѣющаго съ нимъ достаточно крѣпкую связь. Если начальный моментъ слишкомъ отдаленъ отъ событія, то не лишнее указать сразу на его значеніе для дѣла и такимъ образомъ объяснить слушателямъ кажущееся отступленіе отъ предмета. Окончаніе изложенія можетъ и не совпадать съ завершеніемъ дѣйствій, образующихъ составъ преступленія, но охватить собою и послѣдующія обстоятельства, если они интересны или характеристичны для дѣла. Порядокъ изложенія обусловливается лишь практическими требованіями ясности, простоты и удобства. Если событіе несложно и легко установить его моменты при послѣдовательномъ пересказѣ, то можно излагать въ хронологическомъ порядкѣ, т. е. принять за исходный пунктъ изложенія время, въ которое произошло разсматриваемое обстоятельство. Если же передача обстоятельствъ дѣла въ постепенности ихъ совер-

шенія не можетъ привести къ удовлетворительному результату, слѣдуетъ дать систематическое изложеніе, обращая вниманіе, главнымъ образомъ, на взаимную связь событій между собой, ихъ соотношеніе, и пересказывать ихъ, не стѣсняясь временемъ совершенія. Ортловъ рекомендуетъ еще излагать по возможности отдѣльно обстоятельства самаго событія преступленія и лично касающіяся виновника—это правило можетъ быть признано полезнымъ относительно преступленій не со сложнымъ составомъ, который легко запомнить судьямъ, въ противномъ случаѣ можетъ оказаться неяснымъ отношеніе виновнаго къ обстоятельствамъ дѣла, и оратору для поддержки своего мнѣнія придется прибѣгать къ напраснымъ повтореніямъ. Болѣе всего затруднительно изложеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда суду приходится сразу разсматривать нѣсколько преступленій, совершенныхъ сообща нѣсколькими лицами въ разное время. Здѣсь возможно изложить сначала послѣдовательно исторію каждаго преступленія, доказать совершеніе или несовершеніе его, затѣмъ уже описать дѣйствія каждаго участвующаго отдѣльно, ссылаясь въ нужныхъ мѣстахъ на прежде сказанное; или вполне разбить изложеніе на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣловъ, изложить особенно каждое преступленіе и роль участниковъ, а потомъ лишь вкратцѣ суммировать мнѣніе о дѣятельности каждаго изъ нихъ. Первый способъ даетъ обыкновенно болѣе рельефное представленіе о виновности каждаго лица. Къ послѣдовательному хронологическому изложенію событія преступленія прибѣгаютъ по большей части, когда виновный сразу обвиняется въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, совершенныхъ одновременно.

Материаломъ для изложенія должно служить судебное слѣдствіе; поэтому оратору необходимо во время позаботиться, чтобы на разсмотрѣніи суда были всѣ тѣ обстоятельства, которыми онъ намѣренъ воспользоваться, въ противномъ случаѣ онъ самъ лишитъ себя необходимаго оружія. Пользованіе исключительно слѣдственнымъ матеріаломъ не требуетъ, чтобы въ изложеніи давался только перечень установленныхъ на судѣ фактовъ, приведенныхъ лишь въ

порядокъ и объясняемыхъ ораторомъ: въ изложеніи вполнѣ допускаются, такъ называемыя, отступленія, т. е. перерывъ разсужденіями оратора, его мнѣніями или выраженіями чувства, обращеніями къ суду или къ участвующимъ лицамъ, какъ и въ другихъ частяхъ рѣчи.

Равнымъ образомъ, въ изложеніе по мѣрѣ надобности могутъ включаться доказательства того или другаго факта; вообще, какъ было замѣчено въ началѣ главы, оно можетъ быть тѣсно связано съ доказательствами. Древніе риторы считали возможнымъ особенно въ изложеніи прибѣгать къ невѣрной передачѣ обстоятельствъ, въ настоящее время подобный способъ не обезпечиваетъ успѣха и не можетъ быть одобренъ теоретически, какъ унижающій достоинство судебного оратора, и представляется опаснымъ для пользующагося имъ съ практической точки зрѣнія: въ древности рѣчь произносилась до разбора доказательствъ, слѣдовательно судьи могли повѣрить утвержденію оратора, теперь же обвинительный актъ и судебное слѣдствіе настолько выясняютъ происшедшее, что искаженіе фактическихъ данныхъ всегда вызоветъ замѣчаніе суда или противника, что, конечно, подорветъ вѣру въ правдивость оратора, а слѣдовательно и успѣхъ его рѣчи. Обстоятельства дѣла должны излагаться безусловно согласно съ дѣйствительностью; отъ оратора зависитъ ихъ распредѣленіе, выводъ и предположенія, но и въ нихъ, конечно, требуется полное согласіе съ законами логики и ходомъ дѣла, почему совѣтуютъ въ сомнительныхъ случаяхъ прибѣгать къ оговоркамъ, спасающимъ объективность оратора, напр. „насколько можно повѣрить этому показанію“ и т. п. Но быть правдивымъ въ изложеніи не значитъ, однако, перечислять всѣ извѣстныя обстоятельства: ораторъ имѣетъ право выбора, можетъ останавливаться лишь на тѣхъ, которые представляются для него существенными и полезными. Этимъ и объясняется различіе въ изложеніи одного и того же дѣла подъ угломъ зрѣнія обвиненія и защиты, что нисколько не препятствуетъ и тому и другому быть совершенно согласными съ принятыми судомъ фактическими данными. Если картина самаго преступленія, спо-

собъ его совершенія, напр. особенная жестокость, безсердечіе преступника, истязаніе жертвы—выгодна для обвиненія, на ней подробно остановится прокуроръ и ее пройдетъ по возможности коротко защита, и наоборотъ.

Какъ образецъ я разберу изложеніе изъ рѣчи С. А. Андреевскаго по дѣлу Зайцева, которое, какъ я уже говорилъ, представляло крайне неблагоприятный матеріалъ для защиты. Сущность его въ слѣдующемъ: Зайцевъ, 17 лѣтній ремесленникъ, жившій у хорошаго хозяина и отличавшійся раньше удовлетворительнымъ поведеніемъ, сбился съ пути, сталъ пьянствовать, отлучаться, за что и былъ въ концѣ концовъ выгнанъ хозяиномъ. Послѣ этого Зайцевъ, получилъ около 40 руб. хозяйскихъ денегъ съ покупателей и на нихъ, не прекращая своего прежняго образа жизни, сдѣлалъ попытку устроиться: сталъ торговать рамками. Но торговля давала ничтожныя барыши, а Зайцеву хотѣлось „пожить всласть“, и вотъ у него явилась мысль объ убійствѣ. Случай натолкнулъ его на мѣняльную лавку, онъ запасся топоромъ, и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, убилъ приказчика самымъ жестокимъ образомъ, нанеся ему до 17 ранъ топоромъ, и похитилъ 1500 руб. денегъ. Придя послѣ этого домой, онъ переодѣлся, пошелъ въ публичный домъ и трактиръ, гдѣ былъ и задержанъ полиціей. Прокуроръ, очевидно, воспользовался богатымъ матеріаломъ, обратилъ вниманіе на образъ жизни Зайцева, на полученіе имъ хозяйскихъ 40 руб., и остановился на картинѣ преступленія, которая должна была сильно повліять на присяжныхъ. Защитникъ, не имѣвшій возможности привести въ пользу кліента какихъ либо доказательствъ, долженъ былъ сосредоточить свои силы на изложеніи, чтобы хотя смягчить краски картины, нарисованной прокуроромъ, пользуясь тѣмъ же самымъ фактическимъ матеріаломъ, но придавая ему нѣсколько иное объясненіе. Первый опасный пунктъ, образъ жизни Зайцева на мѣстѣ, ораторъ обошелъ, упомянувъ о немъ вскользь и, сославшись мимоходомъ на „сѣрую, полусиротскую жизнь“, затѣмъ подробнѣе остановился на полученіи 40 руб., указавъ, что Зайцевъ былъ въ это время въ

безвыходномъ положеніи и попутно объяснилъ самый способъ израсходованія значительной части ихъ тѣмъ, что „когда 40 руб. составляютъ все, что мы имѣемъ..... тогда мы ими не дорожимъ“. Зайцеву хотѣлось денегъ, онъ рѣшился на преступленіе—это объясняется его прошлымъ, дѣтствомъ, воспитаніемъ и т. д. Онъ хотѣлъ завладѣть деньгами, сознавая, что для этого нужно удалить сидѣльца (не убить), сознавая, что это будетъ страшно тяжело, но надѣялся, что этимъ купить счастье всей жизни. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей онъ приобрѣлъ топоръ, и, когда насталъ удобный случай, вошелъ въ лавку и сдѣлался убійцей. Здѣсь былъ одинъ изъ самыхъ опасныхъ подводныхъ камней для защиты: вышеупомянутая обстановка убійства. Прокуроръ остановился, конечно, на положеніи жертвы, защита, напротивъ, обходитъ его, стараясь умалить значеніе этой картины: „намъ пересчитываютъ раны, измѣряютъ ихъ дюймами, слѣдятъ за поворотомъ топора, какъ будто все это принималось въ расчетъ, какъ будто все это имѣетъ какое либо значеніе..... Зайцевъ теперь навѣрное не можетъ себѣ составить никакого представленія ни о времени, употребленномъ на преступленіе, ни о количествѣ ударовъ“. Сглаживая такимъ образомъ картину страданій жертвы, защитникъ выдвигаетъ жалкое состояніе виновнаго: „какъ трепетало, говоритъ онъ, въ эти невыносимыя минуты его сердце, какъ рябило въ его глазахъ, какъ холодѣла его спина, объ этомъ никто не знаетъ“. (Андреевскій, Защитительныя рѣчи, стр. 7—12). Защитнику удалось отвергнуть обвиненіе въ предумышленности и добиться снисхожденія, оправданнаго молодостью и грустнымъ положеніемъ преступника.

Большая опытность и умѣнье нужны для изложенія особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится не только описывать происшедшее, распланировывая детали, оцѣнивая ихъ по достоинству, но и дополнять недостаточныя свѣдѣнія или невѣрныя, неточныя показанія путемъ умозаключеній, восстановленіемъ связи между отрывочными, разрозненными фактами, такъ чтобы получилось удовлетворительное воспроизведеніе событія. Для этого нужно прежде, тщательно

изучивъ матеріаль, представить себѣ нѣсколько возможныхъ картинъ совершенія преступленія; выбрать самую вѣроятную изъ нихъ и, принятую такимъ образомъ, гипотезу постараться подкрѣпить всѣми доказательствами, имѣющимися въ распоряженіи оратора. Если вполне допустима альтернативная постановка вопроса, т. е. напр. на первый взглядъ съ одинаковой вѣроятностью возможно отстаивать въ данномъ случаѣ убійство и самоубійство, то ораторъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы доставить перевѣсъ своей верси, оттѣнить всѣ слабыя стороны противоположной, и показать, что его объясненіе подкрѣпляется данными судебного слѣдствія, вполне согласно съ обычнымъ теченіемъ человѣческихъ дѣйствій и жизни, между тѣмъ какъ для принятія мнѣнія противника необходимы нѣкоторыя натяжки въ оцѣнкѣ доказательствъ, въ выводахъ изъ слѣдственного матеріала. Въ изложеніяхъ подобнаго рода необходима мелкая кропотливая работа, прекрасный примѣръ которой представляетъ защитительная рѣчь В. Д. Спасовича по дѣлу Дементьева, нижняго чина, обвиняемаго въ оскорбленіи дѣйствіемъ офицера, очень серьезномъ преступленіи съ военной точки зрѣнія; рассматривалось оно военнымъ судомъ, что ставило защиту въ очень тѣсныя рамки, особенно въ виду того, что оскорбленный офицеръ, по жалобѣ котораго возникло дѣло, не явился въ судъ, руководствовавшійся его письменнымъ показаніемъ, почему послѣднее нельзя было поколебать допросомъ потерпѣвшаго.

Показаніе офицера изображало происшествіе въ такомъ видѣ, что Дементьевъ оказывался кругомъ виноватымъ: онъ не исполнилъ приказанія офицера, осмѣлился дерзко отвѣтить ему, наконецъ, когда раздраженный офицеръ ударилъ его шпагой, онъ сорвалъ съ него погоны. Защитникъ и установилъ прежде всего основной тезисъ, что если офицерское показаніе вѣрно, то защищать Дементьева не возможно, а затѣмъ доказаль, что оно невѣрно, возстановивъ въ изложеніи обстоятельства событія такъ, какъ они въ дѣйствительности происходили, а не такъ, какъ ихъ описывалъ потерпѣвшій, и выигралъ дѣло. Не останавливаясь на

подробномъ разборѣ содержанія рѣчи, я прослѣжу только опроверженіе главнаго обвинительнаго пункта—сорванія погонь: самъ офицеръ показалъ, что погоны были сорваны послѣ удара Дементьева шпагой по глазу: защитникъ и замѣтилъ, что этотъ ударъ долженъ былъ оглушить Дементьева, онъ долженъ былъ думать и думалъ о спасеніи отъ дальнѣйшихъ ударовъ, а не объ отплатѣ; затѣмъ, самъ Дементьевъ представилъ найденный погонъ по начальству, слѣдовательно невѣроятно, чтобы это было сдѣлано имъ, правильнѣе предположеніе, что погоны были сорваны въ пылу борьбы самимъ потерпѣвшимъ, который, „кажется.... уроженецъ юга, гдѣ люди раздражаются скорѣе..... очень можетъ быть, что такой человѣкъ, придя въ ярость, теряетъ сознаніе, готовъ самъ себя бить, способенъ самъ себя ранить. Онъ могъ сорвать одинъ погонъ, когда сбрасывалъ шинель, другой послѣ и забыть объ этомъ“. Въ подтвержденіи этой мысли защитникъ приводитъ то соображеніе, что о сорваніи погонъ было заявлено не тотчасъ, а впоследствии въ участкѣ, гдѣ замѣченная потеря погонъ могла навести на мысль о возможности приписать ее солдату. Забывчивость офицера подкрѣпляется тѣмъ, что вообще онъ въ „своемъ показаніи отрицаетъ такіе факты, которые были совершены при многочисленной публикѣ“. (Спасовичъ, сочиненія, т. V стр. 289—284).

Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что если противникомъ изображено невѣрно не все событіе преступленія, а только какая либо его часть, то достаточно, не повторяя вѣрно переданныхъ фактовъ, исправить его неточность, указать ошибку и безъ ущерба для дѣла избѣжать напраснаго обремененія рѣчи, повтореніемъ уже сказаннаго противникомъ. Весьма удачно воспользовался этимъ средствомъ В. Д. Спасовичъ въ рѣчи по дѣлу Чихачева, указавъ, что въ изложеніи обвинитель ошибся въ опредѣленіи момента, когда былъ пущенъ въ ходъ подсудимымъ ножъ, а этой одной поправкой въ сущности сильно колебалось обвиненіе въ умысленномъ убійствѣ Чихачева, оно и было отвергнуто присяжными. (Сравн. А. Θ. Кони, Судебныя рѣчи, стр. 143 и слѣд. и В. Д. Спасовичъ, Сочиненія т. V, стр. 325).

ГЛАВА IV.

Доказательства.

Общія соображенія.

Цѣль рѣчи вызвать у судей опредѣленное убѣжденіе, дать имъ основанія для произнесенія приговора, ярче всего сказывается въ ея четвертой части—доказательствахъ, на которыхъ преимущественно и сосредоточивается борьба сторонъ, употребляющихъ всѣ усилія, чтобы отстоять свои и поколебать чужія доказательства. Доказательствами въ процессуальномъ смыслѣ называются всѣ данныя, могущія послужить для выясненія какихъ либо обстоятельствъ, касающихся дѣла, разсмотрѣнныя судомъ съ соблюденіемъ указанныхъ въ законѣ условій. Хорошо поставленная аргументація является лучшимъ залогомъ успѣха рѣчи, и умѣнье пользоваться доказательствами и оцѣнивать ихъ—необходимое качество судебного оратора, зависящее какъ отъ природныхъ способностей, такъ и приобретаемое опытомъ и изученіемъ. Послѣднее очень важно, потому что умѣние находить доказательства не обуславливается всегда лишь знаніемъ матеріала, относящагося къ дѣлу или вообще знаніями оратора: „Есть люди, вѣрно замѣчаетъ Ватели, не упражнявшіеся въ письменномъ или устномъ анализѣ своихъ мыслей, но одаренные, однако, врожденнымъ остроуміемъ и проницательностью, владѣющіе значительными познаніями..... которые не въ состояніи найти доводы въ пользу своихъ сужденій даже въ извѣстной для нихъ области“. (Whatelys Grundlagen der Rhetorik, стр. 39).

Ближайшій вопросъ, который должно разрѣшить въ

настоящемъ руководствѣ—это отношеніе ораторскаго искусства къ доказательствамъ, тѣ задачи, которымъ оно можетъ и должно служить въ данномъ случаѣ. Древніе риторы стремились научить, какъ находить лучшія доказательства для разсматриваемаго дѣла, старались восполнить недостатокъ способностей оратора, сдѣлать его сильнымъ въ аргументаціи, независимо отъ нихъ. Такое стремленіе повело къ составленію массы мелочныхъ правилъ, не представляющихъ никакого практическаго значенія, потому что никогда нельзя было охватить ими всѣхъ комбинацій, могущихъ встрѣтиться въ дѣйствительной жизни. Ораторское искусство тѣмъ не менѣе въ состояніи оказать существенныя услуги оратору, не переходя за предѣлы возможнаго: оно можетъ дать правила пользованія и оцѣнки доказательствъ, чаще всего примѣняемыя на практикѣ, перечислить обычныя въ ней способы нападенія и защиты, дать указанія, какъ выгоднѣе распредѣлить доказательства, которыми располагаетъ ораторъ. Положенія ораторскаго искусства относительно аргументаціи являются такимъ образомъ ни чѣмъ инымъ, какъ рядомъ практическихъ совѣтовъ, обоснованныхъ на изученіи судебныхъ рѣчей и вообще приемовъ судебного состязанія.

Въ теоріи уголовного процесса доказательства дѣлятся на различныя, болѣе или менѣе многочисленныя категоріи: 1) на непосредственныя, при которыхъ судья самъ убѣждается въ данномъ фактѣ, напр. осмотромъ орудія преступленія и посредственныя, когда судья получаетъ свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, напр. объ орудіи преступленія передаетъ свидѣтель, 2) на прямыя, дающія возможность сразу составить понятіе о совершившемся, напр. показаніе очевидца преступленія, и косвенныя, выясняющія доказываемое положеніе сопоставленіемъ не имѣющихъ съ нимъ непосредственной связи фактовъ. Кромѣ того существуетъ дѣленіе доказательствъ, на естественныя, искусственныя, обвинительныя, оправдательныя и т. п. Всѣ эти дѣленія были существенными при системѣ формальныхъ доказательствъ, въ настоящее же время, когда внутреннее убѣжденіе судей является единственнымъ критеріемъ пригодности доказательствъ,

они совершенно утратили значеніе. Теперь нельзя опредѣлить лучшихъ или худшихъ доказательствъ для дѣла а priori, а можно только сказать, что во всякомъ дѣлѣ нужно стараться доставать лучшія, т. е. самыя убѣдительныя доказательства, къ какой бы теоретической категоріи они ни относились. Законъ сохраняетъ немногочисленныя, впрочемъ, ограниченія этого правила: такъ, въ преступленіяхъ диффамациі судъ обязанъ обосновать свой приговоръ на письменныхъ доказательствахъ; званіе, происхожденіе и прежняя судимость обвиняемаго должны опредѣляться на основаніи официальныхъ документовъ, точно также какъ и возрастъ, послѣдній, въ случаѣ отсутствія документовъ, можетъ быть выясненъ врачомъ, хотя по толкованію сенатской практики медицинское освидѣтельство не можетъ быть поставлено на ряду съ документальной справкой.

Нѣкоторые писатели пытались дать практически пригодное дѣленіе доказательствъ (Ватели): различали доказательства, могущія поддержать убѣжденіе въ существованіи предполагаемаго факта, напр. наличность мотива у убійцы и на доказательства, лишь наводящія на мысль о возможной связи между доказательствомъ и фактомъ: напр., слѣды крови на платьѣ обвиняемаго, и совѣтывали выдвигать впередъ всегда первыя доказательства, какъ болѣе удовлетворяющія судей, приближающія ихъ къ непосредственной связи между дѣяніемъ и дѣятелемъ. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, такъ какъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ самыя убѣдительныя могутъ быть доказательства втораго рода, напр. улыки, и, наоборотъ, мотивъ не представитъ ничего характеристичнаго, а вмѣстѣ съ этимъ, конечно, неминуемо измѣнится и порядокъ распредѣленія доказательствъ. Въ общемъ выводѣ, слѣдовательно, можно повторить, что раздѣленіе доказательствъ на категоріи для судебного краснорѣчія никакихъ существенныхъ указаній и правилъ дать не можетъ.

Идеальная цѣль, которой стремятся достигнуть доказательства—выясненіе матеріальной, объективной истины въ процессѣ, т. е. полного соотвѣтствія судебного приговора

съ явленіями, происходившими въ дѣйствительности, но открытіе объективной истины можетъ быть признано, именно, идеаломъ, трудно достижимымъ при человѣческихъ несовершенствахъ. Настаивать на его осуществленіи, предъявлять къ судебному изслѣдованію тѣ же требованія, какъ къ научному, было бы равносильно прекращенію судебной дѣятельности, поэтому для рѣшенія дѣла и произнесенія приговора и приходится довольствоваться достиженіемъ субъективной истины, т. е. допущеніемъ что обстоятельства, которыя представляются судьямъ несомнѣнными, существовали въ такой формѣ въ дѣйствительности. Эта субъективная истина въ процессѣ называется процессуальной достовѣрностью, наличность ея необходима для постановленія обвинительнаго приговора. Процессуальная достовѣрность, какъ опредѣляетъ Цахаріаэ получается тогда, когда событіе по законамъ человѣческаго мышленія не можетъ быть представлено въ другой формѣ, такъ какъ признаніе противоположнаго было бы абсурдомъ съ точки зрѣнія логики, слѣдовательно ее можно опредѣлить, какъ высокую степень вѣроятности, исключаящую разумное сомнѣніе. Къ этому результату и направляется судебное состязаніе. „Что есть для насъ смертныхъ, умъ которыхъ ограниченъ и познанія предѣльны, истина, какъ не наивысшая степень достовѣрности? Третьяго дня, какъ и вчера, какъ и тысячу лѣтъ назадъ, послѣ ночи настало утро и взошло солнце и будетъ день... Для насъ этотъ завтрашній день безспорная, непрекаемая истина; для ученаго же лишь наивысшая степень достовѣрности—это 0,999... почти единица, но все еще дробь“. (Рус. суд. ораторы. Рѣчь В. Д. Шидловскаго по дѣлу Максименко, стр. 225). Приведенное опредѣленіе, взятое изъ обвинительной рѣчи, указываетъ на то, что и въ повседневной судебной практикѣ бываетъ необходимо касаться общихъ вопросовъ о достовѣрности и о критеріяхъ истины, которыми располагаетъ человѣчество.

Ниже процессуальной достовѣрности стоитъ простая вѣроятность, при которой возможно логически представить картину событій и въ нѣсколько измѣненной формѣ сравни-

тельно съ той, которую принимаетъ судья или стороны. Вѣроятность также играетъ не маловажную роль въ доказательствахъ, какъ переходная ступень къ достовѣрности.

Органы, благодаря дѣятельности которыхъ устанавливается процессуальная достовѣрность, суть стороны и судъ. Стороны въ виду собственныхъ интересовъ должны употребить всѣ усилія, чтобы доставить торжество своему убѣжденію, обставить свои утвержденія такими доказательствами, которыя побудили бы судей согласиться съ ними. Конечно, каждая сторона, обвинитель и защитникъ, нерѣдко держатся относительно разбираемаго дѣла рѣзко противоположныхъ мнѣній и могутъ, по легко понятнымъ причинамъ, придать своей рѣчи односторонній характеръ, такъ какъ къ служенію идеѣ правосудія для стороны присоединяются и личныя соображенія, желаніе поддержать свое мнѣніе. Кромѣ того разнообразный и спорный матеріаль, на которомъ строятся выводы, даетъ возможность выдвинуть одно, оставить въ тѣни другое, и придать благодаря умѣнью и диалектической ловкости, большую вѣроятность своимъ утвержденіямъ, чѣмъ они того заслуживаютъ. Въ цитированной уже рѣчи по дѣлу Чихачева В. Д. Спасовичъ отмѣтилъ эту особенность процессуальной достовѣрности съ точки зрѣнія сторонъ, указавъ, что сторонѣ слѣдуетъ: „говорить правду и одну только правду, но конечно не всю правду, конечно обходя нѣкоторыя подробности.... Представлять вамъ дѣло должны состязавшіяся стороны, не прибѣгая къ средствамъ и приѣмамъ китайской живописи, изображающей отдѣльно и отчетливо каждый волосокъ на бородѣ, каждую бородавку на тѣлѣ, а скорѣе подражая приѣмамъ античной скульптуры, которая, если надо было представить гадкій, непріятный предметъ, напр. трупъ человѣка или лицо искаженное страданіемъ, то накидывало на этотъ предметъ покрывало“. (Сочиненія, т. V, стр. 304). Уголовному суду поэтому необходимо самостоятельно относиться къ представляемымъ сторонами доказательствамъ, и къ ихъ оцѣнкѣ, и, такимъ образомъ, устранить опасность одностороннихъ взглядовъ сторонъ.

Понятія достовѣрности и вѣроятности получаютъ непосредственное примѣненіе въ судебномъ состязаніи. Борьба между сторонами въ уголовномъ процессѣ должна быть честнымъ боемъ, въ которомъ противники, поставленные въ одинаковыя условія, не должны прибѣгать для одержанія побѣды къ какимъ либо предосудительнымъ средствамъ или злоупотреблять своимъ вліяніемъ. Они должны честно служить правосудію. Примѣненіе этого правила въ разсматриваемой части рѣчи выражается въ томъ, что стороны обязаны представлять свои доказательства въ ясной и опредѣленной формѣ, не уклоняться отъ предмета спора и, такимъ образомъ, не затруднять судьямъ выясненія дѣла. Равенство условій состязанія не нарушается численнымъ перевѣсомъ противниковъ на той или другой сторонѣ: исходъ его зависитъ не отъ количества, а отъ качества спорящихъ. „Разсматриваемые съ точки зрѣнія таланта и знанія, замѣчаетъ А. О. Кони, нѣсколько заурядныхъ защитниковъ не могутъ составить надлежащаго противовѣса одному талантливому обвинителю, и три, четыре рядовые прокурора не идутъ въ сравненіе съ однимъ богато одареннымъ защитникомъ“. (Судебныя рѣчи, стр. 656). Но равенство условій борьбы не исключаетъ въ то же время значительной разницы въ положеніи обвиненія и защиты. Прокуроръ по исторически сложившимся тенденціямъ законодательства не только сторона, являющаяся представителемъ обвиненія, онъ также представитель государственной власти, блюститель закона, охраняющій не одни интересы обвиненія, но и подсудимаго. „Прокуроръ, гласитъ ст. 739. У. У. С., не долженъ ни представлять дѣла въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значенія, имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ и уликъ, или важности разсматриваемаго преступленія“. О защитникѣ же законъ просто говоритъ, что онъ представляетъ доводы, опровергающіе или ослабляющіе обвиненіе (ст. 744 У. У. С.), отъ него нельзя требовать ни малѣйшаго содѣйствія обвиненію, онъ представитель стороны, имѣющей въ виду собственные интересы, обязанный лишь

„не позволять себѣ нарушать должное уваженіе къ религіи, закону и установленнымъ властямъ, ни употреблять выраженія, оскорбительныя для чьей бы то ни было личности“ (ст. 744. У. У. С.). Такимъ образомъ, хотя прокуроръ, не отказавшійся отъ обвиненія, съ момента судебныхъ преній становится стороною въ полномъ смыслѣ этого слова, все таки отъ его рѣчи должно ожидать большаго спокойствія и болѣе объективнаго освѣщенія матеріала, чѣмъ отъ защитника. Самое существенное различіе защиты и обвиненія вытекаетъ изъ ихъ фактическаго положенія нападающей и отражающей нападеніе стороны, и это различіе имѣетъ весьма близкое отношеніе къ доказательствамъ.

Государство охраняетъ общество отъ опасныхъ лицъ, но для того, чтобы оно могло примѣнить къ обвиняемому въ преступленіи уголовный законъ, влекущій весьма тяжкія послѣдствія для свободы и чести, а иногда и жизни личности, не должно быть сомнѣнія въ виновности осуждаемаго, и, естественно, что обязанность разсѣять эти сомнѣнія лежитъ на представителѣ государства—прокурорѣ (за исключеніемъ немногихъ случаевъ частнаго обвиненія). Обвинитель обязанъ представить суду достаточныя доказательства для произнесенія приговора, т. е. сдѣлать свое обвиненіе достовѣрнымъ. Это требованіе полноты и убѣдительности доказательствъ обвиненія постоянно выставляется на видъ въ рѣчахъ защиты, для которой неисполненіе его, конечно, составляетъ весьма важный аргументъ въ пользу обвиняемаго. „Для правосудія, сказалъ напр., К. Ф. Хартулари по дѣлу Маргариты Жюжанъ, одинаково дорого какъ наказаніе виновнаго, такъ и спасеніе напрасно обвиняемаго и, прежде чѣмъ опозорить, обезчестить, уничтожить подсудимую, судъ совѣсти требуетъ отъ обвинителя не словъ, не личныхъ впечатлѣній, возбуждающихъ одно только пустое подозрѣніе, а неопровержимыхъ доказательствъ“. (Итоги прошлаго, стр. 401).

Процессуальная достовѣрность, „неопровержимость“ доказательствъ, обуславливаетъ необходимость выяснитъ событіе преступленія и дѣятельность виновнаго такимъ образомъ, чтобы не оставалось возможности какого либо иного объяс-

ненія, поэтому если защита ослабитъ эту достовѣрность, сдѣлавъ вѣроятными свои утверждєнія, установивъ возможность другой картины событія, обвиненіе лишается надлежащей почвы, и не можетъ рассчитывать на успѣхъ. Къ этому пріему защита нерѣдко и прибѣгаетъ, напр.: „Я не обязанъ, говоритъ защитникъ, доказывать, кто авторъ этого письма; мнѣ достаточно убѣдить васъ, что это не Ла-Ронсьеръ“. (Французск. суд. ораторы, стр. 80). И дѣйствительно, разъ утвержденіе прокурора о связи даннаго факта съ дѣйствіями обвиняемаго поколеблено, задача защиты выполнена, дальнѣйшее ее не интересуетъ. Вѣроятность утверждєній защиты, однако, чтобы достигнуть желаемаго результата и поколебать доказательства противника, должна быть достаточной для возбужденія сомнѣнія въ правильности соображеній обвинителя, а это сомнѣніе всегда уже по исконному судебному обычаю служить въ пользу подсудимаго. „Убѣжденіе въ виновности не признается доколѣ существуетъ хотя бы малѣйшее сомнѣніе..... Конечно, это не всякое мимолетное, не провѣренное сомнѣніе..... нѣтъ, это сомнѣніе, остающееся послѣ долгой, внимательной и всесторонней оцѣнки каждаго изъ доказательствъ въ отдѣльности и всѣхъ ихъ вмѣстѣ въ связи съ личностью обвиняемаго“. (А. О. Кони. За послѣдніе годы. стр. 84). Для того, чтобы вызвать сомнѣніе въ судьяхъ, не довольно пользоваться недостатками и промахами рѣчи противника, иронизировать надъ неудачными выраженіями, но необходимо представленіе доводовъ, обоснованныхъ на фактическихъ данныхъ. Если послѣдніе слабы, то единственно, что можно сдѣлать, это ограничиться намекомъ на допустимость иного хода событій, напр. на возможность совершенія преступленія другимъ лицомъ, не обвиняемымъ. Такъ, въ рѣчи по дѣлу Маексименко защитникъ пытался указать на ряду съ обвиняемой и другихъ предположительныхъ виновниковъ: „Не по сердцу былъ тецѣ зять, и постоянное глухое недовольство ея прорывалось иногда бурными сценами..... Мнѣ возразятъ.... 18 октября ея въ домѣ не было.... Да, дѣйствительно, не было. Она даже слишкомъ долго отсутствовала, уйдя куда

то 17-го вечеромъ и возвратившись лишь 19-го днемъ. (Рус. суд. ораторы, стр. 290).

Защита пользуется, слѣдовательно, значительной привилегіей при представленіи доказательствъ. Она вправѣ требовать отъ обвиненія точной формулировки и доказанности его предположеній, затѣмъ, если обвиненію удастся придать своимъ доводамъ достаточную степень вѣроятности, защита можетъ возражать противнику: 1) Приведеніемъ доказательствъ, поддерживающихъ ея утвержденія и выясняющихъ, что обстоятельства дѣла происходили не такъ, какъ это изображаетъ обвинитель. Этотъ способъ можетъ быть названъ самымъ вѣрнымъ, пользованіе имъ можетъ быть рекомендовано, если обвиненіе слабо, а доказательства защиты сильны и не представляютъ почвы для неблагоприятнаго истолкованія противникомъ, иначе если доказательства окажутся не довольно вѣскими для того, чтобы убѣдить судей, ихъ слабость сама по себѣ явится какъ бы подтвержденіемъ и поддержкой обвиненія, и оно пріобрѣтетъ тѣмъ большую устойчивость, чѣмъ менѣе удастся попытка защиты придать значеніе своимъ доказательствамъ. 2) Въ такихъ случаяхъ, гдѣ защита (несмотря, можетъ быть, на полную увѣренность въ правотѣ своего дѣла) не располагаетъ силами для нападенія, она должна держаться оборонительной тактики, принимая на себя лишь отраженіе атаки противника. Второй способъ защиты, наименѣе рискованный, и сводится къ тому, что защита опровергаетъ доказательства обвиненія, представляя ихъ внутреннюю несостоятельность, логическую несообразность, несогласіе съ обстоятельствами дѣла или возможность другихъ выводовъ изъ фактовъ, на которые опирается прокуроръ. Послѣ опроверженія, обыкновенно, приводятся свои доказательства, если они имѣются въ запасѣ, что еще болѣе укрѣпляетъ положеніе защиты. Здѣсь имѣетъ полное приложеніе все вышесказанное о вѣроятности и достовѣрности. 3) Наконецъ если доказательства не могутъ быть опровергнуты, ни первымъ, ни вторымъ способомъ остается еще возможность ослабить ихъ силу, представить преступленіе въ болѣе мягкомъ свѣтѣ и сосре-

доточить всё свои доказательства на вопросъ о снисхожденіи, на личности виновника.

Если вообще предметомъ судебной рѣчи должно быть только дѣло, изображаемое на основаніи слѣдственнаго матеріала, такъ какъ отвлеченіе въ сторону, загроможденіе рѣчи посторонними цитатами, разсужденіями, свидѣтельствующими объ эрудиціи оратора, но не идущими къ дѣлу, показываетъ его неумѣнье и вредить впечатлѣнію рѣчи, то особенно слѣдуетъ помнить объ этомъ въ доказательствахъ и имѣть всегда въ виду цѣль, которая преслѣдуется представленіемъ какого либо аргумента. Когда по дѣлу существуетъ много доказательствъ, среди которыхъ есть слабыя и малозначущія, и ораторъ воспользуется ими безъ разбора, онъ подвергается той опасности, что его слабыя доказательства заслоняютъ болѣе сильныя, что ихъ несостоятельность подчеркнетъ противникъ и поколеблетъ вмѣстѣ съ тѣмъ довѣріе къ другимъ болѣе надежнымъ. Поэтому исключеніе лишннихъ доказательствъ, не могущихъ выдержать критики, всегда необходимо, на что бываетъ полезно указать въ рѣчи, въ особенности, если нѣкоторыя доказательства были выгодны для отказавшейся отъ нихъ стороны (указаніе на объективность оратора). Напр., по дѣлу Овсянникова и Волкова защитникъ послѣдняго такъ ограничилъ матеріалъ своей аргументаціи: „Первой части дѣла я касаться не буду и не послѣдую примѣру противника чтеніемъ въ засѣданіи палаты показаній свидѣтелей, бывшихъ рабочими на унжакахъ г. Овсянникова и на пароходѣ купца Волкова. Еще менѣе позволю себѣ какую либо ссылку въ моихъ объясненіяхъ на очныя ставки упомянутыхъ свидѣтелей въ виду безспорности математической формулы, что плюсъ на минусъ даетъ минусъ..... я полагаю, что мнѣ слѣдуетъ ограничиться разсмотрѣніемъ и оцѣнкой совершенно новыхъ данныхъ, которыя добыты только путемъ дополнительнаго слѣдствія“.... (К. Ф. Хартулари. Итоги прошлаго, стр. 49).

Неразборчивое пользованіе доказательствами могло бы принести пользу лишь въ плохо подготовленной умственно аудиторіи, передъ слушателями, не могущими сознательно

слѣдить за ходомъ мысли оратора, на которыхъ могло бы имѣть вліяніе и произвести эффектъ не качество, а количество доказательствъ, и при этомъ оратору не угрожало бы опасности выслушивать серьезныя возраженія противника (которому не трудно было бы разрушить карточный домикъ, построенный изъ неподходящихъ аргументовъ).

Предметъ доказательствъ по каждому дѣлу уже вполне установленъ въ теоріи процесса (см. В. К. Случевскій. Учебникъ русскаго уголовного процесса. Судопроизводство. Спб. 1892 стр. 150 и слѣд.). По общему правилу доказывать нужно все, что относится къ дѣлу, имѣетъ для него значеніе, можетъ наклонить вѣсы правосудія въ ту или другую сторону. Сомнѣніе вызываетъ доказываніе правовыхъ положеній. Нужно, конечно, при этомъ принять во вниманіе, что судъ самъ компетентенъ вполне въ вопросахъ, касающихся закона, такъ какъ еще по выраженію римскихъ юристовъ *jura novit curia*, слѣдовательно поучать судъ въ этомъ отношеніи нѣтъ основаній. Но ораторъ имѣетъ полное право затронуть юридическіе вопросы, нисколько не умаляя авторитета суда, въ томъ случаѣ, если примѣненіе закона вызываетъ сомнѣніе, если законъ неправильно толкуется въ обвинительномъ актѣ или рѣчи стороны. Напр. по одному дѣлу объ интендантскихъ злоупотребленіяхъ во время русско-турецкой войны, прокуроръ примѣнилъ 362 ст. Улож. о наказ., предусматривающую служебный подлогъ, къ невѣрнымъ роспискамъ поставщиковъ, не состоящихъ на службѣ, которыя затѣмъ утвердилъ подсудимый; защитникъ В. И. Жуковскій возразилъ на это слѣдующее: „Частное лицо, не состоящее на службѣ.... не можетъ совершить служебнаго преступленія.... хотя Вольштейнъ и другіе поставщики возведены были здѣсь прокуратурой въ чинъ гешефтмахеровъ, но такого чина въ табели о рангахъ не полагается. Если въ роспискахъ поставщиковъ не заключается признаковъ служебнаго подлога, то и въ томъ обстоятельстве, что Пріоровъ утвердилъ отчеты.... не заключается признаковъ преступленія.“ (Ляховецкій, Л. Д. Характеристики рус. суд. ораторовъ стр. 122). Нѣтъ никакой надобности также доказывать

общепринятія положенія, т. е. всё́мъ извѣстныя и всегда одинаково совершающіяся обстоятельства, напр. наступленіе дня послѣ ночи, или сверхъестественныя обстоятельства, представляющіяся невѣроятными при современномъ состояніи человѣческихъ знаній и вѣрованій (напр. сношенія съ дьяволомъ), не могутъ быть доказываемы и, такъ называемыя, отрицательныя положенія, т. е. такія, при которыхъ нападающій ограничивается общимъ утвержденіемъ, не приводя ближайшихъ соображеній. Напр., обвиняетъ въ кражѣ, не указывая въ какой, когда, при какихъ обстоятельствахъ, такъ что защищающемуся остается доказывать, что онъ вообще не кралъ, что понятно поставило бы его въ очень затруднительное положеніе. Такой приѣмъ характеризуетъ В. Д. Спасовичъ въ слѣдующихъ энергичныхъ выраженіяхъ: „Да, предъ такимъ приѣмомъ, предъ такимъ судомъ, кто же устоитъ и очистится? Волосы становятся дыбомъ: вориска, бродяга, не помнящій родства, залвить въ глаза мнѣ, прожившему на виду всего общества 50 лѣтъ: „ты сознавался мнѣ, что ты кралъ, что ты убилъ или совершилъ прелюбодѣянiе“, и я буду осужденъ, потому что я не опровергъ. А какъ же я могу опровергнуть, доказывать небытіе факта.... и долженъ я буду... преклонить выю и сказать: я погибъ, потому что вориска рѣшилъ меня оболгать, а я его показанія не опровергъ“. (Спасовичъ, Сочиненія, т. VI, стр. 266).

Обязанность доказывать какое нибудь обстоятельство (*onus probandi*) распредѣляется между сторонами по различнымъ основаніямъ. Въ уголовномъ процессѣ не существуетъ установленной закономъ обязанности для сторонъ представлять доказательства, судъ долженъ, независимо отъ ихъ желаній, производить всё дѣйствія по собиранію доказательствъ, необходимыхъ для выясненія истины, такъ что стороны только содѣйствуютъ суду въ собственныхъ интересахъ въ выясненіи процессуальной достовѣрности. Тѣмъ не менѣе фактически въ силу обстоятельствъ, стороны оказываются вынужденными для огражденія себя принимать обязанность доказыванія, поэтому и вопросъ объ *onus probandi* не теряетъ значенія въ уголовномъ судѣ. Точное опредѣленіе этой обязанности

въ высокой степени облегчаетъ положеніе сторонъ, распредѣляя между ними равномерно тяжесть судебного состязанія. Каждая изъ нихъ благодаря этому попеременно находится то въ болѣе выгодномъ положеніи защищающагося, то въ болѣе трудномъ—нападающаго, который долженъ доказать основательность своего нападенія. Такъ какъ нападающимъ въ процессѣ сперва является обвинитель, то на него прежде всего и падаетъ обязанность доказать обвиненіе, въ противномъ случаѣ защита не должна представлять своихъ соображеній: недоказанное обвиненіе никогда не можетъ повести къ обвинительному приговору. Въ этомъ отношеніи защита также пользуется вполне законнымъ преимуществомъ; существованіе его объясняется тѣмъ, что, какъ было указано раньше, преступленіе представляется исключительнымъ дѣяніемъ, предполагающимъ особыя обстоятельства, выбивающія человѣка изъ общей колеи, понятно, что они и должны быть доказаны, безъ этого въ пользу обвиняемаго всегда явится предположеніе о томъ, что онъ дѣйствовалъ и жилъ какъ и всѣ, слѣдовательно не переходилъ границъ дозволеннаго съ точки зрѣнія уголовного закона. Ватели удачно сравниваетъ положеніе обвиняемаго съ положеніемъ владѣльца, права котораго охраняются предварительно вплоть до выясненія, кто изъ спорящихъ дѣйствительный собственникъ. Выгода положенія здѣсь очевидна: въ судебномъ состязаніи, какъ и на войнѣ, выдерживать нападеніе легче, чѣмъ атаковать: для удачной защиты крѣпости требуются гораздо меньшія силы, чѣмъ для открытаго нападенія. Но привилегія обвиняемаго остается за нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ опровергаетъ противника, когда онъ дѣлаетъ самъ какое либо утвержденіе, т. е. переходитъ въ нападеніе, на него неизбежно падаетъ и обязанность доказыванія. Напр. обвиненіе утверждаетъ, что существуютъ основанія предполагать, что данное убійство совершено подсудимымъ, обязанность доказать это лежитъ на обвинителѣ; подсудимый признаетъ фактъ, но оправдывается тѣмъ, что убилъ, защищая свою жизнь (необходимая оборона), онъ обязавъ и доказать справедливость этого обстоятельства. Такимъ образомъ, обя-

занность доказыванія въ процессѣ постоянно переходить, и стороны должны зорко слѣдить другъ за другомъ, такъ какъ уклоненіе отъ выполненія этой обязанности можетъ быть указано въ рѣчи, какъ доводъ въ пользу сомнительности и голословности утвержденій противника, не могущаго ихъ доказать, и потому уклоняющагося отъ этого.

Въ судебномъ состязаніи, какъ и въ каждомъ спорѣ, цѣлью, къ которой стремятся стороны представляется побѣда надъ противникомъ. Разумѣется, что участіе въ спорѣ является допустимымъ по нравственнымъ соображеніямъ только тогда, когда спорящіе (въ уголовномъ процессѣ обвинитель и защитникъ) убѣждены въ справедливости своихъ взглядовъ на дѣло. Это убѣжденіе составляетъ необходимое предположеніе всякаго судебного спора, такъ сказать, его нравственный *raison d'être*, но побѣда въ судебномъ состязаніи, какъ и вездѣ, не всегда равносильна торжеству истины: судебныя ошибки нельзя устранить совершенно и при самомъ внимательномъ разсмотрѣніи дѣлъ, въ которыхъ соображенія за и противъ подсудимаго размѣщаются въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Каждый изъ участниковъ вполне исполнить свой долгъ, если, добросовѣстно ознакомившись съ матеріаломъ, найдетъ въ немъ достаточную поддержку въ пользу защиты или обвиненія. Въ противномъ случаѣ прокуроръ обязанъ отказаться отъ обвиненія, на что онъ и уполномоченъ закономъ, а защитникъ долженъ, не выгораживая кліента противъ своей совѣсти, привести въ его пользу все, что возможно по обстоятельствамъ даннаго случая, добиться того, чтобы наказаніе не превышало виновности подсудимаго.

Но убѣжденіе стороны, обоснованное на извѣстныхъ доказательствахъ не можетъ еще само по себѣ доставить ей преобладаніе въ судебныхъ состязаніяхъ; въ немъ играетъ не маловажную роль и практическое умѣніе вести дѣло: сильный діалектикъ и ораторъ иногда можетъ одержать побѣду благодаря своему искусству, несмотря на перевѣсъ доказательствъ въ пользу его противника. Каждому оратору приходится считаться съ манерой и умѣlostью противника,

и нужно имѣть хотя самое общее понятіе о приѣмахъ и уловкахъ, наиболѣе употребляемыхъ въ спорѣ, чтобы не проиграть дѣла, уступивъ не силѣ доводовъ, а таланту и ловкости оппонента. Конечно, теоретическое знаніе приѣмовъ спора не можетъ возмѣстить недостатка дарованій, но оно въ соединеніи съ тщательной подготовкой и изученіемъ техники судебной рѣчи, несомнѣнно въ состояніи помочь оратору сознательнѣе относиться къ своей и чужой аргументаціи, правильнѣе пользоваться имѣющимся въ его распоряженіи матеріаломъ и постепенно выработать соотвѣтственные характеру оратора приѣмы обороны и нападенія, которые болѣе или менѣе своеобразны у каждаго; одинъ силенъ въ ироніи, въ патетическихъ мѣстахъ, но слабъ въ логическихъ построеніяхъ, другой, наоборотъ, прекрасно владѣетъ аргументаціей и стѣсняется въ другихъ частяхъ рѣчи. Сообразно съ этимъ и слѣдуетъ составлять свою рѣчь, выдвигая на первый планъ тѣ мѣста, въ которыхъ ораторъ сознаетъ свою силу и умѣніе, и придавать соотвѣтственную окраску доказательствамъ, пуская въ ходъ иронию и паѳосъ или неотразимую цѣпь доказательствъ и умозаключеній, скрывающую возраженія противника. Не лишнее интереса описаніе своего метода спора оставилъ намъ Цицеронъ: „я устанавливаю, пишетъ онъ, прежде всего сильныя и слабыя мѣста въ доказательствахъ. Всячески укрѣпляю первые, обсуждая вторыя мимоходомъ, уменьшая ихъ значеніе, топя въ массѣ доводовъ и стратагемъ.... если доводы противника легче опровергнуть, чѣмъ привести собственные, я привязываюсь къ опроверженію, и обрушиваю все, что возможно на голову противника. Если легче найти свои доводы.... я отвращаю судей отъ доводовъ противника, удерживаю ихъ вниманіе на представленныхъ мною.... если противникъ ставитъ положеніе, которое невозможно поколебать, я не отвѣчаю на него совсѣмъ, избѣгая удара, но не ломаю и не бросаю оружія, а сохраняю въ рѣчи увѣренный тонъ, подражая отступающимъ въ сраженіи не для того, чтобы обратиться въ бѣгство, но чтобы занять болѣе выгодную позицію“. Далѣе Цицеронъ указываетъ, что онъ всегда ста-

рался не говорить ничего опаснаго для дѣла, не терялся въ тѣхъ случаяхъ, когда доказательства противника были очень сильны, напротивъ сохранялъ полное спокойствіе, принималъ на себя обязанность разбить эти доказательства, дѣлалъ видъ, что затрудняется даже выборомъ возраженій вслѣдствіе ихъ многочисленности. Изъ этого видно, что великій адвокатъ прибѣгалъ къ весьма различнымъ способамъ обезпеченія успѣха своей аргументаціи, въ точности сообразуясь съ особенностями защищаемаго имъ дѣла, и отнюдь не слѣдовалъ заранѣе опредѣленному шаблону; этому примѣру всего выгоднѣе подражать судебному дѣятелю и въ наше время.

Въ доказательствахъ необходимо обращать вниманіе на правильность построенія умозаключеній, составляемыхъ на основаніи фактическаго матеріала; ораторъ не долженъ довольствоваться только внѣшней формой аргументаціи, отступать передъ рядомъ выводовъ, кажущихся стройными и полученными съ соблюденіемъ логическихъ правилъ. Логика, какъ говорить по этому поводу Шопенгауэръ, учитъ выводить сужденія изъ сужденій и можетъ привести къ формальной истинѣ, т. е. къ тому, что выводъ изъ данныхъ посылокъ будетъ сдѣланъ правильно, но для нея безразлично, насколько вѣрны эти послыки, почему и умозаключенія могутъ вращаться около „совершенныхъ химеръ“. Поучительные образцы такихъ бесплодныхъ разсужденій представляютъ различныя схоластическія и метафизическія теоріи, нерѣдко превращающія аргументацію въ игру словами. Старые юристы точно также были склонны придавать преувеличенное значеніе опредѣленіямъ и терминамъ, пользуясь словами для прикрытія недостаточнаго матеріала и бѣдности мысли, и заводя читателя въ лабиринтъ различныхъ логическихъ и техническихъ тонкостей, согласно ироническому совѣту Гетевского Мефистофеля.

„Denn eben wo Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein.
Mit Worten lässt sich trefflich streiten,
Mit Worten ein System bereiten“.....

Судебный ораторъ въ уголовномъ процессѣ долженъ по-
этому строго слѣдить за тѣмъ, чтобы каждое умозаключеніе
было вѣрнымъ отраженіемъ фактическихъ обстоятельствъ, не
отвлекаться формою отъ содержанія и прежде всего требо-
вать, чтобы послышки противника были точно обоснованы,
безъ натяжекъ и пробѣловъ. На неточность въ построеніи
силлогизмовъ обращали вниманіе уже древніе риторы, на
нихъ подробно останавливается Аристотель, приводящій раз-
личные примѣры невѣрныхъ умозаключеній, такъ называемыхъ
софизмовъ, основанныхъ на томъ, что выводъ дѣлался изъ
посылокъ, кажущихся вѣрными только при поверхностномъ
разсмотрѣніи.

Въ спорѣ каждый долженъ слѣдить за послылками про-
тивника, провѣрять ихъ основательность, и если онѣ не
выдерживаютъ критики, разбивать ихъ, не касаясь вывода,
который падетъ самъ собой, какъ сдѣланный на невѣрномъ
основаніи. Напр. въ дѣлѣ братьевъ Келешей, прокуроръ
доказывалъ, что пожаръ на фабрикѣ произошелъ отъ поджога,
откуда и вытекала виновность подсудимыхъ, защитникъ, не
касаясь этой виновности, доказалъ, что пожаръ произошелъ
не отъ поджога, а случайно, и сдѣлалъ слѣдующій выводъ:
„Такимъ образомъ здѣсь собственно и окончена защита,
послѣ этого ясно установленнаго и доказаннаго факта для
меня не существуетъ въ дѣлѣ ничего важнаго и опаснаго.
Никакой подозрительный намекъ, никакая сплетня, пущен-
ная противъ подсудимыхъ, меня не пугаютъ“. (Андреевскій,
Защитительныя рѣчи, стр. 85).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правильность послышки пред-
ставляется сомнительной, т. е. за нее, какъ и противъ нея
существуютъ доводы, не дающіе возможности быть увѣрен-
нымъ, что судъ согласится съ ораторомъ, возражающимъ
противъ нея, а не съ его противникомъ; тогда, обыкновенно,
приведя всѣ доказательства, опровергающія спорное поло-
женіе, стараются обезопасить себя и на случай его приня-
тія судомъ, и достигаютъ этого тѣмъ, что отвергаемая по-
сылка допускается условно; а затѣмъ ужь ораторъ доказы-
ваетъ, что даже и признаніе справедливости этой послышки,

не измѣнить его взгляда и не грозить ему опасностью. „Оспаривать обвиненіе въ отравленіи возможно лишь тогда, когда смерть предполагаемой жертвы отъ яда представляется доказанной..... Мнѣ приходится оспаривать виновность подсудимой въ преступленіи, которое по моему глубокому убѣжденію никѣмъ и никогда не было вовсе совершено. Мнѣ приходится для этого сдѣлать надъ собой нѣкоторое умственное усиліе—допустить отвергаемое мною отравленіе не какъ фактъ, а какъ логическую посылку“. (Рус. суд. ораторы. Рѣчь Н. І. Холевы, стр. 254). Подобныя оговорки имѣютъ большой практической смыслъ, такъ какъ сохраняютъ за ораторомъ шансъ на то, что судъ приметъ во вниманіе его доводы противъ посылки, на что трудно было бы рассчитывать, если бы онъ прямо сталъ на точку зрѣнія противника, съ другой стороны они даютъ возможность привести соображенія въ свою пользу, если судъ и согласится съ противоположнымъ мнѣніемъ, что въ свою очередь нельзя было бы сдѣлать, пока ораторъ считалъ оспариваемую посылку недопустимой.

Если посылки противника не могутъ вызвать возраженій, остается нападеніе на правильность сдѣланнаго имъ вывода, на возможность другого, столь же обоснованнаго принятыми посылками, какъ и первый. Такъ, по дѣлу Максименко, при его первомъ разсмотрѣніи, защитникъ подсудимой, Ѳ. Н. Плевако, соглашался съ обвиненіемъ, въ противоположность Н. І. Холевѣ, защищавшему дѣло второй разъ, въ наличности насильственной смерти отъ яда, но не допускалъ вывода обвинителя о виновности подсудимой: „я не стану отрицать, говорилъ онъ, что насильственная смерть мнѣ представляется фактомъ. Тѣ неточности химической экспертизы..... все это, можетъ быть и сильно, но я признаюсь, что мнѣ лично не справиться съ этими техническими выводами людей знанія, что, сверхъ того, окончательный выводъ экспертизы и по ослабленіи его критикой, остается довольно сильнымъ..... такъ что я думаю обойти его безъ возраженій... въ случаѣ если улики противъ того или другого подсудимаго недостаточны, то и съ признаніемъ преступности, у обви-

нителя не будетъ въ запасѣ данныхъ, связывающихъ преступленіе съ намѣченной имъ личностью“. (Рус. суд. ораторы, стр. 295).

Возражая можно не только устранить выводъ противника, но и разсмотрѣть всё вообще выводы, которые допустимы на основаніи признанной вѣрною посылки, и доказать ея полную неприложимость къ данному дѣлу, объяснивъ, если нужно, обстоятельства, которыя повидимому противорѣчатъ такому взгляду. Какъ примѣръ можно привести мѣсто изъ рѣчи В. Д. Спасовича по дѣлу Шишкиныхъ: „для меня непонятно, какой можно сдѣлать выводъ изъ этой росписки въ смыслѣ обвиненія? Она или денежная или безденежная. Если безденежная, то Шишкинъ могъ на сотни тысячъ надавать женѣ подобныхъ росписокъ, она не стала бы отъ нихъ богаче.... Если она денежная, то она служитъ скорѣе къ оправданію Шишкиной. Взгляните на ея число. 13 февраля 1863 г. т. е. за полгода до смерти Ландсберга, значить въ то время у Шишкиной былъ въ рукахъ собственный капиталъ“. (Сочиненія, т. V, стр. 51). Далѣе защитникъ объясняетъ, казавшуюся подозрительнымъ обвиненію, попытку уничтожить эту росписку чисто интимными обстоятельствами и отношеніями, не имѣющими ничего общаго съ желаніемъ скрыть, не принадлежавшее подсудимой имущество.

Въ спорѣ нерѣдко подъ вліяніемъ увлеченія и желанія оказаться побѣдителемъ, спорящіе незамѣтно для себя, а иногда и завѣдомо, прибѣгаютъ къ различнымъ неправильнымъ возраженіямъ и аргументамъ, которые можно назвать „уловками“ въ спорѣ; они подробно разсмотрѣны въ интересной статьѣ Шопенгауэра, имѣющейя и въ русскомъ переводѣ (А. Шопенгауэръ. Эристика или искусство спорить. Спб.) Спорящій можетъ, напр., опровергнуть лишь часть положеній противника и ловкимъ оборотомъ рѣчи придать своему опроверженію общее значеніе, рассчитывая на увлеченіе или невниманіе противника, или въ пылу спора отвлечь вниманіе слушателей отъ его аргументовъ, возражая ему не по существу, а привязываясь къ какой нибудь второстепенной подробности (напр. не опровергая показанія свидѣтеля, пере-

ходить къ обсужденію его семейной обстановки и т. п.). Иногда противникъ прикрываетъ свои намѣренія, умышленно обходя слабое для него основаніе спора, какъ бы не придавая ему значенія. Понятно, что такой маневръ необходимо разоблачить и направить, такимъ образомъ, состязаніе на настоящую дорогу. Въ извѣстномъ дѣлѣ Сарры Модебадзе прокуроръ тщательно обходилъ вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови, не безъ основанія опасаясь за слабость такого мотива; защитникъ и обратилъ на это вниманіе; „Вотъ все, что обвиненіе, сказалъ онъ между прочимъ, приводитъ какъ улики и доказательства..... Это только узоръ, канва настоящаго дѣла—обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови“ (Рус. суд. ораторы. Рѣчь П. Я. Александрова. стр. 419).

Наконецъ, спорящій можетъ обобщить и распространить какое либо несомнѣнное положеніе на рядъ обстоятельствъ, связанныхъ съ нимъ лишь чисто внѣшнимъ образомъ, одно понятіе вслѣдствіе этого является мѣриломъ для опредѣленія цѣлаго ряда только сходныхъ съ нимъ. Такое обобщеніе получится, если, напр., отъ несовершенства медицинскихъ знаній будутъ заключать о несовершенствѣ какихъ бы то ни было знаній. Во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ приходится имѣть дѣло съ подобными невѣрными аргументами, никогда не слѣдуетъ возражать по существу, потому что это было бы равносильно признанію побѣды противника, отвлекло бы отъ предмета спора и лишило бы защищающагося выгодъ занятаго имъ раньше положенія, а нужно указать по возможности рельефно на методологическую ошибку и на непригодность поэтому приведеннаго доказательства: „Исходя изъ словъ доктора Макарова, возразилъ В. Д. Спасовичъ на одно изъ доказательствъ обвиненія по дѣлу Нины Андреевской, что ранка эта могла быть отнесена ко времени, когда совершено преступленіе т. е. 22 іюля, судъ связалъ эти два факта и вывелъ заключеніе, что царапина могла быть причинена Габисоніи во время совершенія убійства, но ставить между этихъ словъ маленькую, ничтожную на видъ частичку *только: царапина только*

и можетъ быть причинена Габисоніи при совершеніи убійства.... Позвольте мнѣ этотъ замѣчательный образецъ логики пояснить примѣромъ: 12 октября 1877 года много людей ранено за Дунаемъ, подъ Горнымъ Дубнякомъ. Я тоже, положимъ, къ этому времени порѣзалъ себѣ руку. Рана по времени совпадаетъ съ сраженіемъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, изъ чего я вправѣ составить предположеніе, что я могъ быть раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, но, вставивши частичку *только* и утверждая, что я только могъ быть раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ выйдетъ.... что я въ самомъ дѣлѣ раненъ....“ (Сочиненія, т. VI. стр. 232).

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что доводы, употребляемые въ спорѣ могутъ имѣть силу по существу, т. е. доказывать, что либо независимо отъ личности спорящихъ (*argumenta ad rem*) или сообразоваться съ мнѣніями противника или аудиторіи (*argumenta ad hominem*); аргументомъ послѣдняго рода, напр., будутъ ссылки на колдовство для людей, глубоко убѣжденныхъ въ его возможности; само собой разумѣется, что и возражающій въ такомъ случаѣ долженъ считаться съ обстоятельствами и дѣйствовать особенно осмотрительно.

Авторитеты и близкія къ нимъ по ихъ значенію, въ спорѣ, предвзятія мнѣнія (предубѣжденія, предразсудки) представляются часто употребляемымъ оружіемъ спора, они могутъ въ значительной мѣрѣ обезсилить самую логичную аргументацію. По общему правилу, чѣмъ развитѣе и сильнѣе умственно человекъ, тѣмъ меньшее значеніе имѣютъ для него авторитеты, тѣмъ сознательнѣе и справедливѣе будетъ онъ относиться къ чужому мнѣнію; наоборотъ, чѣмъ менѣе развитъ человекъ, тѣмъ большее количество авторитетовъ и предубѣжденій имѣетъ на него вліяніе и можетъ помѣшать ему согласиться съ утвержденіями, идущими противъ его взглядовъ, не говоря уже о томъ, что господство той или другой идеи можетъ дойти до фанатизма, противъ котораго самые сильные доводы совершенно безсильны. „Когда спорятъ между собой двѣ заурядныя головы, говоритъ Шопенгауэръ, они избираютъ своимъ оружіемъ большею частью

авторитеты, которыми и тузят другъ друга“. Передъ опредѣленно настроенными слушателями въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто подводятъ возраженіе противника подъ непріятное для нихъ мнѣніе, напр. говорятъ что это нигилизмъ—и доказательства теряютъ свою убѣдительность. Борются противъ установившихся мнѣній далеко не легкая задача, потому что въ головѣ каждаго слушателя, какъ вѣрно замѣчаетъ Ватели, складывается убѣжденіе, что цѣлый рядъ извѣстныхъ и уважаемыхъ имъ лицъ не могли ошибаться, что скорѣе ошибается идущій противъ общепризнанныхъ положеній или что еще хуже, что онъ сознательно хочетъ ввести въ заблужденіе, дѣйствуетъ недобросовѣстно. Разъ такое настроеніе сложилось, сраженіе можетъ быть легко потеряно: къ предубѣжденію вполне приложимо въ этомъ отношеніи сказанное Шиллеромъ о глупости, противъ которой не могутъ бороться даже боги. (Mit der Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens). Относительно авторитетовъ дѣло осложняется тѣмъ, что въ обществѣ часто приобретаетъ вѣсь, такъ называемый, ложный авторитетъ, т. е. какое либо мнѣніе принимается не по внутреннимъ свойствамъ: логичности, доказательности и т. п., а по внѣшнимъ признакамъ выраженія, потому что высказано тѣмъ или другимъ лицомъ или въ томъ или въ другомъ видѣ, напр. импонирующе дѣйствуетъ множество ссылокъ и цитатъ въ соединеніи съ неяснымъ изложеніемъ.

Въ спорѣ, смотря по характеру и знаніямъ противниковъ, въ большей или меньшей степени полезно приводить авторитеты и общепринятая мнѣнія, или даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ окружать ^{слабую} слабую позицію, ^{высокими} высокими стѣнами, крѣпостью, настолько внушительною по внѣшнему виду, что противникъ можетъ не разглядѣть отсутствія въ ней гарнизона. Приведенными соображеніями о значеніи авторитетовъ объясняется также, почему ораторъ, опровергая какой либо авторитетъ, пользующійся вліяніемъ въ данной аудиторіи, обыкновенно выражаетъ къ нему извѣстное уваженіе, признаетъ все его значеніе и потомъ ставитъ возраженіе, сначала въ формѣ недоумѣній и сомнѣній, а затѣмъ посте-

пенно переходить къ болѣе существенному нападенію, чтобы не показаться дерзкимъ или не затронуть самолюбія лицъ, раздѣляющихъ опровергаемое мнѣніе. Въ этомъ отношеніи, какъ совѣтуетъ Ватели „нужно доказывать лишь то, что безусловно необходимо“. Лишнія слова и несдержанное нападеніе вредятъ самому увлекшемуся оратору. По возможности должно тщательно отстранять всякое подозрѣніе въ желаніи поколебать признанные авторитеты и поставить выше ихъ свое мнѣніе, поэтому въ рѣчахъ нерѣдко встрѣчаются указанія на то, что ораторъ въ возраженіи хочетъ только выяснитъ дѣйствительное значеніе авторитетовъ, не вторгаясь въ чуждыя для него области знанія, напр.: „Я господа, уважаю всякій законный, по закону юридическому или по природѣ и законамъ вещей, авторитетъ, но я не допускаю авторитетовъ безусловныхъ, въ особенности, когда отъ оракула этого авторитета зависитъ судьба человѣка, смертная казнь или каторжныя работы. Что можетъ быть святѣе и крѣпче третейскаго рѣшенія по формальной записи, а и оно можетъ быть кассировано судомъ; точно также, что можетъ быть сильнѣе слова, произнесеннаго представителемъ науки во имя науки, но и это слово можетъ быть уважено или неуважено, когда въ немъ нѣтъ условій, при которыхъ оно становится убѣдительнымъ“. (Спасовичъ, Сочиненія, т. VI, стр. 193).

Въ доказательствахъ пользуются и приѣмами, служащими для украшенія рѣчи и приданія ей внѣшняго блеска. Ораторы нерѣдко обращаются въ своихъ доказательствахъ къ общимъ мѣстамъ и разсужденіямъ, такъ А. О. Кони, доказывая сознательное употребленіе ножа для нанесенія ударовъ съ цѣлью лишенія жизни, высказалъ слѣдующія соображенія: „Гдѣ *сознательно* открываютъ ножъ, тамъ не дѣйствуютъ имъ тотчасъ же *безсознательно*. Выхватить ножъ противъ человѣка, котораго онъ первый же ударилъ... не значитъ защищаться, а значитъ желать нанести ему серьезный вредъ, большое зло. Но зло, наносимое ударами длиннаго и отточеннаго ножа въ грудь есть смерть“... (Судебныя рѣчи, стр. 346). Такое разсужденіе получаетъ значеніе самостоя-

тельного довода. Объемъ общихъ мѣстъ въ доказательствахъ долженъ быть еще строже пропорціалнымъ по размѣру, чѣмъ въ другихъ частяхъ рѣчи, чтобы не прерывать связи въ доказательствахъ, сохранять которую всегда необходимо, и не загромождать ихъ разсужденіями, послѣднія должны здѣсь лишь дополнять аргументацію.

Допускается въ доказательствахъ и иронія, но примѣненіе ея въ этой части рѣчи требуетъ тоже большаго вниманія. „Насмѣшка—не доказательство истины, мудрость и острота не одно и то же“. (Whately, о. с. стр. 56). Если и въ другихъ частяхъ рѣчи злоупотребленіе ироніей, юморомъ ослабляетъ достоинство рѣчи, то тѣмъ болѣе оно опасно въ доказательствахъ, гдѣ отъ судей требуется наибольшая степень вниманія и умственного напряженія. Не серьезное отношеніе оратора къ доказательствамъ можетъ неблагоприятно подѣйствовать на нихъ, отвлечь ихъ не во время отъ существенныхъ соображеній и доводовъ.

Часто употребляются въ судебныхъ рѣчахъ для иллюстраціи доказательствъ примѣры и сравненія. Путемъ аналогіи ораторы стараются уяснить положенія, могущія показаться на первый взглядъ малопонятными или слишкомъ отвлеченными, прибѣгаютъ для этого и къ сопоставленіямъ или противоположеніямъ двухъ понятій, относящихся къ одному и тому же роду, но несходныхъ между собою, напр. дѣлаютъ выводы, сопоставляя добродѣтели и пороки. Распространеннымъ способомъ возраженія является также доведеніе чужаго доказательства до абсурда, т. е. извлеченіе изъ него выводовъ явно противорѣчащихъ законамъ мышленія или природы.

Что касается до методовъ, то, въ доказательствахъ приходится пользоваться какъ дедуктивнымъ, такъ и индуктивнымъ методомъ, главнымъ образомъ послѣднимъ, потому что окончательный выводъ дѣлается судебнымъ ораторомъ на основаніи цѣлаго ряда отдѣльныхъ фактовъ, объединяемыхъ въ цѣлое аргументаціей.

Возражая противнику или доказывая что либо, всегда должно соображать относительную важность для дѣла дока-

зывается или отвергаемого положенія. Если же почему либо нужно остановиться подробно на второстепенномъ, то не бесполезно выяснить судьямъ причины этого и указать на дѣйствительное значеніе разсматриваемыхъ обстоятельствъ въ дѣлѣ. Такъ какъ оратору нужно имѣть въ виду настроеніе аудиторіи, значеніе котораго было указано при разсмотрѣніи авторитетовъ, и сообразовать съ этимъ приемы доказыванія, то, если есть основаніе думать, что доказываемое положеніе будетъ встрѣчено слушателями сочувственно, онъ можетъ поставить его сначала, потомъ уже привести доказательства; если же трудно расчитывать, что окончательный выводъ будетъ принятъ благосклонно, выгоднѣе ставить впереди доказательства и, такимъ образомъ, постепенно подготовить слушателей къ принятію ихъ логическаго послѣдствія, вывода; иначе несимпатичный выводъ можетъ повести за собой недовѣрчивое отношеніе къ представляемымъ въ его пользу доказательствамъ (Whately, о. с., стр. 58). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда противникъ приводитъ сильныя доказательства или рѣзко нападаетъ на соображенія оратора, а возразить ему тотчасъ представляется неудобнымъ, самое лучшее, какъ еще совѣтовалъ Цицеронъ, ограничиться временно обѣщаніемъ возразить противнику и опровергнуть его на своемъ мѣстѣ, чтобы не разстраивать несвоевременными возраженіями системы своихъ доказательствъ. При этомъ ораторъ, которому удастся представить въ свою пользу вполнѣ убѣдительныя собственныя доказательства, можетъ и не опровергать противника вовсе, если впечатлѣніе аргументовъ послѣдняго изглажено представленными послѣ доводами, и слѣдовательно возвращаться къ прежнему нѣтъ надобности.

Убѣдительность и сила доказательствъ возрастаютъ и укрѣпляются въ зависимости отъ ихъ размѣщенія. Даже сильныя аргументы, расположенныя неудачно, заслоненныя другимъ матеріаломъ, не даютъ такого впечатлѣнія, какого можно достигнуть сравнительно слабыми, но выгодно размѣщенными доказательствами, такъ что каждое изъ нихъ поддерживаетъ всѣ остальные, и общее впечатлѣніе, произво-

димое ими, придаетъ значеніе и силу каждому отдѣльному доказательству. Конечно, если дѣло безусловно ясно, доказательствъ немного и достоинство ихъ несомнѣнно, успѣхъ обезпеченъ при любомъ размѣщеніи, иное, если дѣло сомнительно и доказательства, которыми располагаетъ ораторъ, самаго различнаго качества, но все таки всѣ болѣе или менѣе нужны для дѣла. Вопросъ о самомъ выгодномъ размѣщеніи доказательствъ становится тогда очень существеннымъ, и правильное разрѣшеніе его не мало облегчаетъ работу оратора. Поэтому не удивительно, что размѣщеніемъ доказательствъ много занимались учителя краснорѣчія; не рассматривая многочисленныхъ и не всегда практичныхъ правилъ, устанавливаемыхъ ими, можно, однако, указать на самыя общія и полезныя положенія, пригодныя для судебной рѣчи. Общепринятымъ можно назвать правило никогда не начинать со слабыхъ доказательствъ. Открывать сраженіе слабыми доказательствами, говоритъ Цицеронъ, равно какъ и выпускать слабого адвоката въ началѣ, значитъ обманывать ожиданія слушателей; судьи должны составить себѣ хорошее мнѣніе о дѣлѣ съ самаго начала, иначе они могутъ не отнестись къ нему съ должнымъ вниманіемъ.

И Цицеронъ и Квинтиліанъ совѣтовали въ томъ случаѣ, если матеріалъ позволяетъ, размѣщать самыя сильныя доказательства въ началѣ и въ концѣ, а посредственныя и слабыя помѣщать въ серединѣ. Эта тактика сохраняетъ значеніе и въ настоящее время, она поддерживается отчасти Ватели, совѣтующимъ, впрочемъ, помѣщать въ началѣ самыя наглядныя доказательства, которыя должны непременно повліять на слушателей и могутъ быть безъ труда усвоены ими, но вполнѣ допускающимъ въ то же время возможность сохранить въ размѣщеніи указанный выше порядокъ. Рекомендованное размѣщеніе доказательствъ получаетъ, обыкновенно, названіе лѣстницы доказательствъ, составляется самостоятельно и обвинителемъ и защитникомъ, согласно съ особенностями ихъ процессуальнаго положенія (см. стр. 62). Построеніе доказательствъ съ цѣлью завладѣть убѣжденіемъ судей и уничтожить положеніе против-

ника, напоминает нѣсколько приемы при рубкѣ дерева, его, очевидно, очень трудно свалить, начавъ со слабыхъ ударовъ, но затѣмъ, когда уже стволъ достаточно подрубленъ, и каждый слабый ударъ приобретаетъ значеніе, не говоря уже о сильныхъ. Возражая на доказательства противника слѣдуетъ, по совѣту Квинтиліана, начинать съ его самыхъ сильныхъ доводовъ, чтобы возможно скорѣе уничтожить ихъ впечатлѣніе; по исключенію изъ этого правила можно начать возраженія и съ опроверженія слабыхъ доказательствъ въ томъ случаѣ, если они очевидно несостоятельны, и уничтоженіе ихъ, давая просторъ остроумію и критическому анализу оратора, позволяетъ дискредитировать попутно и всю аргументацію.

Значеніе лѣстницы доказательствъ можно бы подтвердить на любомъ процессѣ, я выбираю для этого дѣло объ отравленіи Максименко его женой и Рѣзниковымъ, обратившее на себя въ свое время общее вниманіе, разбиравшееся два раза, и оба раза кончившееся оправданіемъ подсудимыхъ (Рус. суд. ораторы, стр. 188—323). Важнѣйшія доказательства по этому дѣлу могутъ быть подраздѣлены приблизительно на слѣдующія группы: 1) медицинская и химическая экспертизы, установившія присутствіе въ тѣлѣ Максименко значительнаго количества мышьяка; 2) обстановка смерти Максименко (присутствіе лишь жены и Рѣзникова; личная передача подсудимой покойному стакана чая за часъ до наступленія припадковъ, повлекшихъ смерть; состояніе его здоровья до этого момента); 3) существованіе акта, которымъ подсудимая передавала мужу свое имущество; 4) ухудшеніе ея отношеній къ мужу; связь съ Рѣзниковымъ; 5) показаніе различныхъ свидѣтелей о характерѣ и поведеніи подсудимой до замужества и послѣ, среди нихъ были показанія за и противъ подсудимой; 6) поведеніе подсудимой и Рѣзникова послѣ смерти Максименко. При вторичномъ разбирательствѣ обвинитель размѣстилъ перечисленные фактическія данныя въ слѣдующемъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ поставилъ экспертизу, выводъ которой, не смотря на разнорѣчіе экспертовъ, былъ несомнѣнно за обви-

неніе (1 группа доказательствъ). На второмъ мѣстѣ были расположены слѣдующіе по силѣ аргументы, всѣ данныя, касающіяся самаго дня смерти (эту группу (2) доказательствъ ослабляло отсутствіе главнаго свидѣтеля обвиненія доктора Португалова и измѣненное показаніе свидѣтелей, что стаканъ чаю, въ которомъ предполагали ядъ, былъ вынесенъ отъ Максименко не отпITYтъ). Послѣ этого уже прокуроръ перешелъ къ оцѣнкѣ мотива, къ доказательствамъ, касавшимся замужней жизни Максименко, ея имущественнаго положенія (3—6 группы; въ нихъ многія доказательства обвиненія были сомнительны, имѣлись вѣскія доказательства въ пользу защиты). Такимъ образомъ, лѣстница доказательствъ обвиненія была построена, начиная съ сильныхъ доказательствъ съ постепеннымъ переходомъ къ болѣе слабымъ. Защитникъ Н. І. Холева принялъ методъ полнаго отрицанія, отвергъ безусловно всѣ послылки прокуратуры, начиная съ факта отравленія (1 группа); присутствіе мышьяка въ тѣлѣ онъ объяснилъ тѣмъ, что, вмѣсто сулемы для мытья рукъ при вскрытіи, аптекарь по ошибкѣ отпустилъ мышьякъ, отчего сулемы и не оказалось въ трупѣ (экспертиза объясняла отсутствіе сулемы иначе), но предполагаемая ошибка аптекаря, какъ сознавалъ, по всей вѣроятности, и самъ защитникъ, не могла дать увѣренности, что судьи согласятся съ нимъ (да и въ концѣ рѣчи даже онъ самъ поставилъ вопросъ, кто отравилъ Максименко, и указалъ предположительныхъ виновниковъ (см. Рус. суд. ораторъ, стр. 254 и стр. 289 и слѣд.). Поэтому допустивъ отравленіе, какъ логическую послыку, онъ перешелъ къ опроверженію, болѣе слабыхъ доводовъ обвиненія (3 и 5 группы), начавъ съ наиболѣе выгодныхъ для него (отношенія подсудимой къ мужу, ея прежняя жизнь, актъ о передачѣ имущества) и затѣмъ уже сталъ опровергать обстоятельства, касающіяся дня смерти Максименко (2 группа), въ которыхъ прокуроръ чувствовалъ себя тверже, послѣ чего безъ труда разбилъ улики поведенія подсудимой послѣ смерти ея мужа (6 группа), могущія имѣть значеніе лишь при признаніи другихъ доказательствъ; покончивъ съ опроверженіемъ,

защитникъ привелъ свои доказательства невиновности подсудимой (приглашеніе ея доктора на вскрытіе и просьбу о вторичномъ вскрытіи). Защитникъ при первомъ разбирательствѣ. Э. Н. Плевако, держался другаго исходнаго пункта: уступивъ обвиненію наличность отравленія и связи подсудимой съ Рѣзниковымъ, отстаивать которыя было трудно, выигралъ дѣло, опровергнувши и поколебавъ доказательства обвиненія, связанныя съ личностью подсудимой и мотивами ея дѣятельности (3—6 группы доказательствъ). Защита, слѣдовательно, въ обоихъ разбирательствахъ избрала путь опроверженія доказательствъ обвиненія и послѣдующаго приведенія своихъ собственныхъ (см. стр. 93), лѣстница доказательствъ въ рѣчи Н. І. Холевы начиналась съ опроверженія сильнѣйшаго доказательства обвиненія, но, какъ было замѣчено, главная аргументація защиты основывалась на другихъ данныхъ, при допущеніи факта отравленія. Здѣсь опроверженіе было начато съ слабыхъ и сомнительныхъ доводовъ обвиненія. Такимъ образомъ, доказательства и обвиненія и защиты были построены по правиламъ, рекомендуемымъ ораторскимъ искусствомъ, что и указываетъ на ихъ цѣлесообразность и практическое значеніе.

Если доказательствъ много и разсмотрѣніе ихъ заняло продолжительное время, бываетъ полезно прибѣгнуть къ ихъ повторенію. Это повтореніе, состоящее въ краткомъ и послѣдовательномъ перечисленіи всѣхъ доказательствъ стороны, имѣетъ цѣлью оживить ихъ въ памяти судей и возстановить общую связь между отдѣльными доказательствами, которая могла утратить ясность при продолжительномъ обсужденіи, утомившемъ вниманіе судей. Такое перечисленіе можетъ быть сдѣлано и до представленія доказательствъ, въ такомъ случаѣ оно является ничѣмъ инымъ, какъ программой доказательствъ, о значеніи которой говорилось въ III главѣ. Ораторъ можетъ оказаться въ необходимости повторить не только свои доказательства, но и доказательства противника, для того чтобы особенно рельефно представить судьямъ, какъ они немногочисленны или неубѣдительны, въ этомъ случаѣ, конечно, отгнѣняются всегда самыя слабыя доказа-

тельства, на которыхъ и останавливаются съ наибольшимъ вниманіемъ. Перечисленіе собственныхъ доказательствъ начинается, обыкновенно, со слабѣйшихъ, этотъ порядокъ въ данный моментъ не представляетъ уже опасности, потому что судьи знакомы со всѣми доказательствами оратора и не составляютъ мнѣнія объ его аргументахъ только по первымъ, т. е. болѣе слабымъ; къ тому же перечисленіе бываетъ очень краткимъ и, слѣдовательно, не нарушаетъ цѣлостности впечатлѣнія. Примѣръ удачнаго повторенія доказательствъ представляетъ рѣчь А. О. Кони по дѣлу кн. Щербатовой: „Дѣлая общій сводъ этихъ данныхъ, я нахожу, что подсудимый Торчаловскій, задумавъ воспользоваться своимъ пребываніемъ у кн. Щербатовой и ея довѣріемъ, и зная, что она не умѣетъ грамотѣ, подсунулъ ей росписку въ 35.000 р. подъ видомъ довѣренности.... Неумѣренная болтливость его въ камерѣ мирового судьи сдѣлала то, что одновременно съ начатіемъ гражданскаго иска, обвинительная власть привлекла Торчаловскаго къ уголовному суду; тогда онъ рѣшился обезопасить себя, заручился свидѣтельницей Константиновой и, на всякій случай, еще одной Коханѣевой. Главнымъ подспорьемъ для Торчаловскаго явились, конечно, показанія и подпись Аверьянова“. (Судебныя рѣчи, стр. 63).

Оцѣнка доказательствъ въ современномъ процессѣ зависитъ отъ внутренняго убѣжденія судей, но внутреннее убѣжденіе не имѣетъ ничего общаго съ произволомъ или необоснованнымъ впечатлѣніемъ судей: по закону оно должно быть основано на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла (ст. 766 У. У. С.), а это обсужденіе должно происходить по установленнымъ правиламъ, обеспечивающимъ всестороннее разсмотрѣніе доказательствъ. Судья обязанъ принять во вниманіе всѣ собранныя доказательства, обязанъ озаботиться, въ случаѣ надобности, ихъ дополненіемъ. Закономъ же опредѣляются условія добыванія доказательствъ (порядокъ допроса подсудимыхъ, свидѣтелей, экспертовъ, представленіе вещественныхъ доказательствъ и т. д.). Судебныя пренія начинаются по разсмотрѣніи всѣхъ доказательствъ, и тогда стороны могутъ представить только вновь

открытыя доказательства, съ предварительнаго разрѣшенія суда, на обязанности котораго лежитъ дать время противной сторонѣ приготовиться къ состязанію при измѣнившихся условіяхъ (ст. 733—734 У. У. С.). Стороны въ преніяхъ уже не имѣютъ права выходить изъ круга разсмотрѣнныхъ судомъ доказательствъ.

Этими правилами законъ обезпечиваетъ чистоту источника судейскаго убѣжденія, требуя, чтобы въ основаніе его были положены строго провѣренныя и доказанныя данныя. Внимательное разсмотрѣніе судомъ доказательствъ и соблюденіе всѣхъ требованій закона гарантируется въ рѣшеніяхъ короннаго суда и тѣмъ, что приговоръ его долженъ быть мотивированъ, т. е. въ немъ указываются основанія, по которымъ судъ принялъ данное рѣшеніе, при разсмотрѣніи дѣлъ съ присяжными засѣдателями требованіе мотивировки приговора отпадаетъ, но законъ возлагаетъ на предсѣдателя обязанность объяснить присяжнымъ, не высказывая собственнаго мнѣнія, о винѣ или невинности подсудимаго „общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ“, приведенныхъ на судебномъ слѣдствіи, причемъ предсѣдатель не долженъ давать присяжнымъ какихъ либо обязательныхъ правилъ (непреложныхъ положеній, какъ выражается законъ), потому что убѣжденіе присяжныхъ должно сложиться совершенно свободно, но лишь помочь имъ оріентироваться и оцѣнить доброкачественность слѣдственнаго матеріала (ст. 801, 802, 803 У. У. С.).

На практикѣ, какъ и слѣдовало ожидать, условія, при которыхъ образуется внутреннее убѣжденіе, служащее основаніемъ приговора, весьма различны у коронныхъ судей и у присяжныхъ. Богатый матеріалъ для выясненія правосознанія присяжныхъ даетъ изслѣдованіе г. Бобрищева-Пушкина (Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ. М. 1896), гдѣ собраны многолѣтнія наблюденія автора надъ вердиктами, выносимыми присяжными засѣдателями ¹⁾.

¹⁾ Трудъ г. Бобрищева-Пушкина представляетъ выдающійся интересъ какъ для юристовъ-практиковъ, такъ и для теоретиковъ. Къ сожалѣнію, стремленіе автора къ отвлеченности и строгой научности въ изложеніи затрудняетъ пользо-

Коронный судъ, состоящій изъ юристовъ, привыкшихъ видѣть передъ собою статьи закона и считаться только съ ними, вносить въ свои рѣшенія строгій формализмъ. Такое отношеніе къ дѣлу въ уголовномъ процессѣ должно приводить къ формально правильнымъ рѣшеніямъ, въ которыхъ сказывается торжество буквы закона, но не всегда его духа. Судьи не во всѣхъ случаяхъ оказываются способными оцѣнить социальную, бытовую сторону дѣла, опредѣлить виновность живаго человѣка, какъ бы стоять въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни и ея требованій и условій. „Они стремятся, какъ справедливо говорить г. Бобрищевъ-Пушкинъ, открыть научно-объективную истину тамъ, гдѣ всего важнѣе непредубѣжденный, здравый смыслъ, направленный на отысканіе житейской сути.... Въ этомъ.... и заключается разгадка слабости профессиональныхъ приговоровъ“ (о. с. стр. 479).

Рѣшенія присяжныхъ, конечно, тоже могутъ быть ошибочными, навѣянными предубѣжденіями, но въ общемъ выводъ они справедливы, чѣмъ профессиональные судьи, разрѣшаютъ вопросы о виновности лица и слѣдовательно съ большею цѣлесообразностью служатъ охранѣ общества. Въ рѣшеніяхъ присяжныхъ по наблюденію г. Бобрищева-Пушкина, подтверждающаго общее мнѣніе по этому вопросу, отсутствіе формализма устраняетъ опасность постановки приговора по простому подсчету доказательствъ, для нихъ важно, главнымъ образомъ, уясненіе картины преступленія (воспроизведеніе которой, разумѣется, не должно упускаться изъ виду судебными ораторами). Присяжные не всегда требовательны въ доказательствахъ, легко уступаютъ детали, когда выяснено главное; для нихъ имѣетъ огромное значеніе личность подсудимаго, его дурная или хорошая репутація даетъ сильный перевѣсъ зачитѣ или обвиненію. Бывали случаи, что присяжные постановляли оправдательные приговоры сознавшимся рецидивистамъ, если въ виду ихъ

ваніе этой книгой, лишаетъ ее тѣхъ преимуществъ, которыя она имѣла бы, еслибы авторъ ограничился простымъ изложеніемъ собраннаго имъ матеріала и ближайшими выводами изъ него, не устанавливая никакихъ законовъ.

сознанія, не производилось слѣдствія, на томъ основаніи, что они не ознакомились съ человѣкомъ, участь котораго должны рѣшить. Этотъ недостатокъ суда присяжныхъ, съ узко формальной точки зрѣнія, съ лихвой выкупается тѣмъ, что въ ихъ рѣшеніяхъ чрезвычайно ослаблена опасность логическихъ ошибокъ благодаря тому, что они въ высшей степени добросовѣстно всматриваются въ индивидуальныя особенности дѣла и всякій свой выводъ обосновываютъ непосредственно на фактахъ (Бобрищевъ-Пушкинъ, о. с. стр. 511—515, 550—563).

Этимъ различіемъ въ требованіяхъ коронныхъ присутствій и присяжныхъ для образованія внутренняго убѣжденія и намѣчается характеръ доказательствъ оратора. Для первыхъ преимущественное вниманіе должно быть обращено на правовые вопросы, на формальные недостатки доказательствъ; бытовыя особенности и обстановка дѣла получаютъ второстепенное значеніе, на судѣ присяжныхъ они выдвигаются впередъ и даютъ большій просторъ не только холодной аргументаціи, но и чувству оратора.

ГЛАВА V.

Доказательства.

Общія замѣчанія о характерѣ, предѣлахъ, размѣщеніи и оцѣнкѣ доказательствъ въ уголовномъ процессѣ не могутъ дать указаній о томъ, какъ пользоваться отдѣльными видами доказательствъ. Каждое изъ нихъ представляетъ свои особенности, требуетъ различнаго отношенія къ себѣ со стороны обвиненія и защиты. Разсмотрѣнію отдѣльныхъ доказательствъ и будетъ посвящена настоящая глава, въ которой они будутъ разобраны безъ раздѣленія на какія либо категоріи, въ порядкѣ, обусловленномъ, главнымъ образомъ, удобствами изложенія.

А. Сознаніе.

Сознаніе есть признаніе подсудимымъ своей виновности, оно состоитъ въ исполнѣ определенномъ подтвержденіи подсудимымъ приписываемыхъ ему дѣйствій, и заключается въ подробномъ изложеніи обстоятельствъ дѣла. Въ формальной системѣ сознаніе считалось лучшимъ доказательствомъ, оно было рѣшающимъ. Въ настоящее время оно также какъ и другія доказательства можетъ быть принято во вниманіе по конкретнымъ особенностямъ каждаго дѣла. Старый слѣдственный процессъ допускалъ для полученія сознанія принудительныя мѣры, въ новомъ, напротивъ, стараются обезпечить добровольность сознанія, и всякое принудительное воздѣйствіе на подсудимаго въ этомъ смыслѣ является незаконнымъ, уничтожающимъ значеніе добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣній. Подсудимый имѣетъ право или не признать своей

виновности, или сознаться или не отвѣчать на предлагаемые вопросы, что по закону не можетъ быть сочтено за признаніе вины. Но это право подсудимаго отнюдь не лишаетъ возможности допрашивать его объ обстоятельствахъ дѣла. Предсѣдатель суда, обязательно, при разсмотрѣніи каждаго доказательства долженъ спрашивать подсудимаго, не желаетъ ли онъ представить какія либо объясненія или возраженія; съ разрѣшенія предсѣдателя вопросы могутъ предлагаться и другими участвующими въ процессѣ. Законъ, правда, предоставляетъ подсудимому отвѣчать или не отвѣчать на сдѣланные ему вопросы, но пользованіе этимъ правомъ имѣетъ болѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе, такъ какъ на практикѣ подсудимому самому не выгодно, по большей части, уклоняться отъ объясненій, потому что при иномъ образѣ дѣйствій съ его стороны въ судьяхъ можетъ сложиться убѣжденіе, что онъ уклоняется изъ боязни проговориться, выдать себя какимъ нибудь нестороженнымъ заявленіемъ.

Но допрашивая подсудимаго не должно переходить границъ сдержанности и настаивать на мелкихъ подробностяхъ, стараться сбивать его на деталяхъ (въ которыхъ подсудимый можетъ легко спутаться въ обширномъ дѣлѣ и впасть въ болѣе или менѣе существенныя противорѣчія, не могуція еще однако поколебать силы показанія). Допросъ подсудимаго по духу русскаго закона долженъ вестись спокойно съ полнымъ уваженіемъ къ правамъ допрашиваемаго. Обвиненіе обязано представить доказательства и помимо признанія. „Молчаніе подсудимаго не можетъ быть поставлено ему въ вину.... сознание отнюдь не должно быть излавливаемо какими либо ухищреніями.... Вотъ почему протестовалъ я противъ непрерывнаго допроса прокуратуры.... и... предъявляю этотъ протестъ и теперь въ формѣ покорнѣйшаго ходатайства устранить изъ области уликъ весь вообще допросъ со стороны г. прокурора и имѣть въ виду лишь только тѣ объясненія, которыя даны подсудимымъ по собственному добровольному побужденію“ (Ляховецкій, о. с. рѣчь В. И. Жуковскаго, стр. 118).

Если въ настоящее время сознание и вошло въ кругъ

другихъ доказательствъ, то тѣмъ не менѣе на практикѣ значеніе его очень велико, что и признается въ судебныхъ рѣчахъ: такъ, въ дѣлѣ Ла Ронсьера Шэ д'Эсть Анжъ указалъ, что „въ уголовномъ дѣлѣ, гдѣ обращаются исключительно къ совѣсти и убѣжденію присяжныхъ, сознание обвиняемаго пріобрѣтаетъ огромное, часто рѣшающее значеніе. Совѣсть подсказываетъ, что въ дѣяніи безчестномъ не сознается напрасно никто и немислимо позорить себя признаніемъ факта, который не совершалъ“ (Французск. суд. ораторы, стр. 88). Русскій законъ допускаетъ въ случаѣ признанія подсудимаго, согласно съ предъявленнымъ къ нему обвиненіемъ, переходъ къ преніямъ безъ производства судебного слѣдствія, если противъ этого не заявятъ претензіи стороны (ст. 681—682 У. У. С.). Неудивительно, что обвиненіе и защита всегда придають сознанию большое значеніе; сторона, на дорогѣ которой стоитъ или которую поддерживаетъ сознание, употребляетъ обыкновенно всѣ усилія, чтобы доказать его доброкачественность во второмъ случаѣ и опровергнуть въ первомъ. Сознание, по опредѣленію извѣстнаго процессуалиста Глазера, должно быть добровольнымъ, независимымъ отъ постороннихъ вліяній, опредѣленнымъ, не заключающимъ въ себѣ противорѣчій, согласнымъ съ естественнымъ порядкомъ вещей и обстоятельствами дѣла. Поэтому, для того чтобы воспользоваться сознаниемъ, необходимо доказать, что въ немъ осуществились выше приведенныя условія; противнику остается тогда доказывать отсутствіе какого либо изъ нихъ. Но даже и наличность признанія, повидимому удовлетворяющаго предъявленнымъ къ нему требованіямъ, не окончательно уничтожаетъ возможность опроверженія: сознание можетъ быть вызвано особыми побужденіями, напр. желаніемъ спасти кого либо или наоборотъ принести вредъ, можетъ быть сдѣлано подъ вліяніемъ внушенія, галлюцинацій и т. п.

Важнымъ условіемъ, какъ съ точки зрѣнія обвиненія, такъ и защиты, является соотвѣтствіе признанія съ обстоятельствами дѣла: часто виновный, сознаваясь по тѣмъ или инымъ побужденіямъ, старается уменьшить свою вину и такимъ

образомъ заслужить снисхожденіе. Обвиненію необходимо въ таеихъ случаяхъ возстановить истину, и въ одно и то же время отстоять свои положенія и лишить подсудимаго, солгавшаго съ цѣлью выгородить себя, довѣрія судей или присяжныхъ. Въ дѣлѣ объ убійствѣ іеромонаха Иларіона существовало подробное сознаніе подсудимаго, описывавшее событіе преступленія въ выгодномъ для него свѣтѣ; обвинитель постарался разрушить это описаніе: „Подсудимый говоритъ, замѣтилъ онъ, что совершилъ преступленіе вдругъ, что мысль объ убійствѣ пришла ему внезапно.... По его словамъ, онъ взялъ отца Иларіона, человѣка здороваго и высокаго, за воротъ. Тотъ его оттолкнулъ. Тогда подсудимый взялъ „ножичекъ“, какъ выразился онъ весьма нѣжно, и сталъ его колоть. Но мы знаемъ, что это было не такъ, что раны нанесены человѣкомъ, подошедшимъ сзади... коварно... Затѣмъ, посмотрите съ нравственной стороны на послѣдующія дѣйствія подсудимаго. Онъ убилъ внезапно, убилъ самъ не зная какъ и для чего.... но, тѣмъ не менѣе, онъ пролилъ потоки крови по всей квартирѣ, истерзалъ старика“.... (Кони. Судебныя рѣчи, стр. 304).

Ложь въ сознаніи или вообще въ показаніяхъ и объясненіяхъ подсудимаго усиливаетъ положеніе обвиненія и ослабляетъ защиту, поэтому послѣдней приходится насколько возможно, конечно, отстаивать вѣрность сообщеннаго подсудимымъ, если же такой приѣмъ употребить нельзя и отстаиваніе, очевидно, немислимо, то лучше, чѣмъ упорствовать въ бесполезномъ отрицаніи, корректно признать ложь, но въ то же время смягчить послѣдствія признанія, объяснивъ ее особыми обстоятельствами, указавъ на раскаяніе подсудимаго, на то, что сказанное имъ было вызвано смущеніемъ, растерянностью, что оно, наконецъ, ничего не могло принести обвиняемому кромѣ вреда. Напр. В. Д. Спасовичъ, защищая супруговъ Шишкиныхъ, слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ одно изъ показаній, данныхъ подсудимымъ: „Все это ложь и въ десятитысячный разъ оправдывается въ этомъ случаѣ замѣчаніе, что всякій проступокъ приносить съ собою и свое наказаніе: Шишкинъ совралъ и тѣмъ подорвалъ вѣру

въ свою искренность, навлекъ на себя подозрѣніе и этому же подвергъ и свою жену. Теперь онъ кается, но Богъ вѣсть, исправить ли онъ испорченное“. (Сочиненія, т. V стр. 55).

Особенное значеніе имѣетъ сознание, когда оно сдѣлано или подтверждено на судѣ при разборѣ дѣла; сознание, данное на предварительномъ слѣдствіи, но отвергнутое въ судебномъ засѣданіи, какъ это замѣчается на практикѣ, далеко не имѣетъ такого значенія и убѣдительности (см. Бобрицева-Пушкина, о. с. стр. 527); противъ него можно привести по большей части много возраженій: неточность записи слѣдователя, непониманіе подсудимымъ значенія признаваемыхъ имъ фактовъ, неожиданность, инквизиціонный характеръ вопроса, слишкомъ большое усердіе, проявленное полицейскими властями, средства, употребляемые для полученія признанія, напр. подговоръ товарищей по заключенію и т. д.

Сознание не подлежитъ ни въ какихъ случаяхъ распространительному толкованію, защита должна внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы ему не придали несоотвѣтственнаго значенія; на ея обязанности лежитъ точная формулировка тѣхъ обстоятельствъ, на которыя сознание распространяется, и указаніе, насколько они оправдываютъ требованія обвиненія.

По своему характеру сознание можетъ быть выгодно для обвиненія и для защиты. Первое воспользуется имъ, если оно вынуждено обстоятельствами, дано только потому, что виновный видѣлъ бесполезность дальнѣйшаго заперательства и своимъ признаніемъ подтверждалъ уже извѣстные суду факты, вслѣдствіе чего это сознание и не даетъ права мягче отнестись къ подсудимому. „Сознанія бываютъ различныхъ видовъ и изъ числа этихъ различныхъ видовъ мы знаемъ только одинъ, къ которому можно отнестись совершенно спокойно и съ полнымъ довѣріемъ. Это такое сознание, когда слѣды преступленія... скрыты, когда личность совершившаго преступленіе не оставила послѣ себя никакихъ указаній, и когда виновный самъ, по собственному побужденію, вслѣдствіе угрызений совѣсти..... заявляетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ“. (Кони, Судебныя рѣчи, стр. 300). Обвинитель въ приве-

денномъ отрывкѣ ставить уже черезчуръ строгія требованія для того, чтобы сознание могло служить въ пользу подсудимаго, составлять шансъ въ рукахъ защиты. Во многихъ случаяхъ достаточно, чтобы оно было чистосердечнымъ, не мотивировано указанными выше соображеніями полезности, чтобы подсудимый безъ утайки рассказалъ все имъ совершенное, хотя бы это можно было въ концѣ концовъ узнать и другимъ путемъ—защита можетъ сослаться на такое сознание въ свою пользу. Конечно, чѣмъ большее значеніе сознание имѣло для открытія преступленія, тѣмъ болѣе представляется полезнымъ для защиты образъ дѣйствій подсудимаго. Самымъ выгоднымъ для нея видомъ признанія и представляется явка съ повинною, т. е. добровольное заявленіе виновнаго о совершеніи имъ преступленія, когда оно еще неизвѣстно судебной власти, или хотя и извѣстно, но противъ сознавашагося не было достаточныхъ уликъ для привлеченія его къ отвѣтственности, о такомъ признаніи и говорилось въ приведенныхъ только что словахъ А. О. Кони.

Б. Свидѣтельскія показанія.

Свидѣтелями называются лица, вызываемыя въ судъ для объясненія какихъ либо извѣстныхъ имъ обстоятельствъ, относящихся къ разсматриваемому дѣлу. Показанія свидѣтелей точно также, какъ и сознание, пользовавшіяся особеннымъ значеніемъ въ слѣдственномъ процессѣ, утратили въ настоящее время свои формальныя преимущества, тѣмъ не менѣе они неизбежно фигурируютъ въ каждомъ дѣлѣ и составляютъ одно изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ сторонъ, почему разсмотрѣніе условій, при которыхъ свидѣтельскія показанія пріобрѣтаютъ значеніе или могутъ быть оспариваемы, представляетъ большой практической интересъ.

Свидѣтели могутъ быть раздѣлены на самыя разнообразныя группы: въ число ихъ входятъ и потерпѣвшіе и соучастники наравнѣ съ лицами, могущими только сообщить свѣдѣнія, относящіяся къ образу жизни и личности подсудимаго. Сообразно съ этимъ различіемъ мѣняются и отношеніе къ

показаніямъ свидѣтелей, увеличивается или уменьшается вѣроятность ихъ вліянія на судей, почему и возможно выдѣлить изъ числа свидѣтелей тѣхъ, показанія которыхъ вызываютъ особое отношеніе къ нимъ судей и сторонъ. Въ такомъ смыслѣ обращаютъ на себя вниманіе: 1) показаніе обвиняемаго о соучастникахъ въ преступленіи—оговоръ, съ которымъ, заинтересованная въ его поддержкѣ или опроверженіи, сторона почти неизбѣжно бываетъ вынуждена считаться; для того, чтобы оговоръ могъ войти въ число пригодныхъ доказательствъ, необходимо установить, не переходя еще даже къ опроверженію или отстаиванію его по существу, что оговорившій не имѣлъ намѣренія лишь улучшить этимъ свое положеніе, смягчить заслуженное имъ наказаніе, что онъ не имѣлъ побужденій вредить или мстить оговариваемому. Существованіе или отсутствіе этихъ предположеній неминуемо отражается на значеніи оговора на степени довѣрія, которую ему оказываютъ судьи. 2) Показанія потерпѣвшаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются центральнымъ доказательствомъ въ процессѣ, около котораго и сосредоточивается судебное состязаніе; особенно, если потерпѣвшій вмѣстѣ съ тѣмъ и очевидецъ преступленія, дающій ближайшія указанія объ обстоятельствахъ его совершенія и о личности виновнаго, то поддержка его показаній, при ихъ добросовѣстности и достовѣрности, составляетъ безусловную необходимость для обвинителя, наоборотъ дискредитированіе его, если это возможно, является вѣрнымъ залогомъ успѣха защиты. Гарантій вѣрности и, слѣдовательно, убѣдительности показаній потерпѣвшаго служатъ, какъ его личныя качества: умъ, глупость, образованіе, честность, такъ и отсутствіе дурныхъ личныхъ отношеній къ обвиняемому. Существованіе послѣднихъ неизбѣжно набрасываетъ тѣнь на все показаніе; вообще чрезвычайно важно, чтобы потерпѣвшій произвелъ благопріятное впечатлѣніе на судей, чтобы у нихъ не было основаній заподозрить мотивы его дѣятельности. Очень опасно въ этомъ отношеніи предположеніе, что потерпѣвшій дѣйствуетъ изъ корыстныхъ расчетовъ, что цѣль его воспользоваться представившимся

случаемъ для легкой наживы. По наблюденію г. Бобрищева-Пушкина въ виду строгихъ требованій, предъявляемыхъ присяжными къ показаніямъ потерпѣвшаго, они во многихъ случаяхъ не только не помогаютъ, но прямо вредятъ успѣху обвиненія, несмотря на то, что оно достаточно поддерживается другими доказательствами, компрометируя послѣднія и ослабляя ихъ силу. Напр., по одному дѣлу, въ которомъ потерпѣвшій, получилъ тяжкія тѣлесныя поврежденія въ просонкахъ (удары были вдобавокъ по головѣ) и вслѣдствіе этого давалъ на судѣ сбивчивыя показанія, обвиняя въ нанесеніи ударовъ то дворника, то полицейскаго, то, наконецъ, подсудимаго, послѣднему послѣдовалъ оправдательный приговоръ, несмотря на то, что обвиненіе располагало достаточно убѣдительными уликами, которыми дѣло выяснялось и безъ показанія потерпѣвшаго. Вообще, если въ дѣлѣ находится свидѣтель, очевидецъ событія преступленія, его показаніе часто становится рѣшающимъ дѣло въ пользу обвиненія, если оно ясно, опредѣленно и позволяетъ судьямъ составить при его помощи убѣжденіе по дѣлу и, наоборотъ, въ случаѣ неудовлетворительности оно является лучшей поддержкой защиты. Появленіе сомнительныхъ очевидцевъ, сбивающихся въ своемъ показаніи, всегда крайне невыгодно обвинителю.

Признаніе громадной важности свидѣтельскихъ показаній ведетъ къ установленію всевозможныхъ гарантій ихъ достовѣрности и вызываетъ самую серьезную фактическую провѣрку ихъ. Условія, которымъ должны удовлетворять свидѣтельскія показанія, могутъ быть раздѣлены на формальныя, внѣшнія, обезпечивающія предъявленіе въ судѣ только наиболѣе надежныхъ показаній, и матеріальныя, наличность которыхъ необходима для того, чтобы показаніе, данное съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, могло быть признано достовѣрнымъ по содержанию.

Судъ обязанъ удовлетворить требованія сторонъ о вызовѣ свидѣтелей, необходимыхъ для разъясненія дѣла, чтобы такимъ образомъ не было сомнѣній въ томъ, что судъ разсмотрѣлъ всѣ доказательства, имѣющія значенія, и слѣдо-

вательно, обосновалъ свое внутреннее убѣжденіе на основаніи всѣхъ данныхъ, какъ это требуется закономъ (ст. 573—577 У. У. С.). Затѣмъ закономъ же обеспечивается свобода свидѣтельскихъ показаній и независимость ихъ отъ постороннихъ вліяній. Свидѣтели помѣщаются въ особой комнатѣ, не присутствуютъ при предъявленіи другихъ доказательствъ, не допускается сношеніе ихъ со сторонами. Соображеніями о независимости свидѣтельскихъ показаній объясняется и сенатское рѣшеніе, признающее, что прокуроръ не имѣетъ права угрожать свидѣтелю во время производства дѣла привлеченіемъ его къ отвѣтственности за данное имъ показаніе. (В. К. Случевскій, о. с. стр. 98).

Въ цѣляхъ же возможной гарантіи правдивости свидѣтельскихъ показаній, законъ исключаетъ совершенно изъ числа свидѣтелей лицъ, не могущихъ дать сколько нибудь надежныхъ въ смыслѣ достовѣрности показаній, безумныхъ и сумасшедшихъ. На ряду съ этимъ исключеніемъ законъ ставитъ и другое, устраняя изъ числа свидѣтелей священниковъ, не могущихъ давать показаній объ узнанномъ ими на исповѣди, присяжныхъ повѣренныхъ и лицъ исполняющихъ обязанность защитниковъ, которые должны сохранять втайнѣ признанія сдѣланныя имъ кліентами въ интересахъ дѣла. (Ст. 704, У. У. С.). Объясняется это постановленіе закона желаніемъ охранить съ одной стороны совѣсть свидѣтелей и не ставить въ коллизію ихъ понятій о чести съ требованіями судебной власти, а съ другой стороны стремленіемъ обезпечить правильное исполненіе обязанностей, возлагаемыхъ на свидѣтелей ихъ профессіей. Въ судебной практикѣ по поводу дѣла объ убійствѣ псаломщика Кедрова возникъ вопросъ о предѣлахъ обязанностей священника хранить тайну, поэтому поводу оберъ-прокуроромъ А. О. Кони было высказано мнѣніе, что тайна обязательна для священника не только относительно признаній, сдѣланныхъ во время самой исповѣди, но вообще до тѣхъ поръ, пока не прервалось общеніе, вызванное исповѣдью между нимъ и лицомъ, дающимъ какое либо признаніе. Съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться, такъ какъ иное рѣшеніе воп-

роса, дѣйствительно, значило бы, что правосудіе не можетъ „выяснить истину.... иными путями, кромѣ раскрытія.... того, что было дотолѣ сокровенно для всѣхъ, исключая Бога“. (Кони. За послѣдніе годы. Стр. 80—81). Условно исключаются отъ свидѣтельства супруги и ближайшіе родственники подсудимыхъ, если не пожелаютъ давать показаній. Всѣ остальные свидѣтели несутъ обязанность давать показанія, вѣрность которыхъ охраняется присягой. Законъ смотритъ на допрашиваемыхъ подъ присягою или при равныхъ ей по значенію условіяхъ (торжественное обѣщаніе) какъ на болѣе надежныхъ, чѣмъ допрашиваемыхъ безъ присяги, но безусловнаго значенія присяга не имѣетъ, это только одна изъ гарантій; законъ какъ бы рекомендуетъ вниманію судей показанія, полученныя подъ присягой, т. е. съ обѣщаніемъ показывать правду, даннымъ передъ лицомъ Божиимъ, что, конечно, должно имѣть большое значеніе для вѣрующаго, но не обязываетъ давать присяжному показанію предпочтеніе передъ безприсяжнымъ, предоставляя оцѣнку того и другаго судейской совѣсти. Кромѣ того закономъ различаются лица, допрашиваемыя всегда безъ присяги, наиболѣе сомнительные свидѣтели: малолѣтніе, слабоумные, ближайшіе родственники, и допрашиваемые безъ присяги по требованію сторонъ, т. е. такіе, которые возбуждаютъ ихъ подозрѣніе, напр. лишенные всѣхъ правъ состоянія, потерпѣвшіе, состоящія въ особенныхъ отношеніяхъ по опека или усыновленію съ лицами, участвующими въ процессѣ (ст. 706, 707, У. У. С.). Отсутствіе какого либо условія, перечисленнаго въ законѣ (напр. неприведеніе къ присягѣ) можетъ дать поводъ къ опороченію показанія, независимо отъ его содержанія, поэтому каждая сторона должна озаботиться тѣмъ, чтобы ея свидѣтелями были въ точности выполнены всѣ формальности, и имѣетъ право требовать, чтобы тѣмъ же самымъ условіемъ удовлетворили и свидѣтели противника.

Внутреннія, матеріальныя условія достовѣрности свидѣтельскихъ показаній заключаются въ томъ, чтобы свидѣтель, удовлетворяющій законнымъ требованіямъ, дѣйствительно

заслуживалъ довѣрія суда, т. е. относительно каждаго своего показанія, правильнаго формально, могъ въ случаѣ надобности доказать, что оно должно быть признано вѣроятнымъ, что свидѣтель находился въ такомъ положеніи, что могъ видѣть или слышать показываемыя имъ обстоятельства, что его умственныя и физическія способности таковы, что онъ былъ въ состояніи воспринять слышанное или видѣнное. Законъ прямо запрещаетъ свидѣтельскія показанія, основанныя на неизвѣстно откуда исходящихъ слухахъ, т. е. такія, источника которыхъ свидѣтель не можетъ указать (напр. утверждая, что слышалъ о такомъ то обстоятельствѣ не опредѣляетъ отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ).

„Свидѣтели обвиненія обыкновенные люди, память которыхъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе къ событію, причемъ показанія ихъ въ существѣ одинаковы и при слѣдствіи и на судѣ. Это тѣ свидѣтели „здраваго ума и твердой памяти“, на которыхъ всегда спокойно можетъ опираться правосудіе. Иными свойствами обладаетъ большинство свидѣтелей, подтверждающихъ оправданія Протопопова.... Память или совершенно измѣняетъ имъ на судѣ.... или же напротивъ чрезвычайно просвѣтляется обратно пропорціонально количеству времени, прошедшему отъ событія и слѣдствія“.

(А. О. Кони. За послѣдніе годы, стр. 47). Въ цитированныхъ словахъ обвинитель сопоставляетъ своихъ свидѣтелей и свидѣтелей противника, и указываетъ, что отношеніе къ дѣлу послѣднихъ заставляетъ подозрѣвать вѣрность ихъ показаній, такъ какъ они противорѣчатъ естественному порядку вещей, что, слѣдовательно, воспринять подтверждаемыя ими обстоятельства въ той формѣ, въ которой передаютъ ихъ суду, они не могли. Опроверженіе ведется иногда дальше, такъ какъ кромѣ возможности видѣть и слышать и способности передать воспринятое, нужна еще для достовѣрности показанія наличность у свидѣтеля желанія сказать правду. Ораторъ имѣетъ полное право указать на причину отсутствія у свидѣтеля этого желанія. Такимъ образомъ, сторона можетъ рассчитывать на успѣхъ свидѣтельскихъ показаній только тогда, когда докажетъ (если это подвержено

сомнѣнію), что ея свидѣтель былъ въ состояніи сообщить нужныя свѣдѣнія и не имѣлъ никакихъ побужденій передавать ихъ невѣрно.

При устности и непосредственности современнаго процесса значеніе показаній въ большой степени обуславливается впечатлѣніемъ, которое производитъ свидѣтель, обязанный давать ихъ словесно передъ судьями. Допросъ свидѣтелей представляетъ поэтому большой интересъ для сторонъ и суда, такъ какъ посредствомъ его должно обезпечить возможность свидѣтелю сказать все, что онъ знаетъ, а участвующимъ въ процессѣ возможность проверить правдивость его словъ. Чтеніе на судѣ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ по уважительнымъ причинамъ: въ случаѣ смерти, болѣзни, или вообще законнаго отсутствія свидѣтеля; если онъ находится въ судѣ, прочтеніе раньше данныхъ показаній дозволено лишь для выясненія противорѣчій между ними и вновь даваемыми.

Существуетъ двѣ системы допроса свидѣтелей: одна изъ нихъ французская, въ ней первенствующая роль принадлежитъ предсѣдателю, и англійская, гдѣ на первый планъ выступаютъ стороны. „Слѣдствіемъ послѣдней системы, говоритъ Фридманъ, является быстрое изложеніе доказательствъ, каждая сторона спрашиваетъ свидѣтелей только о существенномъ; предсѣдатель сохраняетъ внушительное спокойствіе и безпристрастіе. Сущность этой системы заключается въ томъ, что свидѣтеля допрашиваетъ сначала вызвавшая его сторона, затѣмъ онъ подвергается, такъ называемому, перекрестному допросу со стороны противника“. Въ нашемъ процессѣ свидѣтель, по предложенію предсѣдателя долженъ передать все, что ему извѣстно о дѣлѣ „не примѣшивая постороннихъ обстоятельствъ“; послѣ этого ему предлагаются вопросы предсѣдателемъ и затѣмъ сторонами. Сначала допрашиваетъ свидѣтеля вызвавшая его сторона, потомъ противникъ (перекрестный допросъ); по окончаніи перекрестнаго допроса предсѣдатель и, съ его разрѣшенія, члены суда и присяжные могутъ предлагать дополнительные вопросы, если

что либо въ показаніяхъ покажется имъ не вполне выясненнымъ; слѣдовательно по У. У. С. допросъ свидѣтелей происходитъ при полномъ участіи всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ.

Предложеніе вопросовъ свидѣтелю необходимо для выясненія истины, такъ какъ, при всемъ желаніи оказать возможное содѣйствіе правосудію, онъ рѣдко въ состояніи самъ справиться съ этой задачей, можетъ совершенно невольно опустить подробности, кажушіяся ему не важными, остановиться только на томъ, что привлекло его вниманіе и, слѣдовательно, освѣтить матеріаль односторонне, наконецъ онъ просто можетъ быть человѣкомъ, не привычнымъ къ связанному изложенію цѣлаго ряда фактовъ; участіе сторонъ и суда въ допросѣ и должно помочь свидѣтелю дать полное и вѣрное показаніе. Вызванная его сторона, конечно, постарается соотвѣтствующими вопросами получить отъ свидѣтеля полезныя ей факты, противникъ — уменьшить значеніе этихъ показаній, обратить вниманіе на ихъ недостатки и пробѣлы.

Если перекрестный допросъ можетъ оказаться недостаточнымъ, слишкомъ окрашеннымъ партійныхъ духомъ, судьи имѣютъ полную возможность дать ему надлежащее направленіе своими вопросами. Въ виду этого относительно предлагаемыхъ свидѣтелямъ вопросовъ сомнѣніе вызывается лишь ихъ формой, т. е. ставится требованіе, чтобы свидѣтелямъ не предлагалось вопросовъ, могущихъ повліять на ихъ отвѣтъ своей конструкціей и, такимъ образомъ, лишитъ свидѣтельскія показанія независимости. Поэтому признается справедливымъ не допускать при допросѣ „запутывающихъ вопросовъ“ (captiöse Fragen), незамѣтно приводящихъ свидѣтеля къ утвержденію, несогласному съ его намѣреніями, умышенно увлекающими его въ мнимыя противорѣчія и несообразности. Предложеніе такихъ вопросовъ, очевидно, ставило бы достовѣрность свидѣтельскихъ показаній въ зависимость не отъ ихъ объективной доброкачественности, а отъ діалектическаго искусства лица, предлагающаго вопросы. Но едва ли удобно всегда подвергать столь рѣшительному исключенію изъ допроса, какъ дѣлаетъ, напр. Орловъ, такъ называемыя наводящіе вопросы, т. е. такіе, которые

подсказывают отвѣтъ въ извѣстномъ смыслѣ; конечно они недопустимы, если стѣсняють свободу свидѣтельскихъ показаній, заставляють свидѣтеля говорить противъ убѣжденія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ свидѣтели могутъ такъ растеряться въ судебномъ засѣданіи, ихъ умственное развитіе можетъ быть настолько не высоко, что имъ необходимо будетъ напомнить извѣстные имъ факты, для выясненія которыхъ они вызваны въ судъ. Въ этомъ случаѣ у свидѣтеля все таки остается возможность сказать да или нѣтъ по собственному усмотрѣнію; конечно, подобные вопросы должны употребляться съ величайшей осмотрительностью подъ бдительнымъ контролемъ сторонъ и суда, чтобы интересы правосудія не были нарушены.

По общему правилу свидѣтелей можно допрашивать объ обстоятельствахъ, имѣющихъ какую либо связь съ дѣломъ, этимъ и опредѣляется раздѣленіе свидѣтелей на относящихся и неотносящихся къ дѣлу. Вопросъ о томъ, какія обстоятельства слѣдуетъ признать относящимися къ дѣлу, рѣшается на основаніи общихъ соображеній о предѣлахъ судебного изслѣдованія. Нужно замѣтить, что нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства знаетъ особый видъ свидѣтельскихъ показаній, обломокъ стараго повального обыска, показанія окольныхъ людей объ образѣ жизни и характерѣ подсудимаго; они въ настоящее время не имѣютъ почти никакого значенія, тѣмъ болѣе, что примѣненіе ихъ въ городахъ, гдѣ сосѣди часто совершенно не знаютъ другъ друга, немислимо, поэтому судебной практикой допускается выясненіе характера личности путемъ свидѣтельскихъ показаній наравнѣ съ другими обстоятельствами дѣла, и эти показанія имѣютъ такое же значеніе, какъ относящіяся непосредственно къ составу преступленія и, слѣдовательно, являются столь же существенными, какъ и послѣднія.

Отъ свидѣтеля можно требовать не только фактовъ, но и извѣстной оцѣнки, опредѣленія субъективныхъ ощущеній свидѣтеля, вызванныхъ въ немъ какими нибудь обстоятельствами, такъ какъ иногда весьма полезно выяснить, какое впечатлѣніе производило на очевидца поведеніе подсудимаго,

его манера держаться, сказывающаяся въ ней растерянность, торопливость и т. п., въ силу того, что и подобныя обстоятельства могутъ послужить въ извѣстныхъ случаяхъ указаніемъ, полезнымъ для правосудія. На этомъ основаніи можно опредѣлить въ общихъ чертахъ предѣлы допроса, сказавъ, что онъ долженъ распространяться на все существенное для дѣла, на всѣ обстоятельства, касающіяся какъ состава преступленія, такъ и личности подсудимаго.

Выдающееся мѣсто, занимаемое свидѣтельскими показаніями въ судебномъ состязаніи, и обусловливаетъ необходимость тщательной оцѣнки ихъ въ рѣчахъ сторонъ, гдѣ и обвиненіе и защита должны возстановить свидѣтельскія показанія, данныя въ ихъ пользу и опровергнуть, если возможно, показанія, поддерживающія противника, закрѣпить окончательно своимъ разборомъ результаты допроса свидѣтелей. Во всякомъ случаѣ сторона, дѣлая все зависящее отъ нея, чтобы создать достовѣрность въ свою пользу, должна соблюдать основное требованіе всякой судебной рѣчи—объективное и безпристрастное отношеніе и къ чужимъ и къ своимъ доказательствамъ, хотя бы это иногда и создавало ей значительныя затрудненія.

То же вполне приложимо къ свидѣтельскимъ показаніямъ: чѣмъ спокойнѣе и сознательнѣе относится къ ихъ недостаткамъ ораторъ, тѣмъ болѣе имѣетъ онъ шансовъ, что судьи съ довѣріемъ отнесутся къ его словамъ, и ораторъ успѣетъ отстоять существенное для него. Такъ поступилъ А. Θ. Кони съ очень важнымъ для обвиненія показаніемъ по дѣлу Емельянова, гдѣ главная свидѣтельница, почти очевидица преступленія, компрометировала дѣло стремленіемъ къ невѣрной передачѣ извѣстныхъ ей обстоятельствъ. Обвинитель рѣзко отдѣлилъ личность свидѣтельницы отъ сущности ея показанія, замѣтивъ, что искаженныя ею подробности не могутъ поколебать основной части, фундамента обвиненія, подкрѣпляемаго обстоятельствами дѣла и житейской обстановкой подсудимаго. „Поэтому показаніе ея имѣетъ главное и существенное въ дѣлѣ значеніе. Я готовъ сказать, что оно имѣетъ къ сожалѣнію такое значеніе, потому что

было бы странно скрывать отъ себя и недостойно умалчивать передъ вами, что личность ея не производитъ симпатичнаго впечатлѣнія.... Но я думаю, что это свойство ея личности нисколько не измѣняетъ существа ея показанія. Если мы на время забудемъ о томъ, *какъ* она показываетъ, не договаривая, умалчивая.... то мы найдемъ, что изъ показанія ея можно извлечь нѣчто существенное, въ которомъ должна заключаться своя доля истины". (Судебныя рѣчи, стр. 7). Если же спасти что либо изъ полезныхъ ей свидѣтельскихъ показаній сторона не можетъ, лучше, по общимъ правиламъ объ излишнихъ и непригодныхъ доказательствахъ, исключить ихъ совершенно. Такъ было поступлено обвинителемъ въ процессѣ Мясниковыхъ. Онъ заявилъ, что считаетъ возможнымъ отказаться отъ пользованія цѣлой массой свидѣтельскихъ показаній сомнительнаго достоинства или не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ дѣлу. Поддерживая свидѣтельскія показанія ораторы въ нѣкоторыхъ случаяхъ не ограничиваются одной аргументаціей, но прибѣгаютъ и къ воздѣйствію на чувство, особенно, если свидѣтельское показаніе должно быть защищено, несмотря на возбужденное имъ сомнѣніе, такъ какъ безъ него нельзя обойтись, устранивъ его изъ дѣла. Въ упомянутомъ только что дѣлѣ Мясниковыхъ обвинитель былъ въ такомъ положеніи относительно очень важнаго свидѣтеля и въ то же время соучастника, Караганова, который явился на судъ въ крайне жалкомъ умственномъ состояніи, бывшимъ результатомъ долговременнаго злоупотребленія спиртными напитками, что, разумѣется, подрывало значеніе его показаній: „Наконецъ, если намъ станутъ говорить, что Карагановъ безумецъ въ настоящее время, то что же изъ этого? Кто допустилъ его сдѣлаться такимъ.... кто не давалъ ему работы, а давалъ водку въ изобиліи.... кто оставилъ его одного на жертву угрызениямъ совѣсти.... кто виноватъ въ такомъ его душевномъ разстройствѣ, если оно, дѣйствительно, существуетъ.... Если онъ находится передъ вами безумный, то это только самое живое и наглядное свидѣтельство того, въ чемъ онъ сознался. Онъ самъ, своею личностью—оче-

видное и вопіющее доказательство подложности завѣщанія, и не столько по тому, что онъ говоритъ, сколько по тому, въ какомъ положеніи онъ находится. И чѣмъ ближе это живое доказательство къ духовной смерти, тѣмъ громче и краснорѣчивѣе говоритъ оно о сдѣланномъ преступленіи“. (А. Θ. Кони. Судебныя рѣчи, стр. 235). Ораторъ старается въ этихъ словахъ обратить противъ противника даже самую непригодность доказательства, пытаясь сдѣлать отвѣтственными за это подсудимыхъ, подобный приемъ нельзя не признать рискованнымъ и могущимъ удался лишь при слабой защитѣ, такъ какъ во всякомъ случаѣ факта сомнительности доказательства онъ не устраняетъ.

Приемы, посредствомъ которыхъ достигается опроверженіе или ослабленіе свидѣтельскаго показанія очень различны. Нападеніе на свидѣтелей противника съ этой цѣлью начинается во время допроса, для веденія котораго въ интересахъ стороны требуется не мало навыка и умѣнія. Эта часть судебного состязанія была чрезвычайно серьезной и въ античномъ процессѣ, вслѣдствіе чего уже и тамъ установился рядъ правилъ для свидѣтельскаго допроса. Если читаемъ мы въ учебникѣ Квинтиліана, свидѣтель вреденъ противнику, не слѣдуетъ спрашивать его сразу о главныхъ пунктахъ, но постепенно какъ бы вынудить его рассказать все то, что полезно для допрашивающаго. (Точно также и современные процессуалисты указываютъ на опасность слишкомъ опредѣленнаго и скорого показанія свидѣтелей, которое вызываетъ подозрѣніе въ его подготовленности). Если на судъ являются свидѣтели незнатные, то слѣдуетъ ссылаться, продолжаетъ Квинтиліанъ, на ничтожность ихъ показаній; если они знатны, на насиліе надъ убѣжденіемъ суда (это правило утратило свое значеніе съ исчезновеніемъ слѣдственнаго процесса и формальной оцѣнки доказательствъ). Далѣе Квинтиліанъ указываетъ, что ораторъ долженъ знать свойства свидѣтелей, умѣть застращать робкаго, обмануть глупаго, раздражить гнѣвнаго; въ этихъ правилахъ для современнаго судебного дѣятеля сохраняетъ свою силу лишь основное положеніе—приспособленіе допроса къ индиви-

дуальнымъ особенностямъ свидѣтеля. Объ употреблявшихся прежде средствахъ: обманѣ, застраиваніи и т. п. согласно съ приведенными выше указаніями на порядокъ допроса, не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ, по мнѣнію Квинтилиана, если свидѣтель противника отличается умомъ и характеромъ, слѣдуетъ спрашивать его коротко и не давать поводовъ къ напрасному раздраженію, чтобы не вызвать желанія повредить допрашивающему. То же самое говорятъ и современные писатели (Фридманъ, Бестъ), рекомендующіе вообще не нападать на свидѣтелей противника сразу, не выяснивъ ихъ отношеніе къ дѣлу, чтобы не разсердить и не возбудить желанія повредить обвиняемому. Большая осторожность рекомендуется также при допросѣ своихъ свидѣтелей, чтобы предложеніе лишнихъ вопросовъ не сбilo и не запутало ихъ показаній въ ущербъ для дѣла и не лишило бы стороны поддержки вызваннаго ею же свидѣтеля.

Трудно было бы перечислить исчерпывающимъ образомъ всѣ основанія, которыя проводятся на практикѣ для того, чтобы поколебать или уничтожить силу свидѣтельскихъ показаній. Поводы, представляющіеся для этого, могутъ быть по обстоятельствамъ конкретнаго случая иногда самыми неожиданными, и отысканіе ихъ и пользованіе ими зависитъ отъ личныхъ качествъ и способностей оратора; однако, возможно указать нѣкоторые способы, къ которымъ часто прибѣгаютъ судебные ораторы. 1) Весьма часто употребляется нападеніе на личность свидѣтеля, доказываются его нравственные или умственные недостатки, не позволяющіе давать вѣру его словамъ. По нашимъ законамъ нападеніе на личность свидѣтеля ограничено требованіемъ, чтобы ему не ставились вопросы, уличающіе его лично въ совершеніи какого либо преступнаго дѣянія (ст. 722 У. У. С.), на такіе вопросы онъ можетъ отказаться отвѣчать, и обязанностью не употреблять въ рѣчахъ оскорбительныхъ для чьей либо личности выраженій. Что касается того, насколько допустимо нападеніе на личность свидѣтеля, выставленіе на видъ его семейной обстановки, порочности, — это опредѣляется общими соображеніями согласно съ выше-

сказаннымъ о характеристикахъ (стр. 73). Законъ обязываетъ свидѣтеля не уклоняться отъ отвѣтовъ, влекущихъ за собою обнаруженіе противорѣчій и несообразностей въ его показаніяхъ (ст. 722, У. У. С.). Свидѣтель не можетъ отказать и отъ дачи показаній о неправильныхъ дѣйствіяхъ, хотя бы и могущихъ повлечь для него невыгодныя послѣдствія (дисциплинарная отвѣтственность для служащихъ): личный престижъ и самолюбіе безъ сомнѣнія должны отступать на второй планъ передъ задачами юстиціи, но и стороны имѣютъ право затрогивать только тѣ свойства личности, которыя связаны съ процессомъ, дѣлаютъ показанія сомнительными. „Одинъ свидѣтель.... З., напр. замѣтилъ Н. П. Карабчевскій въ рѣчи по дѣлу Палемъ, удостовѣрялъ, что Палемъ была съ нимъ въ связи.... опросомъ г. З. между прочимъ выяснилось, что по дѣлу одной особы въ Одессѣ, искавшей содержаніе на ребенка, онъ являлся какъ свидѣтель защиты.... показаніемъ г. З. невинность дѣвушки сведена съ пьедестала. Товарищъ его выигралъ дѣло“ (Отчетъ по дѣлу О. Палемъ, стр. 66). Здѣсь какъ бы намекается на то, что показанія подобнаго рода составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ специальность свидѣтеля, чѣмъ и подрывается довѣріе къ нимъ судей; такое дискретированіе свидѣтеля можно признать связаннымъ съ дѣломъ. При выборѣ способа и пріемовъ нападенія на личность свидѣтеля также приложимо сказанное въ характеристикахъ (стр. 70). Если свидѣтель пользуется хорошей репутаціей, и правдивость его представляется для судей несомнѣнной, то прямое нападеніе считается невыгоднымъ, и ударъ наносится, если это необходимо, косвенно, т. е. не пытаюсь порочить личныхъ качествъ свидѣтеля, сторона указываетъ, что въ данномъ случаѣ все-таки на его показаніе нельзя положиться. Напр.: „Вообще относительно Малера я вотъ что замѣчу: я нисколько не сомнѣваюсь въ его добросовѣстности, но нѣсколько рѣзкихъ промаховъ относительно времени, когда онъ вышелъ изъ больницы доказываютъ, что память его далеко не надежна. Кромѣ того, Малеръ, по моему мнѣнію, человѣкъ увлекающійся и до того подчинен-

ный авторитету лица, которому онъ служилъ.... что это подчиненіе превратилось въ культъ.... Очевидно, что при такомъ розовомъ взглядѣ... г. Малеръ естественно долженъ былъ придти къ предположенію, что все, что ни есть у Ландсберга, принадлежитъ ему“... (Спасовичъ, сочиненія, т. V., стр. 48, 49). Показаніе свидѣтеля здѣсь опровергается, несмотря на отсутствіе у него личныхъ расчетовъ, ораторъ доказываетъ, что онъ не могъ, именно, въ данномъ случаѣ показать правду по исключительнымъ обстоятельствамъ и особенностямъ его характера.

2) На ряду съ личностью свидѣтеля должны быть поставлены и мотивы его дѣятельности, т. е. основанія, которыя побуждаютъ его высказаться въ ту или другую сторону. Вѣроятность этихъ побужденій въ значительной степени поддерживается характеристикой свидѣтеля. Единственный мотивъ, который можетъ быть признанъ въ свидѣтелѣ— это желаніе содѣйствовать правосудію, исполнить гражданскую обязанность внѣ всякихъ личныхъ соображеній. Затѣмъ, каковы бы ни были побужденія свидѣтеля, разъ они заставляютъ его смотрѣть на дѣло съ предубѣжденіемъ— показаніе въ большей или меньшей степени дѣлается сомнительнымъ. Въ этомъ отношеніи самыя благородныя и извинительныя побужденія (сожалѣніе, благодарность, дружескія и родственныя отношенія), стоятъ почти наравнѣ съ себялюбивыми или злостными. Въ процессѣ о гибели „Владимира“ участвовала въ качествѣ свидѣтельницы мать одного изъ утонувшихъ. Ея глубокое горе, объясняющее желаніе отыскать и наказать виновника смерти сына, дало возможность защитнику одного изъ подсудимыхъ настаивать на исключеніи даннаго ею показанія: „показаніе этой свидѣтельницы, сказалъ онъ, никогда не забудется нами, но въ основу судебного приговора оно не ляжетъ. Эта свидѣтельница знаетъ и помнить только одно: сынъ ея погибъ! Пройдемъ же мимо этого показанія съ той глубокой, но молчаливой скорбью, которой оно заслуживаетъ“. (Ляховецкій, о. с. Рѣчь Н. П. Карабчевскаго, стр. 140). Различіе побужденій, заставляющихъ свидѣтеля давать пристрастное

показаніе, налагаетъ однако на опровергающую сторону обязанность большей осторожности, она должна отгнѣнить качество мотива, указать на его естественность, извинительность, и такимъ образомъ выдѣлить дѣйствительно существовавшее и безспорное въ немъ внѣ всякой зависимости отъ личныхъ качествъ свидѣтеля, чтобы не предоставить противнику повода къ опроверженію на основаніи, не подлежащихъ сомнѣнію, хорошихъ личныхъ свойствъ свидѣтеля. *Ө. Н. Плевако* въ рѣчи по дѣлу *Максименко* согласился съ обвиненіемъ въ томъ, что подсудимая клеветала на свидѣтелей *Португалова* и *Дмитріевыхъ*, но въ то же время указалъ, что и къ ихъ показаніямъ нельзя все же относиться съ довѣріемъ, такъ какъ,.... *Португаловъ* былъ глубоко оскорбленъ этой бьющей въ самую сердцевину человѣческаго достоинства инсинуаціей. Въ меньшей мѣрѣ, но тоже были недовольны обвиненіемъ въ неосторожности и *Дмитріевы*“ . (*Рус. суд. ораторы*, стр. 296). Особенно выигрышный мотивъ для нападенія представляетъ полученіе свидѣтелемъ денегъ отъ стороны или вообще оказаніе ею какой либо матеріальной услуги. Такъ показаніямъ многихъ свидѣтелей по дѣлу *Мясниковыхъ* былъ противопоставленъ упрекъ, что они содержались на иждивеніи гражданскаго истца. Въ скопческомъ дѣлѣ *Кудриныхъ* прокуроръ указалъ на стачку свидѣтелей съ защитой (отчетъ стр. 15).

3) Поводомъ къ сомнѣнію въ достовѣрности показанія можетъ быть и положеніе свидѣтеля въ обществѣ, его зависимость, подчиненность лицамъ, заинтересованнымъ въ процессѣ. Служебное положеніе имѣетъ особое значеніе въ военныхъ судахъ, въ тѣхъ случаяхъ, напр. когда приходится сопоставлять показанія солдата и офицера. Такъ, когда *В. Д. Спасовичъ* по дѣлу *Крестовскаго* долженъ былъ возражать противъ показаній полковника, онъ счелъ нужнымъ оговориться, что обсужденіе показаній свидѣтеля не нарушаетъ уваженія къ его званію.

4) Выше было указано значеніе допроса свидѣтелей и впечатлѣніе, производимое ихъ личностью на судей; оцѣнка поведенія свидѣтеля на судѣ представляетъ выгодный пунктъ

для нападенія на его показанія. Въ судебныхъ рѣчахъ и попадаютъ весьма часто ссылки на то, что свидѣтель избѣгалъ отвѣтовъ на вопросы противника, повторялъ одно и то же, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, отказывался отъ поясненія своихъ отвѣтовъ, ссылался на слабость памяти или на незнаніе, напр. А. О. Кони въ рѣчи по дѣлу Мясниковыхъ говоритъ объ очень важной для дѣла свидѣтельницахъ: „на вопросы мои г-жа Бѣляева отвѣчала съ нескрываемымъ неудовольствіемъ, а на вопросы тѣхъ лицъ, которыхъ она считала особенно вредными для себя, т. е.... гражданскихъ истцовъ, она отвѣчала крайне лаконически, „да“ и „нѣтъ“, и притомъ чаще „нѣтъ“, чѣмъ „да“ и съ очевиднымъ раздраженіемъ..... отзывалась запаматованіемъ очень многихъ существенныхъ обстоятельствъ..... и въ то же время помнила такіа мелочи, какъ то, что запонки ея мужа остались въ цѣлости“.... (Судебныя рѣчи, стр. 214).

5) Обычнымъ предметомъ нападенія служитъ несогласіе показанія съ другими обстоятельствами дѣла, или фактическая несообразность показанія, физическая невозможность для свидѣтеля видѣть и слышать передаваемое имъ. По дѣлу Сарры Модебадзе, напр., было особенно много такихъ сомнительныхъ свидѣтелей, показаніе одного изъ нихъ картинно изображено въ рѣчи П. Я. Александра: „идеть онъ, рассказываетъ Якобишвили, и на этотъ разъ не оставивается. Видитъ, что десятскій ходитъ по домамъ евреевъ, стучитъ и вызываетъ ихъ на сходъ; а Якобишвили все идетъ да идетъ.... стучитъ десятскій въ одномъ домѣ и, конечно, постучавъ остановился, а Якобишвили все продолжаетъ идти. На стукъ выходитъ женщина. Десятскій проситъ ее вызвать сына. Между тѣмъ Якобишвили все идетъ. Женщина отвѣчаетъ: „зачѣмъ вамъ моего сына? Онъ... въ замученіи ребенка съ вами не участвовалъ, незачѣмъ ему быть на сходѣ“. Якобишвили, не забывайте, все идетъ, да идетъ. Что же такое его показаніе, какъ не движущаяся панорама“? (Рус. суд. ораторы, стр. 381).

6) Пробѣломъ въ показаніяхъ свидѣтелей является разнорѣчіе ихъ на судѣ и на предварительномъ слѣдствіи.

Заинтересованной сторонѣ въ такомъ случаѣ приходится объяснить выгодное для нея измѣненіе въ показаніи, тѣмъ, напр., что слѣдователь не понялъ свидѣтеля, невѣрно записалъ показаніе, что свидѣтель раньше дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страха, по необдуманности и т. п.; противникъ, разумѣется, будетъ стараться доказать, что измѣненіе произошло по другимъ, менѣе извинительнымъ для свидѣтеля, основаніямъ, т. е. нападетъ на мотивы его показанія.

7) Вызываетъ, наконецъ, сомнѣніе и слишкомъ согласное показаніе цѣлой группы свидѣтелей. Въ такомъ случаѣ совѣтуютъ прибѣгать къ допросу о подробностяхъ, на которыхъ можетъ скорѣе всего выясниться искусственность показанія, если она существуетъ (ср. А. Л. Левенстимъ, о. с. стр. 32—48).

В. Показанія экспертовъ.

Эксперты, по опредѣленію Устава Уголовнаго Судопроизводства, суть свѣдущіе люди, приглашаемые, въ тѣхъ случаяхъ, когда для уразумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ или какомъ нибудь занятіи, имѣющіе всѣ качества достовѣрныхъ свидѣтелей. Далѣе законъ и перечисляетъ примѣрно лицъ, могущихъ быть экспертами отъ врачей и профессоровъ до лицъ, имѣющихъ „особенную опытность по какой либо службѣ или части“. (Ст. 325, 326, 327. У. У. С.). Ихъ обязанность состоитъ въ тщательномъ изученіи предложенныхъ на ихъ разсмотрѣніе фактическихъ данныхъ, не только на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ слѣдователемъ, но вообще всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ дѣлу, помогающихъ выясненію истины (ст. 333, У. У. С.). Изучивъ и уяснивъ себѣ предметъ экспертизы, свѣдущіе люди помогаютъ судьямъ разобраться и надлежаще оцѣнить нѣкоторыя доказательства или даютъ по поводу ихъ свои мотивированныя заключенія, содержація въ себѣ не только оцѣнку доказательствъ, но и выводы изъ нея, могущіе лечь въ основу судейскаго

убѣжденія. Такимъ образомъ эксперты, какъ и свидѣтели, содѣйствуютъ выясненію обстоятельствъ дѣла, они и должны удовлетворять тѣмъ же формальнымъ требованіямъ, обезпечивающимъ правдивость показаній, какъ и свидѣтели, т. е. приводятся къ присягѣ и подлежатъ отводу по тѣмъ же причинамъ, но въ то же время въ положеніи экспертовъ и свидѣтелей сразу видна и большая разница. Свидѣтели создаются каждымъ дѣломъ; число ихъ не можетъ быть увеличено, ихъ нельзя замѣнить. Эксперты же могутъ вызываться судебною властью или приглашаться сторонами въ любомъ количествѣ; въ случаѣ неудовлетворительности ихъ показаній или невозможности явиться въ судъ, они могутъ быть замѣнены другими. Почему въ случаѣ столкновенія обязанностей эксперта и свидѣтеля по одному и тому же дѣлу, предпочтеніе отдается послѣднимъ, такъ какъ свидѣтеля нельзя замѣнить (ст. 693, У. У. С.). Наконецъ эксперты могутъ оставаться въ залѣ засѣданій при разборѣ дѣла, къ изученію обстоятельствъ котораго они призваны, свидѣтели, наоборотъ, устраняются отъ ознакомленія съ другими доказательствами по дѣлу.

Допросъ эксперта происходитъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и свидѣтеля, при участіи суда и сторонъ, при соблюденіи тѣхъ же правилъ и приемовъ. Въ продолженіе допроса стороны точно также прибѣгаютъ къ нападеніямъ на эксперта, стараются поколебать авторитетность его показанія, чтобы потомъ воспользоваться результатами допроса въ судебныхъ преніяхъ. Напр. Н. П. Карабчевскій въ рѣчи по дѣлу бр. Поповыхъ такъ передавалъ допросъ неблагоприятнаго для него эксперта: „Экспертъ.... заявилъ намъ здѣсь, что это все таки преступленіе.... противъ медицины.... я подробно сталъ спрашивать тогда г. ученаго медика. Первый вопросъ, который я предложилъ ему былъ таковъ: аллопаты онъ или гомеопаты. Вопросъ этотъ крайне его обидѣлъ, онъ даже не хотѣлъ отвѣчать на него.... оказалось, что онъ аллопаты, причѣмъ безъ судорогъ не можетъ даже слышать о гомеопатіи. Тогда... я спросилъ извѣстно ли ему, что гомеопатическія аптеки продаютъ свои крупинки

довольно дорого. Аллопать считаетъ это также шарлатанствомъ и обманомъ.... Эксперта гомеопата въ залѣ суда не оказалось, потому я удовлетворился вполне и этой экспертизой“ (отчетъ о дѣлѣ, стр. 25).

Отличіе экспертовъ отъ свидѣтелей, ставящее ихъ совершенно самостоятельно въ уголовномъ процессѣ, вызвало въ литературѣ цѣлый рядъ попытокъ опредѣлить отношеніе суда къ экспертамъ, значеніе ихъ мнѣній и выводовъ. Эти теоретическія разсужденія имѣютъ большое значеніе и для практики, такъ какъ принятіемъ того или другаго мнѣнія опредѣляется и оцѣнка экспертизы. Если, напр., принять крайнее мнѣніе, что научные эксперты—судьи фактовъ, отданныхъ на ихъ разсмотрѣніе, то критика ихъ показаній и условія допроса существенно измѣнятся. Всего лучше показанія экспертовъ признать, какъ это дѣлается весьма многими теоретиками уголовного процесса, самостоятельнымъ доказательствомъ, находящимся совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и всѣ другія—этимъ опредѣленіемъ устраняются и практическія затрудненія, неизбѣжныя при другихъ взглядахъ на нихъ. Съ принятой точки зрѣнія эксперты являются спеціальными помощниками судей, показанія и заключенія которыхъ подлежатъ свободной провѣркѣ послѣднихъ, остающихся и при экспертизѣ рѣшителями вопроса о томъ, насколько данное доказательство должно быть принято во вниманіе. Нѣкоторые процессуалисты пытались ограничить свободу оцѣнки экспертизы со стороны судей, раздѣляя ее на научную экспертизу, т. е. состоящую изъ заключеній, даваемыхъ представителями науки въ такихъ областяхъ знанія, для произнесенія мнѣнія въ которыхъ требуется обширная спеціальная подготовка. Въ русской литературѣ проф. Владиміровъ предлагалъ, чтобы судъ ограничивался разборомъ только исторической части подобныхъ заключеній, т. е. провѣркой пользованія экспертомъ фактическими данными слѣдственного матеріала—выводы эксперта по его мнѣнію критикѣ суда не могутъ подлежать. Большая свобода дѣйствій остается за судьями, согласно съ этимъ взглядомъ, въ оцѣнкѣ экспертизы, которую можно

назвать ремесленно-технической (экспертовъ такого рода проф. Владиміровъ предложилъ называть справочными свидѣтелями); къ этому виду экспертизы подходятъ заключенія, даваемые ремесленниками, бухгалтерами, каллиграфами и т. п. Съ этимъ различіемъ едва ли можно согласиться. Трудность провѣрить показанія эксперта зависитъ отъ обстоятельствъ, предлагаемыхъ на его разрѣшеніе: на практикѣ можетъ случиться, что въ вопросѣ объ умственныхъ способностяхъ легче ориентироваться, чѣмъ въ экспертизѣ сложнаго счетоводства банка. Нѣтъ основаній поэтому стѣснять судей какими либо предустановленными правилами и совѣтами. Оцѣнка показаній экспертовъ всегда будетъ въ значительной степени обусловлена ихъ личными качествами и знаніями, ихъ авторитетностью, довѣріемъ къ нимъ суда; возможность ошибокъ и невѣрныхъ заключеній одинаково не исключена ни въ ремесленной, ни въ научной экспертизѣ, и строгій анализъ показанія эксперта, какимъ значеніемъ бы въ своей спеціальности онъ ни пользовался,—основное условіе допустимости экспертизы, какъ доказательства. Такимъ образомъ заключенія экспертовъ должны быть провѣряемы сторонами, критиковаться ими по всевозможнымъ соображеніямъ.

Прежде всего, какъ и при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, предметомъ возраженія противъ правильности экспертизы можетъ быть несоблюденіе формальныхъ условій вызова и допроса экспертовъ, стѣсненіе противной стороны въ этомъ отношеніи. Особенное значеніе имѣеть, не достаточно оправдываемый обстоятельствами дѣла, отказъ суда въ назначеніи экспертизы, которымъ потерпѣвшая отъ этого сторона обыкновенно пользуется, чтобы возбудить въ судьяхъ сомнѣніе въ свою пользу. На это и указываетъ въ одномъ изъ своихъ кассационныхъ заключеній А. О. Кони: „Не имѣющее юридической обязательной силы, провѣряемое на судѣ указаніями здраваго смысла, говоритъ онъ,.... мнѣніе (спеціалиста) никакой опасности не представляетъ и, если нѣсколько усложняетъ процессъ, то за то уменьшаетъ возможность ошибки въ тѣхъ случаяхъ, когда за устраненіемъ надлежа-

щей экспертизы, каждому присяжному приходилось бы дѣлаться психіатромъ за свой счетъ и страхъ“ (За послѣдніе годы, стр. 103). Затѣмъ, если экспертиза произведена съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ правилъ, или уклоненіе отъ нихъ не представляется существеннымъ, могущимъ повліять на значеніе доказательства, то стороны переходятъ обыкновенно, къ анализу содержанія показанія, смотря по обстоятельствамъ, опровергая или поддерживая его. При оцѣнкѣ удовлетворительности этого показанія предметомъ спора, нападенія или защиты, могутъ быть личныя качества эксперта, устраненіе сомнѣній въ томъ, что онъ могъ дать заключеніе, заслуживающее довѣрія суда, что онъ обладаетъ для этого достаточными познаніями. Это сомнѣніе въ компетентности эксперта, согласно съ общими правилами, должно быть, по возможности, выражено въ формѣ, не оскорбляющей личнаго самолюбія. „Я думаю, сказалъ В. Д. Спасовичъ, обсуждая такую сомнительную на его взглядъ экспертизу, что не обижу и не скажу ничего непріятнаго для гг. экспертовъ.... сказавъ, что они не то, что диллентанты, но и не полные спеціалисты, такъ сказать, полуспеціалисты, такіе напр., какимъ былъ бы я критикомъ, если бы мнѣ дали разрѣшать тонкіе вопросы права полицейскаго, финансоваго или административнаго. Всѣ гг. эксперты искусные люди въ принесеніи помощи живому больному, но не въ изслѣдованіи причинъ смерти умершаго“. (Сочиненія, т. VI, стр. 195).

Когда компетентность эксперта, его способность дать правильное заключеніе, не подлежатъ сомнѣнію, нападеніе иногда можетъ быть перенесено на объективность эксперта; для предупрежденія этого въ сомнительныхъ случаяхъ заинтересованная сторона и стремится выяснитъ, что экспертъ не имѣлъ никакихъ побужденій высказать завѣдомо невѣрное мнѣніе, такъ какъ экспертиза, для того чтобы не утратить доказательной силы, не должна быть подозрѣваема ни въ малѣйшей тенденціозности, присутствіе которой позволяло бы утверждать, что при дачѣ показанія экспертъ руководился не желаніемъ выяснитъ истину и исполненіемъ долга, но

какими бы то ни было посторонними соображеніями, симпатіями или антипатіями: „Гг. итальянскіе эксперты, приглашенные защитой г. Пеше, вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ и даннымъ слѣдствія, довѣряютъ исключительно только объясненіямъ г. Пеше и Риццо.... Съ самаго начала они довѣрились г. Пеше и не могутъ отступить отъ того положенія, что каждое сказанное имъ слово сама истина. Въ теченіе долгаго процесса мы имѣли однако же многократные случаи убѣдиться въ противномъ. Ихъ экспертиза—талантливый..... научный трактатъ, но, къ сожалѣнію, онъ отправляется отъ невѣрныхъ фактическихъ данныхъ“ (Ляховецкій, о. с. Рѣчь Н. П. Карабчевскаго, стр. 142).

Если показанія эксперта не могутъ вызвать нареканій, ни на компететность, ни на мотивы, то ораторъ, обыкновенно, переходитъ къ критикѣ сущности его показаній. Правильность вывода можетъ быть оспариваема въ такомъ случаѣ на основаніи фактической части показаній, въ которой экспертъ перечисляетъ принятый имъ въ соображеніе для вывода матеріаль; послѣдній только тогда имѣетъ значеніе, когда обоснованъ на надлежаще провѣренныхъ фактическихъ данныхъ. Посылки, послужившія для умозаключенія экспертовъ въ случаѣ ихъ неточности и неполноты, т. е. не опирающіяся непосредственно на слѣдственный матеріаль или не охватывающія всѣхъ существенныхъ обстоятельствъ, могутъ быть предметомъ нападенія, которое и поколеблетъ значеніе вывода эксперта, не касаясь его научнаго достоинства. „Экспертизу его (проф. Сорокина) называли блестящею: прилагательное это я готовъ принять въ одномъ смыслѣ—экспертиза эта, какъ все блестящее, мѣшала смотрѣть и видѣть.... проф. Сорокинъ.... поддался невольному увлеченію—мыслью объ изнасилованіи; но онъ въ то же время понялъ, что экспертиза предварительнаго слѣдствія не годится..... для реальной.... попытки изнасилованія.... Экспертиза эта оказалась наскоро спитымъ саваномъ для Мироновича, но Мироновичъ не умеръ; работа профессора не ушла съ нимъ въ темный гробъ, и теперь, разсмотрѣвъ ее при свѣтѣ, мы видимъ..... какъ она плоха, какъ рвутся ея нити... съ окон-

чательнымъ и громкимъ паденіемъ изнасилованія на вчерашней экспертизѣ“. (Андреевскій. Защитительныя рѣчи, стр. 179—181). Правильность экспертизы опровергается и указаніями на недостаточные или устарѣвшіе приемы, которыми пользовались эксперты для обоснованія заключенія (напр. каллиграфическая экспертиза документовъ въ настоящее время значительно утратила свой престижъ и замѣнилась фотографической, отсюда возможность для стороны указать на неточность экспертизы, если судъ пользовался при разсмотрѣніи документовъ только одними каллиграфами). Основаніе для возраженія противъ экспертизы дается и поведеніемъ эксперта, если онъ переходитъ въ заключеніи за предѣлы своей обязанности, высказываетъ, напр., мнѣніе о виновности или невинности подсудимаго.

Если сторона не имѣетъ шансовъ на опроверженіе посылокъ эксперта, то остается еще разборъ сдѣланнаго имъ вывода, нападеніе на него съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, смотря по обстоятельствамъ даннаго случая, при этомъ критика можетъ опираться на внѣшніе недостатки вывода, заставляющіе сомнѣваться въ его правильности. Такъ иногда отмѣчаютъ разнорѣчіе эксперта въ показаніяхъ на судебномъ и предварительномъ слѣдствіяхъ, несогласіе его показаній на устномъ допросѣ и въ представленномъ имъ письменномъ заключеніи. Чтобы критика могла быть успѣшной, указываемыя неточности должны быть, конечно, значительны, а не касаться только мелкихъ подробностей. Законъ дозволяетъ эксперту пользоваться письменными замѣтками, наравнѣ съ другими участвующими въ дѣлѣ и свидѣтелями, когда предметъ показанія трудно удержать въ памяти, когда оно относится „къ какимъ либо вычисленіямъ, выводамъ или отчетамъ“ (ст. 628, У. У. С.), слѣдовательно, предполагаетъ возможность забывчивости и неточности въ этомъ отношеніи. Обычнымъ средствомъ для критики экспертизы служитъ разногласіе экспертовъ, очень часто встрѣчающееся на практикѣ при сложной экспертизѣ. При разногласіи экспертовъ стороны, каждая въ своихъ интересахъ, выбираютъ самое выгодное для нихъ мнѣніе и поддержи-

ваютъ его всѣми, имѣющимися въ ихъ распоряженіи, доводами; если представленные мнѣнія вообще, несмотря на разногласіе, не поддерживаютъ утвержденій стороны, то самый фактъ разногласія дозволяетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поколебать довѣріе къ экспертизѣ въ силу шаткости, неустановленности мнѣній, высказанныхъ экспертами, тогда отрицается возможность какого либо вывода вообще, и экспертиза объявляется недостаточной, требующей провѣрки и дополненія.

Наконецъ, возможна оцѣнка показанія эксперта и по существу, его научная критика, при которой борьба переносится на почву спеціальныхъ знаній, представляемыхъ экспертомъ. Такая борьба вполне законна и допустима, согласно съ тѣмъ, что было сказано во введеніи о необходимости для юриста общаго широкаго образованія. Онъ можетъ изучить тотъ или другой спеціальнѣйшій вопросъ самостоятельно или руководясь совѣтами лицъ знающихъ. По мнѣнію Фридмана, самостоятельное критическое отношеніе къ экспертизѣ особенно необходимо „въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ голосъ науки не имѣетъ опредѣленности, напр. въ вопросахъ о вмѣненіи. Этимъ доказывается, насколько дѣятельность юриста соприкасается со всѣми человѣческими знаніями“.

Для того, чтобы не выводить экспертизу изъ ряда доказательствъ, могущихъ быть провѣренными, должно требовать, чтобы экспертъ по возможности излагалъ и обосновывалъ свои мнѣнія въ ясной и доступной пониманію неспеціалистовъ формѣ, того же правила выгоднѣе всего держаться и при критикѣ мнѣнія экспертовъ, которая, чтобы быть дѣйствительно плодотворной, должна быть понятной судьямъ. Разумѣется возраженія эксперту должны опираться на несомнѣнно научныя данныя, здѣсь вполне умѣстно пользоваться авторитетами и ссылаться на общеизвѣстныя руководства по данной спеціальности если выводъ и приемы экспертизы не соотвѣтствуютъ употребляемымъ или признаваемымъ ими, напр. „Но даже одинъ бѣглый просмотръ книжекъ самыхъ извѣстныхъ, самыхъ употребительнѣйшихъ учебниковъ достаточенъ, чтобы пошатнуть всю вѣру въ экспер-

тизу. Книжки говорятъ противное тому, что экспертиза. Господа, я не специалистъ, но учебники пересматриваль "..... (Спасовичъ, сочиненія, т. VI стр. 196).

Г. Судебный осмотръ.

Судебный осмотръ есть дѣйствіе судебной или замѣняющей ее власти, посредствомъ котораго устанавливается наличность фактовъ, служащихъ доказательствами въ уголовномъ процессѣ. Осмотръ можетъ производиться однимъ судьей или при участіи экспертовъ, сливаясь, такимъ образомъ, съ экспертизой, разсмотрѣнной выше. Цѣль осмотра—дать суду возможно точное и ясное представленіе объ обстоятельствахъ, бывшихъ его предметомъ, чтобы судъ могъ довольствоваться установленными осмотромъ фактическими данными, не повторяя дѣйствій, путемъ которыхъ они получены. Если результаты судебного осмотра недостаточно выясняютъ суду интересующіе его и необходимые для дѣла факты, онъ можетъ самъ, въ полномъ составѣ, въ присутствіи сторонъ, и, если нужно, экспертовъ, произвести осмотръ мѣстности или предметовъ и такимъ способомъ удостовѣриться въ спорныхъ обстоятельствахъ: законъ дозволяетъ суду производить судебный осмотръ какъ мѣстности „для ближайшаго удостовѣренія событій“ въ важныхъ преступленіяхъ, такъ и назначать, по своему усмотрѣнію или ходатайству сторонъ или присяжныхъ, новое освидѣтельствоваіе участвующихъ лицъ или предметовъ, служащихъ для доказательства. Если судъ находитъ возможнымъ ограничиться ранѣ произведеннымъ осмотромъ, то онъ имѣетъ право вызвать въ засѣданіе лицъ производившихъ его для объясненія ихъ дѣйствій и, могущихъ оказаться необходимыми, дополнительныхъ свѣдѣній. Сообразно со сказаннымъ стороны имѣютъ возможность или настаивать на новомъ осмотрѣ и во время его доказать судьямъ справедливость ихъ заявленій и указаній, или должны довольствоваться обсужденіемъ и оцѣнкой данныхъ, занесенныхъ въ протоколъ осмотра, производившимъ его лицомъ. Въ этомъ случаѣ возраженія могутъ имѣть въ виду формальную правильность протокола (составленіе въ присутствіи

понятыхъ, подпись всѣхъ участвующихъ и т. д.). Но внѣшняя доброкачественность протокола еще не обязываетъ согласиться съ его содержаніемъ. Судъ можетъ по замѣчанію сторонъ или присяжныхъ признать его неимѣющимъ законной достовѣрности или полноты (ср. Ortloff, о. с. стр. 383—406; Левенстимъ, о. с. 28—31).

Обыкновенно при оспариваніи протокола указываютъ на недостаточную подробность, пропуски обстоятельствъ, имѣющихъ значеніе для дѣла, отчего и рекомендуется процессуалистами возможно подробная опись предметовъ осмотра, потому что всякое незначительное, на первое впечатлѣніе, обстоятельство можетъ оказаться впоследствии очень важнымъ; способъ изложенія, его ясность, отсутствіе нужныхъ плановъ, рисунковъ и проч., тоже можетъ компрометировать содержаніе протокола. Не малое значеніе имѣетъ и время составленія протокола: чѣмъ ближе оно къ событію преступления, тѣмъ больше шансовъ на то, что протоколъ описываетъ предметы въ такомъ положеніи, въ какомъ они дѣйствительно были въ моментъ совершенія преступления. Несогласіе показаній лицъ, производившихъ осмотръ, между собою или разнорѣчіе между протоколомъ и устными объясненіями лицъ его составлявшихъ, можетъ вызвать также подозрѣніе въ односторонности осмотра, въ томъ, что онъ производился въ силу заранѣе составленнаго мнѣнія о чьей либо виновности или невинности. Словомъ, протоколъ осмотра долженъ быть настолько яснымъ, точнымъ и опредѣленнымъ, чтобы не допускать сомнительныхъ или двусмысленныхъ выводовъ (ст. 105—114, 315—323, 327, 330—356, 687—692 У. У. С.).

Д. Вещественныя доказательства.

Вещественными доказательствами называются всѣ предметы внѣшняго міра, могущіе послужить для объясненія какого либо обстоятельства разсматриваемаго дѣла. Для того, чтобы эти предметы оправдали свое назначеніе, необходимо полученіе ихъ съ соблюденіемъ предписаній закона, опредѣляющаго порядокъ добыванія и храненія вещественныхъ

доказательствъ (вещественныя доказательства должны быть подробно описаны въ протоколѣ съ указаніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ отысканіе и взятіе и т. д. (ст. 371, У. У. С.) и точное установленіе ихъ отношенія къ преступному дѣянію, принадлежность ихъ обвиняемому. Въ прежнее время особое значеніе имѣло вещное, т. е. вещи, приобретенныя путемъ преступленія, найденныя у предполагаемаго преступника, въ настоящее время вещное имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякое другое доказательство.

Среди вещественныхъ доказательствъ особо выдѣляются, такъ называемыя, письменныя доказательства, т. е. всевозможные документы, имѣющіе отношеніе къ дѣлу, могущіе быть полезными для разъясненія его спорныхъ обстоятельствъ. Документы эти могутъ быть частными, принадлежащими подсудимому или лицамъ, находящимся съ нимъ въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ, или исходящими отъ общественныхъ и государственныхъ установленій, носящими официальный, служебный характеръ. Значеніе тѣхъ и другихъ актовъ (кромѣ случаевъ предусмотрѣнныхъ закономъ) также ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ, разобранныхъ выше, доказательствъ. Письменныя доказательства встрѣчаются часто въ процессахъ и въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ имѣютъ даже рѣшающее значеніе (подлогъ во всѣхъ его многообразныхъ проявленіяхъ). Исключительно на основаніи письменныхъ доказательствъ рѣшаются процессы о диффамаци; въ этихъ процессахъ со стороны обвинителей замѣтно бываетъ желаніе ограничить число допускаемыхъ въ качествѣ доказательствъ документовъ, чтобы еще больше связать руки противнику; но подобныя поползновенія встрѣчаютъ, однако, на практикѣ справедливое противодѣйствіе не только заинтересованныхъ лицъ, но и представителей судебной власти. Защита должна, конечно, отстаивать въ такихъ случаяхъ свое право въ представленіи письменныхъ доказательствъ, понимаемыхъ въ возможно широкомъ смыслѣ слова.

Вообще обсужденіе документовъ въ судѣ вызываетъ массу различныхъ вопросовъ по экспертизѣ и провѣркѣ, которые могутъ быть рассмотрѣны лишь въ специальныхъ моногра-

фіяхъ. Я позволю себѣ только указать на необходимость относительно каждаго письменнаго доказательства точно установить его подлинность, т. е. происхожденіе его отъ того именно лица или мѣста, которому оно приписывается, и отсутствіе въ содержаніи его какихъ либо произвольныхъ измѣненій. Въ этомъ отношеніи можетъ оказать услугу не только экспертиза почерковъ, но и изслѣдованіе соответствія содержанія документа съ характеромъ писавшаго, его взглядами, степенью умственнаго развитія и образованія, равно какъ и способъ его храненія и предъявленія въ судъ. (ст. 357—376, кромѣ того специальныя постановленія по ст. 1165, 1166, 1229 и др.). (Ср. Ortloff, о. с. стр. 469—508, Левенстимъ, о. с. стр. 59—74).

Е. Улики.

Однимъ изъ самыхъ спорныхъ доказательствъ въ теоріи уголовного процесса являются улики, т. е. всѣ данныя, не относящіяся непосредственно къ дѣлу, но допускающія возможность сдѣлать посредствомъ ихъ какой либо выводъ объ обстоятельствахъ, существенныхъ для него. Въ слѣдственномъ процессѣ улики совершенно заслонялись признаніемъ и свидѣтельскими показаніями, онѣ считались менѣе надежнымъ источникомъ для выясненія истины, чѣмъ послѣднія; теперь улики стоятъ наравнѣ съ другими доказательствами и являются такимъ же средствомъ обоснованія приговора по дѣлу, если ихъ достаточно для образованія „внутренняго убѣжденія“.

Особенность доказательства путемъ уликъ и заключается въ томъ, что онѣ, согласно съ вышеприведеннымъ опредѣленіемъ, могутъ быть сами по себѣ обстоятельствами безразличными для дѣла, и нужно еще тщательное обдумываніе и сопоставленіе ихъ, чтобы придти къ требуемому выводу. „Улики—это обстоятельства, которыя лишь въ извѣстной совокупности связанныя между собою цѣпью умозаключеній и логикой фактовъ, могутъ составить доказательство. Это отдѣльные кусочки, разноцвѣтные камушки, сами по себѣ не имѣющіе ни значенія, ни цѣнности, и только въ рукахъ опытнаго и добросовѣстнаго мастера, связанныя крѣпкимъ це-

ментомъ мышленія, образуютъ болѣе или менѣе цѣнную картину“. (А. О. Кони. За послѣдніе годы, стр. 167).

Понятно, что улики могутъ легко ввести въ заблужденіе неопытнаго изслѣдователя, такъ какъ онѣ очень часто представляютъ основанія для самыхъ различныхъ толкованій и объясненій, и достаточно, чтобы въ головѣ изслѣдователя сложилось твердо определенное убѣжденіе о виновности даннаго лица, и его самыя невинныя дѣйствія и поступки могутъ быть поставлены въ число уликъ: обстоятельства, говоряція въ его пользу оставлены безъ вниманія или совсѣмъ просмотрѣны, а выхвачены безъ связи съ другими только подозрительные факты, могущіе послужить цѣлямъ предубѣжденнаго изслѣдователя. На этотъ приемъ и указываетъ К. Ф. Хартулари въ рѣчи по дѣлу Маргариты Жюжанъ, обвиняемой въ отравленіи своего воспитанника: „Вотъ основанія, по которымъ распространенію слуховъ о болѣзни Николая Познанскаго я не придаю значенія улики и вполне увѣренъ, что если бы подсудимая дѣйствовала иначе, т. е. скрывала положеніе больнаго, то,—по установившемся, къ сожалѣнію, обыкновенію обращать въ улику противъ человѣка, который имѣетъ несчастье сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ, не только его дѣйствія, но и бездѣйствіе,—и на молчаніе М. Жюжанъ прокурорская власть указывала бы вамъ, какъ на обстоятельство, доказывающее ея виновность“! (К. Ф. Хартулари. Итоги прошлаго, стр. 406). Фридманъ, указывая на опасность судебныхъ ошибокъ при доказательствѣ преступленія уликами, при необдуманномъ пользованіи ими, говоритъ: „Улики—нѣмые свидѣтели, часто случается, что ихъ языка не понимаютъ. Ни одно доказательство не опасно такъ для невиннаго обвиняемаго, потому что противъ него рѣдко находится другое“. Судебному оратору необходимо по этимъ причинамъ тщательно разобрать всѣ улики и взвѣсить выводы и заключенія, допускаемыя каждой изъ нихъ, чтобы быть въ состояніи внимательно слѣдить за противнѣиомъ и отмѣчать всякую неточность, произвольность или односторонность въ его разборѣ. Напряженіе умственныхъ способностей, по замѣчанію Ортлова, достигаетъ при обсужденіи

уликъ высокой степени, и именно въ умѣломъ проведеніи доказательства посредствомъ уликъ и вѣрной оцѣнки уликъ, проводимыхъ противникомъ, высказывается талантъ оратора. При обсужденіи уликъ особенно часто приходится имѣть дѣло съ ошибками и вольными и невольными увлеченіями противника, вслѣдствіе чего остроумію, принципиальности и находчивости оратора здѣсь предоставляется обширное поле.

Для приданія значенія улики какому либо факту или дѣйствию человѣка нужно, чтобы было установлено несомнѣнно, что преступленіе дѣйствительно совершено, иначе улики не могутъ послужить основаніемъ для вывода о виновности лица въ дѣяніи, которое само еще представляется недостаточно изслѣдованнымъ и объясненнымъ. Необходимо, чтобы ораторъ стоялъ на твердой почвѣ, т. е. чтобы обстоятельства, на которыя онъ ссылается, какъ на улики, были доказаны и провѣрены, чтобы не было сомнѣнія, что они произошли именно такъ, какъ передается въ рѣчи; кромѣ того относительно этихъ обстоятельствъ должна быть достаточная вѣроятность связи между ними и доказываемыми дѣйствіями подсудимаго, чтобы они сближались не произвольно. Англійскій судья, замѣчаетъ Фридманъ, не приметъ въ соображеніе улики, пока существуетъ возможность сдѣлать изъ нея другое допустимое заключеніе;—только улики, прошедшія черезъ горнило строгаго анализа, могутъ быть приняты во вниманіе и положены въ основаніе „внутренняго убѣжденія“ судей.

Значеніе cadaго обстоятельства, служащаго уликой, не должно быть превышаемо. Заинтересованная сторона и старается, обыкновенно, доказать, что выводъ противника является слишкомъ смѣлымъ обобщеніемъ изъ сомнительныхъ данныхъ, или что они вполнѣ допускаютъ другой выводъ, противоположный сдѣланному. Напр. кн. А. И. Урусовъ въ рѣчи по дѣлу Волоховой (въ немъ обвиненіе опиралось главнымъ образомъ на улики) такъ возразилъ прокурору, придававшему чрезмѣрное значеніе народной молвѣ, бывшей противъ подсудимой: „Почему... народный голосъ является противъ подсудимой? Трупъ найденъ въ погребѣ дома Во-

лохова. Волоховъ жилъ несогласно съ своей женой. Послѣ этого слѣдуетъ немедленное заключеніе—она виновна. Почему? Больше некому. Вотъ народная логика"! Далѣе въ этой же рѣчи защитникъ, опровергая улику обвиненія, доказываетъ, что именно изъ нея слѣдуетъ логически сдѣлать совершенно противоположное заключеніе, чѣмъ то, къ которому пришелъ обвинитель: „г. прокуроръ говоритъ, что убійца всегда старается бѣжать отъ трупа. Совершенно соглашаясь съ этимъ... я долженъ замѣтить, что Мавра Егорова не страшилась быть на погребѣ (гдѣ былъ зарытъ трупъ), она солила тамъ огурцы и лазила даже въ погребъ. Если допустить, что она совершила преступленіе, то ее нужно признать за какое то исключеніе изъ всѣхъ людей. Между тѣмъ, если допустить, что убійство совершено было постороннимъ лицомъ, то проще допустить, что убійца бросилъ трупъ въ погребъ.... Домъ былъ совершенно пустой—погребъ отъ улицы былъ въ 7 шагахъ“. (Ляховецкій, о. с. Рѣчь кн. А. И. Урусова, стр. 279—282).

Въ настоящее время общепризнана бесплодность попытокъ дать указанія, какія обстоятельства могутъ считаться уликами, заранее намѣтить значеніе въ дѣлѣ той или другой улики и установить на этомъ основаніи ихъ раздѣленіе. Но по практическимъ соображеніямъ, въ видахъ удобства расположенія матеріала, возможно, какъ это дѣлается, напр. Орловъ, сохранить дѣленіе уликъ на предшествующія преступному дѣянію, совпадающія съ нимъ и, наконецъ, послѣдующія. Къ предшествующимъ уликамъ, обыкновенно, относятся: прежняя жизнь подсудимаго, его привычки и т. п.; значеніе этихъ обстоятельствъ рассмотрѣно въ изложеніи (глава III); къ совпадающимъ со временемъ совершенія преступленія уликамъ принадлежатъ: нахожденіе на мѣстѣ преступленія, кровь на платѣ, оружіе и т. д. и къ послѣдующимъ, напр. приготовленіе къ бѣгству, скрытіе слѣдовъ преступленія, похищенныхъ вещей. Это распредѣленіе уликъ можетъ оказать услугу судебному оратору при оцѣнкѣ ихъ въ рѣчи, помогая избѣжать спутанности и немотивированныхъ переходовъ при представленіи доказательствъ.

ГЛАВА VI.

З а к л ю ч е н і е .

Заключеніе—послѣдняя часть рѣчи, въ которой дѣлаются окончательные выводы, суммируются желанія и требованія оратора. Назначеніе ея состоитъ въ томъ, чтобы закрѣпить въ памяти судей все наиболѣе существенное для дѣла, тѣ обстоятельства и соображенія, которыя кажутся оратору самыми сильными. Заключеніе представляется необходимымъ дополненіемъ разсмотрѣнныхъ раньше частей рѣчи, потому что каждая изъ нихъ носитъ свой спеціальный характеръ, служитъ ближайшей цѣли. Такъ, и изложеніе и доказательства, направляютъ вниманіе судей на обсужденіе тѣхъ или другихъ моментовъ, на опроверженіе доводовъ противника и развитіе собственныхъ соображеній, и даютъ часто очень обширный матеріаль, въ которомъ ступевывается окончательный выводъ оратора, та цѣль, къ которой онъ стремится и на достиженіе которой была направлена вся его рѣчь, почему и необходимо разобратъся въ калейдоскопѣ впечатлѣній и докончить начатое. Быть можетъ, предшествовавшія части рѣчи убѣдили судей, заставили ихъ согласиться съ мнѣніями оратора, принять его аргументацію, но это убѣжденіе еще не получило окончательной формы, рѣшительный выводъ изъ него еще не сдѣланъ,—нужно подвести итоги, сосредоточить вниманіе, это и выполняется ораторомъ въ заключеніи. Заключеніе рѣчи можно сравнить съ послѣдними штрихами художника на картинѣ, благодаря которымъ она становится законченнымъ художественнымъ произведеніемъ. По дѣлу объ убійствѣ Бефани, напр., защитникъ подсудимаго кн. А. И. Урусовъ произнесъ довольно обширную рѣчь,

въ которой доказывалъ, что убійство было совершено въ аффектѣ, что если подсудимый и не вполне психически разстроенный человѣкъ, то во всякомъ случаѣ его дѣйствія позволяютъ усомниться въ его нормальности; заключеніе его рѣчи и представлялось какъ бы квинтъ-эссенціей всего имъ сказаннаго: „Нужно ли вамъ доказывать, что убійство изъ за любви совершено въ порывѣ отчаянія, раздраженія, запальчивости.... Если бы я этого не сказалъ, то эти камни возопили бы то же. Но когда вы будете судить о его виновности, вспомните, что сомнѣнія толкуются въ пользу обвиняемаго, и что въ данномъ случаѣ нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ вѣняемости Орлову содѣяннаго имъ зла. Кто этотъ человѣкъ, испорченный злодѣй или несчастный больной, котораго за доброту любили даже его жертвы,—я не знаю и вы не знаете. Потемки его души не были освѣщены спокойнымъ свѣтомъ научнаго изслѣдованія.... и мы стоимъ въ недоумѣніи передъ неразрѣшимой для человѣческаго правосудія загадкой“. (Отчетъ по дѣлу, стр. 41).

Заключеніе нужно въ томъ случаѣ, если рѣчь была обширной и касалась многихъ вопросовъ, тогда значеніе послѣдней части не подрывается и тѣмъ, что во вступленіи или программѣ ораторомъ были указаны его главные требованія; но если основной выводъ не возбуждаетъ сомнѣній то ораторъ можетъ ограничиться ссылкой на раньше сказанное и закончить рѣчь приведеніемъ доказательствъ въ свою пользу, не составляя особаго заключенія.

Сообразно съ тѣми задачами, которымъ служитъ заключеніе рѣчи, оно должно отличаться отъ другихъ частей краткостью, такъ какъ излишнее повтореніе прежде сказаннаго, расплывчатость, употребленіе для выраженія одной и той же мысли цѣлаго ряда фразъ, прямо противорѣчитъ цѣли заключенія: трудно ожидать, чтобы судьи внимательно слѣдили послѣ длинной рѣчи за растянутымъ и малосодержательнымъ заключеніемъ. Будучи краткимъ, заключеніе должно въ то же время быть выразительнымъ и яснымъ, чтобы заинтересовать и увлечь судей: въ немногихъ словахъ въ немъ должно сказать много и сильно. Перечисленные

требованія обусловливають внимательную подготовку заключенія, въ которомъ, какъ и во вступленіи, импровизація имѣеть лишь дополнительное значеніе. Нѣтъ также надобности говорить много о томъ, что пользованіе громкими фразами въ заключеніи столь же мало умѣстно, какъ и въ другихъ частяхъ рѣчи, и что приберегать про запасъ для окончанія рѣчи подобныя выраженія въ большинствѣ случаевъ бесполезно, потому что слушатели болѣе или менѣе привыкли къ такому приему и не высоко цѣнятъ шаблонныя риторическія украшенія, къ которымъ прибѣгаютъ слишкомъ часто.

Что касается до произнесенія заключенія, то въ немъ исполнѣе умѣстно, по обстоятельствамъ каждаго даннаго случая, употребленіе самыхъ разнообразныхъ приемовъ: отъ простаго спокойнаго изложенія до самаго патетическаго. Въ немъ весьма часто прибѣгали къ паѳосу древніе риторы, старавшіеся въ заключеніи воздѣйствовать главнымъ образомъ на чувство судей; у нихъ заключеніе являлось самой патетической частью рѣчи, почему еще Квинтиліанъ съ большимъ вниманіемъ отнесся къ пользованію паѳосомъ, именно въ заключеніи, настаивая на томъ, чтобы ораторъ не злоупотреблялъ патетическими мѣстами и картинами, ибо ничто такъ быстро не сохнетъ, какъ слезы, разсудокъ беретъ верхъ надъ сердцемъ, и судья становится равнодушнымъ къ голосу оратора; краткость заключенія—важное условіе и съ этой точки зрѣнія. Но, хотя заключеніе представляетъ удобную почву для воздѣйствія на чувство, оно не можетъ оправдать нарушенія общаго правила, гласящаго, что прибѣгать къ паѳосу можетъ только опытный ораторъ, имѣющій право рассчитывать на успѣхъ; если этой увѣренности у оратора нѣтъ, лучше и въ заключеніи сохранить обычный тонъ, придавъ ему нѣсколько большую силу, чѣмъ, напр. въ доказательствахъ (ср. главу I, форма рѣчи). Хорошій совѣтъ въ этомъ отношеніи даетъ Квинтиліанъ: „пусть никто не дерзаетъ, говоритъ онъ, извлекать у слушателей слезы, если не одаренъ высокимъ и сильнымъ краснорѣчіемъ. Чувство состраданія бываетъ сильно, когда восторже-

ствовало надъ сердцемъ, но за то и слабѣеть скоро, когда не произвело желаемого дѣйствія... оратору нужно знать свои силы: здѣсь нѣтъ середины—его ожидаетъ или смѣхъ или слезы". (Instit. l. IV, c. IV). Рискованное, не соотвѣтствующее силамъ и характеру дарованія оратора, заключеніе можетъ поколебать все сдѣланное раньше, такъ какъ послѣднее впечатлѣніе, вынесенное судьями, будетъ неблагоприятнымъ. Въ наше время къ патетическимъ заключеніямъ часто прибѣгаютъ французскіе ораторы, отличающіеся большимъ мастерствомъ въ фразахъ, которыя и вообще въ характерѣ южныхъ народовъ, гдѣ рѣчь льется быстрымъ, неустойчивымъ потокомъ и блещетъ смѣлыми образами и метафорами. Замѣчаемая сплошь и рядомъ въ русской судебной практикѣ излишняя приподнятость тона въ заключеніяхъ рѣчей сторонъ въ значительной мѣрѣ навѣяна иноземными примѣрами и не обусловливается требованіями русской жизни и народнымъ характеромъ, не склоннымъ къ слишкомъ быстрой и легкой впечатлительности.

Переходя къ болѣе подробному ознакомленію съ содержаниемъ заключенія, слѣдуетъ отмѣтить, что въ рѣчахъ современныхъ ораторовъ оно по общему правилу отличается болѣе дѣловымъ характеромъ сравнительно съ заключеніями рѣчей античныхъ ораторовъ, у которыхъ рѣчь часто закончивалась рядомъ обращеній къ чувству судей и просьбъ, основывающихся на обстоятельстве, не имѣющихъ никакой связи съ разсмотрѣннымъ дѣломъ, почему Цицеронъ и совѣтуетъ приводить въ заключеніи все, что можетъ воспламенить или смягчить судью (*inflammando vel mitigando*) или взволновать его и послужить на пользу оратору. Общее опредѣленіе того, что должно составлять содержаніе заключенія было дано Аристотелемъ; по его мнѣнію, оно распадается на четыре части: въ первой ораторъ старается расположить къ себѣ судей и возбудить ихъ антипатію къ противнику, во второй преувеличиваетъ значеніе своихъ соображеній и уменьшаетъ значеніе доводовъ противника, въ третьей возбуждаетъ страсти судей въ нужномъ направленіи и въ четвертой напоминаетъ, въ концѣ концовъ,

судьямъ объ ихъ обязанностяхъ и о томъ, чего ждетъ отъ правосудія ораторъ. Это опредѣленіе вполне соотвѣтствовало духу греческаго и римскаго судебного краснорѣчія, но теперь нѣтъ никакой возможности указать подобную общую формулу; содержаніе заключенія, какъ и другихъ частей рѣчи, слишкомъ мѣняется по особенностямъ каждаго конкретнаго случая и можетъ быть указано лишь примѣрно.

Заключеніе можетъ быть направлено на возбужденіе въ судьяхъ полезнаго для оратора настроенія (въ предѣлахъ, указанныхъ выше, безъ преувеличеній, несомвѣстныхъ съ требованіями краснорѣчія въ настоящее время). Для этого служить обращеніе къ судьямъ, призывъ къ ихъ человѣчности, мудрости, справедливости, на которыя полагается ораторъ; это обращеніе связывается обыкновенно съ главной мыслью рѣчи ¹⁾. Напр. ораторы ссылаются на особыя качества подсудимаго, возможные тяжелыя послѣдствія и значеніе для него приговора, причемъ, какъ и въ древности, стороны нерѣдко преувеличиваютъ значеніе своихъ соображеній, что можетъ быть оправдано и объяснено увлеченіемъ оратора, убѣжденіемъ его въ правотѣ отстаиваемаго имъ дѣла и вѣрности его мнѣнія. „Я васъ прошу только объ одномъ, говорить, напр. С. А. Андреевскій, защищая Меньщикова, признайте, согласитесь, что въ душѣ этого юноши живетъ идеаль добра и правды, что въ немъ таятся нравственныя сокровища, еще не отнятыя у него настоящимъ преступленіемъ. Можно быть увѣреннымъ, что, выйдя въ жизнь, на общественное поприще, окрѣпнувъ разумомъ и мыслью, онъ впредь всегда найдетъ въ сознаніи исполненнаго долга достаточно нравственной поддержки, чтобы презирать клевету и не давать уязвленному самолюбію всеильной власти надъ собою..... и я надѣюсь, что вы употребите всѣ зависящія отъ васъ средства, чтобы сберечь этого юнаго, но достойнаго собрата въ средѣ вашего сословія“.

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что предыдущія части рѣчи должны были достаточно возбудить чувство слушателей и потому въ заключеніи возможно прямо говорить о чувствѣ, которое ораторъ желаетъ вызвать, чего нельзя совѣтовать дѣлать въ началѣ рѣчи (см. главу I, форма рѣчи).

(Защитительныя рѣчи, стр. 77). На практикѣ судебныя ораторы пользуются по временамъ и посторонними обстоятельствами, дающими имъ возможность повліять на чувство судей. Напр. указываютъ на обвинительный или оправдательный приговоръ, какъ на средство добиться какихъ либо измѣненій въ законодательствѣ, въ административной практикѣ и устройствѣ; пользованіе подобными средствами, вносящими въ дѣло, не имѣющій къ нему отношенія элементъ, и дѣлающее судей критиками различныхъ учрежденій и законовъ, вообще ставитъ оратора на скользкую почву, и можетъ быть извинено лишь стеченіемъ необыкновенныхъ обстоятельствъ, заставляющихъ прибѣгнуть къ крайнимъ, при обычномъ порядкѣ недопустимымъ, приемамъ защиты. Въ приговорѣ судей долженъ быть данъ по совѣсти отвѣтъ о виновности или невинности, послѣдствія этого приговора въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть очень велики, отразиться на теченіи общественной и государственной жизни, но не возможность этихъ послѣдствій должна опредѣлять содержаніе приговора, а внутреннее убѣжденіе по дѣлу, высказавъ которое судьи исполняютъ свой долгъ, остальное ихъ не должно касаться. Примѣромъ приведенія соображеній, не относящихся ближайшимъ образомъ къ дѣлу, можетъ послужить заключеніе рѣчи въ защиту Мироновича: „присяжные, оправдывая Мироновича, рискуютъ объявить, что виновныхъ никого нѣтъ..... Приговоромъ этимъ присяжные, скажутъ тому, кто создавалъ это дѣло, кто руководилъ имъ,—они скажутъ этому руководителю, и это его, конечно, огорчить: вы никто иной, какъ вы,—выпустили настоящихъ виновныхъ! И вѣрьте, господа, что даже тѣ, въ комъ есть остатокъ предубѣжденія противъ Мироновича, и тѣ встрѣтятъ оправданіе его съ хорошимъ чувствомъ. Все забудется въ сознаніи свободы, въ радостномъ сознаніи, что русскій судъ отворачивается отъ пристрастія, что русскій судъ не казнить безъ доказательствъ“. (Андреевскій. Защитительныя рѣчи, стр. 215). Послѣднюю фразу этого заключенія нельзя не признать эффектной и соответствующей обстоятельствамъ разсматриваемаго дѣла, за то предыдущая можетъ быть

признана совершенно излишней, потому что присяжнымъ, выносящимъ вердиктъ по совѣсти, нѣтъ никакого дѣла до „огорченія“ или радости какого бы то ни было лица, не участвующаго въ процессѣ.

Заключеніе можетъ служить непосредственно для резюмированія рѣчи, тогда въ немъ повторяется все наиболѣе сильное изъ сказаннаго ораторомъ или точно формулируются его требованія. Въ такомъ заключеніи самое существенное состоитъ, какъ говоритъ Фридманъ, въ искусствѣ снова выдвинуть наиболѣе важные моменты и не ослаблять впечатлѣнія повтореніемъ и остановками на несущественномъ; судебные ораторы должны имѣть въ виду, что на судѣ присяжныхъ послѣднимъ предстоитъ послѣ ихъ рѣчи выслушать еще резюме предсѣдателя. Какъ образецъ подобнаго заключенія, я приведу заключеніе изъ рѣчи А. Θ. Кони по дѣлу Сусленникова: „Я обвиняю Сусленникова въ томъ, что воспользовавшись смертью Солодовникова, онъ похитилъ, насколько могъ, его имущество.... Подсудимый говоритъ, что однимъ изъ основаній любви къ нему Солодовникова было то, что у него мягкія руки, удобныя и пріятныя для растираній. Быть можетъ вапъ приговоръ докажетъ, что у него руки не только мягкія, но и длинныя“.... (Судебныя рѣчи, стр. 37).

Формулировка требованій оратора бываетъ прямая, т. е. ораторъ указываетъ на рѣшеніе, считаемое имъ справедливымъ, и косвенная, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣшеніе представляется сомнительнымъ; тогда ораторъ, сохраняя возможную объективность, взвѣсивая обстоятельства и признавая возможность разныхъ выводовъ, склоняется къ тому изъ нихъ который кажется ему самымъ вѣрнымъ, и тѣмъ старается побудить судей послѣдовать его примѣру. Когда предвидится возможность различныхъ рѣшеній, т. е. оправданія или обвиненія съ признаніемъ подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія или безъ этого или на разрѣшеніе присяжныхъ ставятся дополнительные вопросы, на случай отрицательнаго отвѣта на главный,—сторона можетъ указать въ заключеніи на наиболѣе справедливое съ ея точки

зрѣнія рѣшеніе, но въ то же время остановиться и на тѣхъ, которыя могутъ быть допущены, въ случаѣ несогласія судей съ основной мыслью оратора, чтобы не оставить ихъ безъ указаній и не дать благодаря этому повода къ менѣе выгодному для стороны рѣшенію. Напр. по дѣлу объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ прис. пов. Ординъ, поддерживая требованіе объ оправданіи, въ то же время дополнилъ его и на случай обвиненія: „Если вы признаете, что всѣ эти мученія не искупаютъ ея вины, признайте ее виновной въ томъ, что она не донесла: здѣсь будетъ удовлетворена и буква закона и то человѣческое чувство, которое среди столькихъ сомнѣній никогда не позволитъ.... сказать: ты убійца“. (Рус. суд. ораторы, стр. 36).

Требованіе должно быть высказано ясно и точно и поддерживаться предшествовавшими частями рѣчи, въ немъ нужна сдержанность и осторожность, выражающіяся въ соразмѣрности требованій со средствами и положеніемъ оратора. Чрезмѣрные требованія, не обоснованныя на обстоятельствахъ дѣла, могутъ прямо побудить къ отрицанію цѣликомъ всѣхъ соображеній оратора, съ другой стороны слишкомъ скромныя желанія, излишняя уступчивость противнику, можетъ быть въ равной степени не выгодна, такъ какъ судьи, обыкновенно, разсматриваютъ требованія стороны, какъ maximum того, на что она имѣетъ основаніе рассчитывать, и могутъ поэтому не счесть нужнымъ сдѣлать больше того, о чемъ ихъ просятъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	3
Введеніе	5
Глава I. Подготовка содержанія и формы рѣчи.	
А. Содержаніе рѣчи	15
Б. Форма рѣчи	34
Глава II. Вступленіе.	48
Глава III. Изложеніе	65
Глава IV. Доказательства. Общія соображенія.	85
Глава V. Доказательства.	
А. Сознаніе	118
Б. Свидѣтельскія показанія	123
В. Показанія экспертовъ	140
Г. Судебный осмотръ	148
Д. Вещественныя доказательства.	149
Е. Улики.	151
Глава VI. Заключение	155

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
41	7	сверху	изрѣченіе
46	10	сверху	изреченіе
46	14	внизу	неизбѣжны я въ
51	11	сверху	неизбѣжны въ
67	8	внизу	время, когда отъ
69	1	сверху	время отъ
94	7	сверху	разчислить
95	13	внизу	расчислить
106	9	внизу	Одарченко
			Пржевальскій
			указаніямъ
			указаніемъ
			не не идущими
			но не идущими
			предсматривающую
			предусматривающую
			окружать слабую
			окружать ими слабую
			позицію, какъ
			позицію

